ЧЕРТЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ И ЖИЗНИ

ЛИТОВСКАГО НАРОДА.

ВИЛЬНО.

Въ Типографіи Осипа Завадскаго.

1854.

ЧЕРТЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ И ЖИЗНИ ЛИТОВСКАГО НАРОДА.

ISZRYNKIMAJ

ISZ

Giwenima ir Apraszima LETUWIU.

(Переводъ заглавія по Литовски.)

1
2
3
4
5
6
7
8
9
Moulin lith
rys Wincenty Dmochowski
w Paryżu u Lemercier

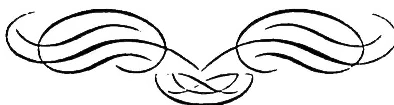
ЧЕРТЫ

ИЗЪ

Исторіи и Жизни

ЛИТОВСКАГО НАРОДА.

СОСТАВЛЕНЫ, СЪ РАЗРѢШЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА, ВИЛЕНСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ.

ВИЛЬНО.

Въ Типографіи Осипа Завадскаго.

1854.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Вильно, 30 Октября 1853 года.

Цензоръ, Стат. Совѣтникъ и Кавалеръ ***А. Мухинъ.***

ЛИТОВСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

(ОБЪЯСНЕНІЕ ВИНЬЕТКИ).

Въ настоящее время, когда Литовскія древности обращаютъ на себя особенное вниманіе ученыхъ, думаю, не безполезно будетъ представить хотя нѣсколько общихъ очерковъ изъ исторіи и миѳологіи нѣкогда могущественнаго Литовскаго Княжества. Съ этою цѣлію изображены на прилагаемой виньеткѣ развалины замковъ, до сихъ поръ существующихъ, и нѣкоторые предметы, добытые изъ нѣдра земли, гдѣ пролежали они цѣлыя столѣтія.

Какъ исторія Литвы, такъ и памятники ея древности почти до половины нынѣшняго вѣка оставались неразгаданными. Исторія— это храмъ, въ которомъ должны умолкнуть страсти, побужденія, житейскія связи и отношенія. Историкъ— это жрецъ истины, повергающій на ея алтарь иногда не токмо собственныя выгоды, но самое спокойствіе. Судъ настоящаго рѣдко бываетъ справедливъ для историка своего народа; фанатизмъ, пристрастіе позорятъ доблестное имя, которому суждено быть увѣнчаннымъ будущимъ поколѣніемъ, когда событія и время утишатъ страсти, уничтожатъ побужденія, отталкивавшія историческія истины, истины неопровержимыя, но попираемыя невѣдѣніемъ или заблужденіемъ. И счастливъ историкъ, если при жизни найдетъ хотя не многихъ, способныхъ оцѣнить его трудъ и самоотверженіе.

Исторія Литвы и ея столицы, Вильны, обязана своимъ бытіемъ Ѳеодору Нарбутту и Іосифу Игнатію Крашевскому. Они изторгли минувшее этой любопытной страны изъ хаоса, въ которомъ оно блуждало дотолѣ; освободили отъ оковъ заблужденія и проложили прекрасное поприще будущимъ изслѣдователямъ. Много ученыхъ бросились уже на это поприще, многихъ труды приносятъ уже нѣкоторую пользу; но повторяемъ, главная заслуга принадлежитъ безспорно Нарбутту и Крашевскому, и принадлежитъ не только потому, что они первые посвятили свои труды этому предмету, но и потому въ особенности,

что въ трудахъ этихъ видна основная цѣль: олицетворить великое назначеніе Историка, т. е. высказать истину, основанную на фактахъ, критикѣ, соображеніи и совершенномъ безпристрастіи.

Сколько исторія Литвы обязана Нарбутту и Крашевскому, столько же археологія этого любопытнаго края обязана Графу Евстафію Піевичу Тышкевичу. Онъ первый обратилъ вниманіе на этотъ важный предметъ и многолѣтними трудами успѣлъ сдѣлать гораздо больше, нежели сколько можно было ожидать отъ одного частнаго лица. Къ тому же Графъ Тышкевичъ примѣромъ своимъ породилъ любовь къ наукѣ, породилъ подражателей, съ пользою подвизающихся на этомъ прекрасномъ поприщѣ.

Виленская губернія— центръ древняго Литовскаго Княжества богаче другихъ памятниками минувшаго. Благодаря талантливому Виленскому художнику Викентію Дмоховскому, намъ удалось представить хотя нѣсколько изъ этихъ памятниковъ. Вотъ краткое объясненіе каждаго изъ нихъ. Начнемъ съ *Перкунаса и дубоваго дерева;* но, чтобы объяснить мысль художника, мы должны прежде хотя нѣсколько углубиться въ Литовскую миѳологію.

Языческая вѣра Литовцевъ происхожденія Восточнаго; въ ней проявляются миѳы Персидскіе, Индѣйскіе, а также Римскіе и Скандинавскіе. Изъ этихъ разнородныхъ началъ время и обстоятельства образовали единое цѣлое, коего главное основаніе— поклоненіе солнцу, звѣздамъ и огню. Вотъ нѣкоторыя изъ философическо-религіозныхъ понятій древнихъ Литовцевъ. Міръ, по мнѣнію ихъ, существовалъ искони. Все существовавшее въ мірѣ было воплощеннымъ божествомъ. Оно проявлялось двояко: какъ благодѣтельное или какъ гибельное— было *добромъ* или *зломъ*. Эти два начала, находясь въ постоянной борьбѣ между собою, сосредоточивались въ источникѣ добра и зла. Понятіе о верховной силѣ проявлялось въ слѣпомъ вѣрованіи *въ предопредѣленіе.* Оно управляло всѣмъ, отъ песчинки до государства. Отъ него зависѣла участь не только людей, но и боговъ. Верховное существо опредѣлило судьбу себѣ, людямъ, землѣ, растеніямъ, всему, и никто и ничто, самое это существо не могли избѣжать этой судьбы или перемѣнить ея. Самый грѣхъ былъ слѣдствіемъ не злой воли человѣка, но предопредѣленія, и кто согрѣшилъ, тотъ не могъ не согрѣшить.

Жизнь проистекала изъ двухъ началъ— добра и зла;— силы созидающей и силы уничтожающей. По этому-то послѣдней преимущественно и поклонялись Литовцы какъ силѣ грозной— властительницѣ жизни.

Души не знали Литовцы; но они понимали духъ, искру божества. Послѣ смерти, духъ возвращался въ нѣдра божества или оставался на землѣ и переходилъ въ другое тѣло. Не смотря на безусловное вѣрованіе въ предопредѣленіе, Литовцы ожидали награды и наказанія послѣ смерти. Награда ожидала того, кто безропотно покорялся судьбѣ; наказаніе того, кто дерзалъ противиться ей. Грѣхъ могъ быть искупленъ принесеніемъ въ жертву себя самого, или предмета дорогаго сердцу. Са-

мымъ страшнымъ наказаніемъ почиталось осужденіе духа послѣ смерти на вѣчное ничтожество. Въ противномъ случаѣ духъ, улетѣвшій въ горнія или оставшійся на землѣ, не переставалъ быть вѣчно.

Силами духа почитались разумъ, память, воображеніе, вниманіе, остроуміе; послѣднее подчинялось разуму. Способности и наклонности получались съ рожденіемъ; въ противномъ случаѣ пріобрѣсть ихъ не было возможности ни трудомъ, ни усиліями, ни опытомъ жизни.

Доброе, прекрасное, благородное проистекали изъ добраго начала. Истина и законъ значили одно и тоже. Законъ, искони существовавшій, былъ олицетворенною истиною. Закона нельзя было *создать*, но только *отыскать;* ибо онъ былъ проявленіемъ вѣчной истины. Обычай былъ уважаемъ, какъ память минувшаго; отъ этого даже порокъ, подъ покровомъ обычая, былъ терпимъ.

Предметы, не приносящіе дѣйствительной пользы, подлежали уничтоженію. Удрученные годами, неизлечимые страдальцы стонами своими оскорбляли Верховную силу, и потому ихъ приносили въ жертву.

Напрасно думаютъ нѣкоторые, что власть Криво-Кривейты, т. е. верховнаго жреца, была неограниченною. Она подчинялась закону. Криво-Кривейта повелѣвалъ именемъ боговъ; но эти повелѣнія согласовались съ обычаями и древними преданіями.

Литовцы поклонялись свѣтиламъ небеснымъ. Солнце было источникомъ жизни. Съ его появленіемъ, Литовецъ вѣрилъ въ свое существованіе; съ его закатомъ, тревожная мысль имъ овладѣвала онъ боялся, возвратитсяли солнце, возродитсяли жизнь? Это поклоненіе древнѣйшее въ Литовской миѳологіи, породило поклоненіе огню, называвшемуся *Зничъ*. Огонь или Зничъ былъ неугасаемымъ; его сторожили жрецы и жрицы (Вейделоты и Вейделотки). Въ послѣдствіи, когда стали поклоняться истуканамъ и вѣрованіе въ нихъ соединилось съ вѣрованіемъ въ огонь, Зничъ былъ зажигаемъ передъ истуканами.

Однимъ изъ главныхъ идоловъ Литвы въ послѣднее время язычества былъ *Перкунасъ*— богъ молніи (изображенный внизу виньетки). Истуканъ его ставили подъ дубомъ, а передъ истуканомъ стоялъ жертвенникъ съ неугасаемымъ Зничемъ.

Дубъ былъ посвященъ исключительно этому идолу. Дубъ и Перкунасъ сливались въ воображеніи Литовцевъ; они почитались священными и къ нимъ обращался Литовецъ во всякомъ случаѣ. Всякій предметъ, въ который ударилъ громъ, почитался святымъ. Человѣкъ, убитый громомъ, почитался счастливымъ въ будущей жизни. По мнѣнію Литовцевъ, въ шелухѣ жолудей, сосланы были богами сѣмена хлѣба; преданіе также воспоминаетъ, что древніе Литовцы питались жолудями. Преданіе и даже Прусскія хроники говорятъ, будто священные дубы и зимою и лѣтомъ были зелены. Не токмо дубовый лѣсъ, но и отдѣльныя деревья, особенно старыя, получали божескія почести; ихъ окружали заборами, или каменною стѣною и поклоненіе имъ долго еще продолжалось даже послѣ окрещенія Литовцевъ, а во время крещенія,

Литовцы скорѣе соглашались истреблять идоловъ, чѣмъ прикасаться сѣкирою къ вѣковому дубу, свидѣтелю минувшихъ поколѣній. И долго послѣ крещенія дубовые лѣса считались священными, и нынѣ еще простой народъ, особенно въ Трокскомъ уѣздѣ, оказываетъ имъ безсознательное, родовое уваженіе. Главные храмы Перкунаса и священныя дубовыя рощи были въ Кревѣ, Ромовѣ, въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Вильнѣ, гдѣ нынѣ Р. К. Соборъ и площадь,— простирался дубовый лѣсъ. Долина эта называлась долиною Свинторога, котораго прахъ былъ здѣсь сожженъ сыномъ его Гермундомъ. Послѣдній въ 1265 году основалъ здѣсь храмъ Перкунаса. Храмъ имѣлъ въ длину около 150 аршинъ, въ ширину 100, высота стѣнъ простиралась до 15 аршинъ. Храмъ былъ безъ крыши, съ однимъ входомъ съ западной стороны, съ противуположной стороны котораго была часовня съ разными сосудами и священными предметами, а подъ нею пещера, гдѣ хранились змѣи, лягушки и другіе гады. Въ этомъ-то храмѣ стоялъ идолъ бога молніи Перкунаса, привезенный изъ Полангена. Здѣсь было возвышеніе въ родѣ галлереи, въ 16 аршинъ надъ стѣною. Въ галлереѣ помѣщался главный жертвенникъ на пьедесталѣ изъ 12 ступеней, изъ коихъ каждая была поларшина вышиною и 3 аршина шириною; жертвенникъ или алтарь былъ вышиною 3 аршина, а шириною 9 аршинъ. На этомъ алтарѣ горѣлъ неугасаемый *Зничъ*. Огонь пылалъ во внутреннемъ углубленіи въ стѣнѣ, сдѣланномъ такъ искустно, что его не могли потушить ни вѣтеръ, ни дождь, а напротивъ еще увеличивали пламя. На ступенькахъ обозначено было теченіе луны.

Перкунъ (на виньсткѣ) поставленъ *на каменномъ молотѣ*. Такіе же два молота, только въ меньшемъ размѣрѣ изображены вверху виньетки рядомъ съ портретами. Большой молотъ найденъ подъ Слуцкомъ, меньшіе находимы были подъ Вильною, въ Минской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. Молоты эти находятся въ рѣдкомъ собраніи Литовскихъ древностей у Гр. Е. П. Тышкевича. Вообще находимые въ землѣ молоты можно раздѣлить на три рода: 1. Молоты съ отверстіями внутри, куда вкладывалось древко. 2. Безъ отверстій, плоскіе, съ одного конца заостренные безъ всякаго слѣда, чтобы имѣли оправу, и 3. отъ половины съуженные для оправы въ древко. Длина ихъ бываетъ отъ 2 до 10 вершковъ. Думаютъ, что они введены въ употребленіе Скандинавами во время ихъ переселенія въ эту страну, потому что такіе именно молоты преимущественно находятъ въ Норвегіи, а также и потому, что родъ камня, изъ котораго они сдѣланы, сѣверный, въ здѣшнихъ странахъ неизвѣстный. Какое именно было назначеніе этихъ молотовъ съ точностію опредѣлить не возможно. Нѣкоторые полагаютъ, что они служили оружіемъ, прежде нежели стали для сего употреблять желѣзо. Но скорѣе полагать можно, что они, какъ оружіе, употреблялись только начальниками войскъ и другими привиллегированными воинами, или же служили орудіемъ для убіенія жертвъ, приносимыхъ богамъ, а это послѣднее тѣмъ вѣроятнѣе, что нѣкоторые молоты такъ велики, что

ими съ трудомъ можно бы владѣть въ сраженіи. *Сѣкиры и Топоры* (изображенные по правую руку отъ Перкунаса и въ самомъ верху виньетки) были большею частію бронзовые. Ихъ находятъ въ курганахъ, гдѣ были зарываемы вмѣстѣ съ пепломъ усопшаго. Подобнымъ же образомъ находятъ и разные женскіе уборы какъ наприм: представленная здѣсь женская *булавка съ цѣпочкою* (по лѣвую руку отъ Перкунаса) и нѣчто въ родѣ *ожерелья* (вверху на деревѣ, между портретами). Булавка эта изъ бронзы служила для волосъ; отъ нея шла въ три ряда цѣпочка, обвивавшая голову, каждая цѣпочка имѣла въ длину полтора аршина и каждая оканчивалась заостренными полумѣсяцами, вѣроятно, для прикрѣпленія къ убору на шеѣ или на груди. Булавка эта найдена въ Ковенской губерніи въ имѣніи Подубись, помѣщика Клета Бурбы. *Шейный уборъ*, тоже бронзовый, найденъ въ Полангенѣ.

Двѣ фигурки (изъ композиціи, въ родѣ колокольнаго металла) съ отрубленными руками, изображаютъ обѣ стороны идола, найденнаго въ землѣ въ Ковенской губерніи. Гр. Е. П. Тышкевичъ полагаетъ, что это богъ войны *Кавасъ*, отъ имени котораго Литовцы называли мѣсяцъ Мартъ *Кавасомъ*, подобно тому, какъ и Римляне называли этотъ мѣсяцъ Мартомъ отъ *Марса*.

Подъ дубомъ представлено бранное одѣяніе Литовскаго воина — начальника. Въ глубокой древности, Литовцы, вмѣсто латъ и панцырей, носили медвѣжьи шкуры шерстью вверхъ. Шкура съ головы звѣря и челюсть его, съ зубами, служила вмѣсто шлема. Но со времени нападеній и безпрестанной борьбы съ Рыцарями, они познакомились съ шлемомъ и панцыремъ, хотя медвѣжья шкура долго еще составляла принадлежность одѣянія Литовскаго воина.

Между портретами помѣщено вензельное изображеніе имени Витовта A. W., т. е. Александръ-Витовтъ; оно было вышито на знаменахъ его войскъ.

Объемъ статьи недозволяетъ намъ входить въ большія подробности Литовскихъ древностей, добытыхъ изъ нѣдра земли. Перейдемъ къ памятникамъ, до сихъ поръ еще существующимъ на ея поверхности.

Развалины Лидскаго Замка 1).

Городъ Лида построенъ на самомъ рубежѣ древней Литвы и племенъ Славянскихъ. Основаніе его относятъ ко второй половинѣ XIII столѣтія; когда удѣльное Дейновское Княжество было завоевано Литовцами. Съ того времени Дейново, столица Княжества 2), уступило мѣсто Лидѣ, которая въ началѣ, вѣроятно, была небольшимъ поселеніемъ

---

1) См. N. 1. на виньеткѣ.

2) Дейново на западъ отъ Лиды въ 10 верстахъ, вблизи рѣки Дзитвы, теперь имѣніе. Здѣсь существовалъ замокъ, слѣды коего видны и нынѣ въ разныхъ углубленіяхъ прудовъ, отросткахъ грабба, нигдѣ вблизи не растущаго, и камнѣ огромной величины, на коемъ по преданію казнили преступниковъ. Камень этотъ называется и теперь въ

Литовскимъ 1). Замокъ построенъ въ 1326 году В. Кн. Гедиминомъ. Строили его Кіевскіе каменщики и Русскіе плѣнники изъ Волыни. Замокъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, а отъ города глубокимъ рвомъ. Каждая изъ четырехъ его стѣнъ имѣетъ длины 32 саж. толщины 2 саж. и высоты 5 саж. и 2 арш.; на противуположныхъ углахъ находятся развалины двухъ высокихъ башенъ; близъ сѣверовосточной башни— ворота. Въ одной башнѣ замка съ самаго его основанія находилась домовая церковь. Ягайло отдалъ Лиду во владѣніе любимцу своему Войдылѣ 2). Впрочемъ, до 1392 года, не смотря на междоусобныя и внѣшнія войны и разные политическіе перевороты, происходившіе въ Лидѣ, исторія умалчиваетъ о здѣшнемъ замкѣ. Въ этомъ году Князь Витовтъ съ Крестоносцами подъ начальствомъ Гросмейстера Конрада Валенрода, прогнавъ изъ Лиды Князя Корибута, оставленнаго въ замкѣ съ Сѣверскимъ войскомъ для защиты края, взялъ замокъ и опустошилъ городъ. Большое количество оружія и прочихъ военныхъ доспѣховъ досталось въ руки непріятеля. Въ 1394 году Крестоносцы, по наущенію Князя Свидригайлы подъ предводительствомъ Гросмейстера Конрада-Юнгингена, ворвавшись въ Литву и опустошивъ пространство ея между Гродномъ, Ковномъ и Вильною, вторично напали на замокъ и разграбили его. Съ 1396 по 1399 годъ съ дозволенія В. Кн. Витовта, Ханъ Кипчатской Орды Тохтамышъ, послѣ бѣгства своего изъ Орды, жилъ въ этомъ замкѣ съ многочисленною своею свитою. Въ 1406 году Смоленскій Князь Юрій Святославовичъ, желая освободить свою супругу, бывшую въ плѣну въ Лидѣ, нападалъ на замокъ; но Лидскій Староста Яковъ Селицкій отразилъ его и прогналъ. Въ 1434 году низверженный съ престола Сигизмундомъ Князь Свидригайло, идучи съ значительными силами къ Вильнѣ, ограбилъ и сжегъ Лиду, но замка не могъ взять. Вскорѣ послѣ того, по повелѣнію Сигизмунда, бывшій Ханъ Кипчатской Орды Хаджи Гирей назначенъ Лидскимъ Старостою и жилъ постоянно въ замкѣ до 1443 года, когда, по просьбѣ Крымскихъ Татаръ, возведенъ Королемъ опять въ Ханское достоинство. Въ этомъ же году жилъ лѣтомъ въ Лидскомъ замкѣ Князь Казимиръ, долго ли ,неизвѣстно; въ 1553 г. Православная Церковь перенесена изъ Замка во вновь построенную среди города во имя Св. Георгія. Въ 1659 г., во время войны съ Россіею Замокъ былъ

простонародіи *Кобылою* и, судя по мѣстоположенію, вѣроятно, находился на площади насупротивъ дворца. Княжество Дейновское граничило съ Гродненскимъ Княжествомъ по р. Котру, съ нынѣшними уѣздами Волковыскимъ, Новогрудскимъ и Ошмянскимъ.

1) Слово Лида по литовски означаетъ *пасѣку*, или поле, очищенное отъ лѣсу.

2) Въ имѣніи Домбровнѣ, находящемся въ Лидскомъ уѣздѣ, въ 5 верстахъ (на востокъ) отъ Лиды, указываютъ мѣсто и каменные фундаменты дворца Войдыловскаго. Войдыло, происходя изъ низкаго званія, добился высокихъ почестей при дворѣ Ольгерда и былъ любимцемъ Ягайлы, который выдалъ за него сестру свою Марію. Въ 1381 году, когда Князь Кейстутъ взялъ Вильну и вытѣснилъ изъ нея Ягайло въ Витебскъ, Войдылло, какъ виновникъ семейной вражды, былъ повѣшенъ.

взятъ Княземъ Хованскимъ и опустошенъ, а городъ сожженъ и разрушенъ до основанія. Въ началѣ XVIII столѣтія Шведы, во время безпрерывныхъ походовъ чрезъ Литву, разрушили во многихъ мѣстахъ замокъ и совершенно разграбили его. Архивъ изъ замка послѣ былъ вывезенъ Русскими въ Смоленскъ, гдѣ сгорѣлъ въ 1812 году. Въ продолженіи минувшаго столѣтія замокъ былъ еще поддерживаемъ Лидскими Старостами, имѣвшими въ немъ свое пребываніе; но съ 1794 года, подвергшись совершенному разорѣнію и опустошенію, и до сихъ поръ, не смотря на всесокрушающее время, стоитъ, какъ нѣмой пятивѣковой свидѣтель всѣхъ событій и перемѣнъ, совершившихся на Литовской землѣ.

Бернардинская Башня 1).

Въ Вильнѣ всѣ восхищаются готическимъ костеломъ Св. Анны, забывая о существованіи еще одной прекрасной башни позади костела Бернардиновъ, замѣчательной, какъ памятникъ готическаго стиля въ этомъ краѣ, такъ и потому, что даетъ намъ понятіе о прежнемъ костелѣ Бернардиновъ, много разъ опустошенномъ пожарами. Столько уже было видовъ костела Св. Анны, а никто не вспомнилъ объ этой башнѣ. Вотъ почему мы рѣшились представить ее на виньеткѣ. Половина нынѣшняго фронтона Бернардинскаго костела достроена въ началѣ нынѣшняго вѣка, послѣ пожара во время войны 1794 года; достройка эта весьма замѣтна на первый взглядъ. Точно также достроенъ и главный престолъ, но уцѣлѣла еще одна башня, по правой сторонѣ, именно та, о которой мы говоримъ. Съ улицы видна только ея вершина, но, чтобы хорошо разсмотртъ эту любопытную башню, надобно взойти на дворъ Бернардинскаго монастыря, позади костела; оттуда она величаво возносится изъ каменныхъ строеній, коими занесена. Она осьмиугольная, гораздо выше крайнихъ башенъ Св. Анны, и до сихъ поръ уцѣлѣла въ такомъ видѣ, какъ была построена въ 1469 году Казимиромъ Ягеллономъ. Такая же точно башня находилась и по лѣвой сторонѣ главнаго престола, но нынѣ и слѣдовъ ея не видно.

Развалины Мѣдникскаго Замка 2).

Это однѣ изъ примѣчательнѣйшихъ развалинъ въ здѣшней странѣ. Мѣдники (у крестоносцевъ Medeniken) были загородною резиденціею Князей Литовскихъ, куда пріѣзжали они преимущественно лѣтомъ для охоты. Время основанія замка неизвѣстно; но древность его доказывается тѣмъ, что здѣсь не рѣдко пребывалъ В. Кн. Ольгердъ съ своею супругою Іуліаніею. Дорога, ведущая изъ Вильны въ этотъ замокъ, а потомъ городскія ворота, нынѣ Острыя, назывались Мѣдникскими. Въ 1385 году Великій Магистръ Конрадъ Цольнеръ 4 недѣли простоялъ

---

1) См. N. 2 на виньеткѣ.

2) См. N. 3 на виньеткѣ.

подъ Мѣдниками, производя ученія и маневры въ честь Св. Георгія и отражая нападенія Литовцевъ 1). Здѣсь часто жилъ извѣстный Лѣтописецъ Длугошъ съ сыновьями Казимира IV, которыхъ былъ наставникомъ; здѣсь же находилась домашняя часовня, въ которой нѣсколько лѣтъ почивали мощи Св. Казимира до перенесенія ихъ въ Вильну въ построенную Сигизмундомъ III и Владиславомъ IV часовню, т. е. до 14 Сентября 1636. Часовня эта до сихъ поръ уцѣлѣла 2).

Нынѣшнія развалины составляютъ четыреугольную каменную стѣну изъ кирпича и камней, длиною около 249 аршинъ, шириною 195, вышиною 16. Внутри обширный плацъ, вмѣщавшій всѣ строенія замка, кои, вѣроятно, были деревянныя. На сѣверо-восточномъ углу была четыреугольная въ три этажа башня, изъ коихъ въ каждомъ могло быть по двѣ большія комнаты. Еще въ прошедшемъ году я видѣхъ дубовую лѣстницу, ведущую во второй этажъ. Весь замокъ окруженъ былъ глубокимъ рвомъ.

Мѣдники отстоятъ отъ Вильны въ 28 верстахъ по Ошмянскому тракту.

Замковая гора въ Вильнѣ 3).

Здѣсь представлена только часть Замковой горы насупротивъ Каѳедральнаго Р. К. Собора, съ башнею древняго замка, обращенною въ 1839 г. съ деревянною пристройкою въ телеграфъ. Гора эта играетъ важную роль въ исторіи Вильны; чтобы разсказать ея исторію, надобно развѣ разсказывать цѣлую исторію города. На ней убитъ знаменитый туръ Гедиминомъ, здѣсь первое основаніе Вел. Княжескаго жилища съ языческимъ храмомъ, обращеннымъ при Ольгердѣ въ Православную Церковь 4), а при Ягайлѣ въ Р. К. Костелъ Св. Мартина, разрушенный пожаромъ, но коего слѣды до нынѣ видны. Въ 1396, 1513, 1520, 1538, 1542 г. замокъ былъ истребляемъ пожаромъ. Во времена Сигизмунда Августа здѣсь помѣщалась богатая его библіотека, завѣщанная имъ Іезуитамъ, а еще прежде Арсеналъ, основанный В. Кн. Александромъ и называвшійся *Александрійскимъ*. Костелъ Св. Мартина уже подъ конецъ XVI ст. былъ въ развалинахъ. Со временъ Іоанна Казимира (1655—1661) разрушенный во время войны съ Россіею, не возсталъ болѣе. Ученый Нарбуттъ утверждаетъ, что замокъ этотъ имѣлъ подземный ходъ или тунель съ лѣстницею, ведущею къ рѣкѣ Виліи. Тунель этотъ могъ быть сдѣланъ какъ для доставленія воды въ верхній замокъ, такъ и для

---

1) Хроника Вигапда, 298.

2) Такъ увѣряетъ Балинскій (St. Pol. III., 213); но фактъ этотъ подверженъ сомнѣнію, ибо изъ рѣчи Ксендза Матвѣя Казимира Сарбѣвскаго, произнесенной при перенесеніи мощей Св. Казимира въ 1636 г. видимъ, что мощи эти находились въ Вильнѣ, а не въ Мѣдникахъ.

3) См. N. 4 на виньеткѣ.

4) Нарбуттъ.

ства во время опасности. Подобнымъ образомъ бѣжалъ В. Князь Явнутъ, когда, послѣ смерти матери его Еввы, Трокскій Князь Кейстутъ съ однимъ изъ придворныхъ Явнута, Иваномъ, предавшимся на сторону Кейстута, хотѣлъ нечаянно схватить его ночью. По тогдашнему обычаю всѣ замки, построенные на высокихъ горахъ, имѣли подобные подземные ходы.

Развалины дворца Варвары 1).

Это были палаты Князей Радзивилловъ и назывались *Богуславскими* (отъ Богуслава), а потомъ перешли въ владѣніе Княжны Варвары Радзивиллъ, дочери Юрія Радзивилла, Гетмана Вел. Княж. Лит. и Виленскаго Кастелана, вдовы послѣ Гастольда, Воеводы Трокскаго, а потомъ Великой Княгини Литовско-Русской и Королевы Польской, супруги Сигизмунда Августа. Здѣсь жила она, когда еще была вдовою и когда за него ухаживалъ Сиг. Августъ. Обширный садъ этого дворца соединялся посредствомъ галлереи съ садомъ дворцовымъ Королевскимъ. Окна выходили съ одной стороны на островокъ на рѣкѣ Виліи; Сигизмундъ Августъ для ея забавы велѣлъ развести на немъ лебедей, отъ чего островокъ этотъ, нынѣ измѣнившій свой видъ, до сихъ поръ сохранилъ названіе *Лебединаго*. Развалины этого дворца (въ такомъ видѣ, какъ представлены на виньеткѣ) существовали до начала нынѣшняго столѣтія. Изъ обрушеннаго кирпича воздвигнутъ красивый и большой домъ за острою брамою Коссобудзкихъ. Уцѣлѣла еще на берегу Виліи (идучи съ Антоколя къ Зеленому мосту) не большая часть ихъ въ видѣ башни 2).

О Пятницкой Церкви 3).

Уцѣлѣвшія стѣны ея существуютъ до сихъ поръ въ переулкѣ, ведущемъ съ Большой улицы въ Лоточекъ, позади дома Махнауера. Церковь эта была основана Маріей Княжной Витебской, супругой В. Кн. Ольгерда, гдѣ она и погребена. Нарбуттъ полагаетъ, что она построена во имя Св. Параскевіи на томъ мѣстѣ, гдѣ находился храмъ языческаго идола *Рагутиса* (бога пьянства), котораго жрецы назывались *Пътинами*, *Пятіонники* или *Потиникой;* вѣроятнѣе впрочемъ, что она наименована Пятницкою, потому что въ простонародіи Св. Параскевія (по Гречески *Παρασκευή*) называется Пятницею. Церковь эта существовала до 1796 года. Древнѣйшій этотъ храмъ въ Вильнѣ примѣчателенъ не только потому, что здѣсь почиваетъ первая супруга Ольгерда Марія, Княжна Витебская, но и по многимъ историческимъ событіямъ Вильны, тѣсно съ нея соединеннымъ. Здѣсь Петръ В. приносилъ благодарственныя мольбы Господу за одержанныя побѣды надъ Шведа-

---

1) См. N. 5 на виньеткѣ.

2) См. Статью въ этой книгѣ п. з. *Варвара*.

3) См. N. 6 на виньеткѣ.

ми и оставилъ знамя, отнятое у нихъ; здѣсь же крестилъ онъ любимца своего Африканца Ганнибала, дѣда съ матерней стороны А. С. Пушкина.

Нынѣ видимыя развалины состоятъ изъ четырехъ стѣнъ, безъ крыши. Каменныя стѣны нхъ вышиною въ 15 футовъ, носятъ слѣды глубокой древности; въ длину около 23 аршинъ. Сѣверная стѣна отъ переулка нѣсколько крива и неправильна; восточная же, гдѣ былъ престолъ, имѣетъ углубленіе вовнутрь. Въ окнахъ еще существуютъ деревянныя рамы, изъ чего явственно, что время, а не пожаръ опустошили этотъ храмъ. Замѣтны еще слѣды галлереи въ верху трехъ стѣнъ, кромѣ восточной. Когда внутри развалинъ рубятъ дрова, эхо вторитъ подъ землею, посему нѣтъ никакаго сомнѣнія, что тамъ существуетъ склепъ, хотя входа въ оный нигдѣ невидно. Археологи наши увѣрены, что стѣны эти, а особенно южная относятся еще ко временамъ языческимъ 1).

Костелъ Св. Николая 2).

Это единственный въ Вильнѣ храмъ, сохранившійся въ томъ видѣ, какъ былъ построенъ въ 1440 году. По преданію онъ почитается первымъ Р. К. Костеломъ въ Вильнѣ. Когда именно основанъ, фактически доказать нельзя; достовѣрно однако, что еще въ XIV ст., на этомъ мѣстѣ, выписанные Вел. Князьями изъ разныхъ странъ купцы и ремесленники, а въ томъ числѣ и исповѣдывавшіе католическую вѣру, особенно изъ ганзейскихъ городовъ, построили себѣ часовню. Это доказывается нѣкоторымъ образомъ самою мѣстностію, ибо часть города, гдѣ и теперь стоитъ этотъ костелъ, была отведена для нѣмецкихъ переселенцевъ. Часовня эта была деревянная и имѣла своего настоятеля. Въ 1434 году Виленскій Намѣстникъ, а потомъ Воевода Трокскій *Іевно* на Кѣнахъ, (т. е. владѣлецъ Кѣнъ), который въ 1382 году измѣнивъ Кейстуту, далъ средство Ягайлѣ овладѣть Вильною и потомъ вмѣстѣ съ нимъ въ Краковѣ принялъ Р. Кат. исповѣданіе и нарѣченъ *Ганулемъ*, передъ смертью, въ томъ же году послѣдовавшею, завѣщалъ сумму на постройку каменнаго костела во имя Св. Николая. Освященіе произошло въ 1440, другіе полагаютъ въ 1464. Въ такомъ видѣ существуетъ онъ до сихъ поръ, невольно удивляя всякаго своею древностію.

Развалины Кревскаго Замка 3).

Крево, нынѣ мѣстечко, нѣкогда столица удѣльнаго Княжества, находится въ 35 верстахъ отъ г. Ошмяны. Великій Князь Гедиминъ, раздѣляя владѣнія свои на удѣлы между сыновьями, Кревское Княжество отдалъ Ольгерду (1338). Потомъ оно перешло во владѣніе Ягайлы; сю-

1) Акты и Грам. 1843. LX. LXVI. Нарбуттъ I, 231. Крашевскій, III., 67. Wiz. i Roz. Nauk. т. 60., 37 и 51, т. 61., 12, 52 и 54, т. 62., 241.

2) См. N. 7 на виньеткѣ.

3) См. N. 8 на виньеткѣ.

да бѣжалъ онъ вмѣстѣ съ матерью Княгинею Іуліаніею, когда былъ изгнанъ изъ Вильны въ 1381 г. Въ слѣдующемъ году обстоятельства перемѣнились, Ягайло возвратился въ Вильну, а въ Крево привезенъ былъ окованный въ цѣпяхъ Князь Кейстутъ. Тогда разыгралась здѣсь кровавая драма, о которой мы подробно разскажемъ въ очеркѣ жизни сына его славнаго Витовта. Въ 1383 году въ Кревѣ заключилъ Ягайло договоръ съ посланниками Королевы Польской Ядвиги о вступленіи съ нею въ бракъ. Въ 1387 году Кревское Княжество отдано было брату Ягайлы Вигунту, отравленному здѣсь же въ 1391 г. Послѣ чего удѣльное это Княжество вошло въ составъ общаго Великаго Княжества Литовскаго 1).

Основаніе Кревскаго замка относится ко временамъ Гедимина или Ольгерда. Развалины его существуютъ доселѣ и возвышаются въ долинѣ, омываемой съ сѣвера ручьемъ, съ востока прудомъ. Стѣны ихъ изъ камня и краснаго кирпича (безъ штукатурки), вышиною около 20 аршинъ, занимаютъ въ протяженіи своемъ 150 шаговъ. Двое воротъ съ подъемными нѣкогда мостами вели въ замокъ, въ срединѣ котораго былъ прудъ и деревянныя строенія. На сѣверномъ углу возвышалось четырехъэтажная квадратная башня, служившая для защиты во время нападенія и заключавшая въ себѣ жилья. До сихъ поръ видны готическія окна въ трехъ этажахъ, но въ прежнее время башня эта была еще выше, ибо изъ третьяго этажа замѣтна лѣстница, которая вела еще вверхъ. Фундаментъ башни, вышиною 5 аршинъ, и подъ нею подземелье, въ которомъ была устроена темница съ небольшимъ окошкомъ вверху, сдѣланы изъ большихъ камней. Въ этомъ-то подземельѣ мученически умерщвленъ Князь Кейстутъ. Замокъ этотъ былъ разрушенъ Татарами во времена Александра, такъ что въ 1518 году извѣстный путешественникъ Герберштейнъ, бывшій посланникомъ въ Москвѣ, на обратномъ пути проѣзжая чрезъ Крево, видѣлъ его уже опустошеннымъ. Во времена Сигизмунда Августа жилъ въ Кревѣ нѣкоторое время Русскій выходецъ, извѣстный Князь Курбскій. Въ 2-хъ верстахъ отъ Крева находится курганъ, до сихъ поръ называемый городищемъ, вышиною 11 саженей. Вершина его занимаетъ 1,600 саженей пространства, а въ самой срединѣ замѣтно овальное углубленіе на 2 сажени. По преданію Городище это соединялось съ замкомъ подземнымъ ходомъ, въ которомъ будтобы можно было ѣхать шестеркою лошадей, запряженныхъ рядомъ. Безъ сомнѣнія Городище это входило въ составъ укрѣпленій Кревскихъ и устроено еще прежде Кревскаго замка. Въ верстѣ отъ этого Городища указываютъ 4 древнія могилы, которыя здѣсь называютъ курганами.

---

1) Въ Кревѣ былъ Магистратъ до 1795 года, а жители онаго считались мѣщанами до 1816 года. Въ вѣдѣніи Магистрата находились вблизи лежащія деревни Вавуки, Левексы, Мазалѣ, Стриги и Ревки. Привиллегіи, данныя Кревскимъ мѣщанамъ, слѣдующія: Сигисмунда III.— 9 Августа 1601 и 7 Января 1602; Владислава IV. 20 Августа 1634.

Развалины Трокскаго Замка 1).

Кто хочетъ возобновить въ памяти минувшіе вѣка Литвы, кто захочетъ увидѣть ея развалины, курганы, ея священные нѣкогда дубы, дремучіе лѣса, безчисленное множество озеръ, слышать настоящее Литовское загадочное нарѣчіе и видѣть типъ Литовскаго племени; тотъ долженъ посѣтить Троки, Стоклишки, Езно, Пуне, Олиту, Меречь и всѣ мѣста по берегу Нѣмана. Васъ поразятъ и удивятъ очаровательные виды, безпрестанно измѣняющіеся и не дающіе отдыха взорамъ, такъ что, кажется, все это видимъ въ панорамѣ. Дубовый лѣсъ, роскошныя поля, испещренныя курганами и пригорками, множество озеръ, обширные луга чудно обрисовываютъ этотъ оазисъ Литовскаго края 2).

Не надобно смѣшивать Старыхъ Трокъ *съ Новыми Троками.* Старые Троки— одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ здѣшней сторонѣ— назывались *Гургани.* Здѣсь была резиденція удѣльныхъ Князей изъ рода Довшпрунга, современника Палемона въ X столѣтіи. Въ XI ст. когда Кіевскіе Князья простерли свое владычество до береговъ Виліи, укрѣпленіе Гургани было разрушено и построенъ городъ, названный *Троки.* Здѣсь жили намѣстники В. Кн. Кіевскаго для сбора дани 3). Отъ чего произошло названіе *Трокъ?* Балинскій выводитъ отъ Литовскагв слова *Trakas*, что означаетъ мѣсто, гдѣ росъ березовый лѣсъ, вырубленный 4). Крашевскій раздѣляетъ тоже мнѣніе 5). Но Нарбуттъ не совсѣмъ съ ними согласенъ, ибо не находитъ такого слова въ Литовскомъ языкѣ 6). Когда Литва возмужала и укрѣпилась и въ свою очередь начала набѣгами своими безпокоить Русскія Княжества; Троки оставались Литовскимъ укрѣпленіемъ и до временъ Витенеса, быть можетъ, мѣстомъ пребыванія Князей Литовскихъ. Въ началѣ XIV. ст. Троки были разрушены и почти истреблены Крестоносцами. Гедиминъ (около 1320) въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Трокъ на берегу озера *Гальва* основалъ новый городъ и построилъ здѣсь два замка. Такое начало *Новыхъ Трокъ.* Нынѣ это уѣздный городъ Виленской губерніи, находится подъ 22° 35″ долготы отъ Парижа 54° 38′ 7″ сѣверной широты. Витовтъ въ 1397 году поселилъ здѣсь Караимовъ или Карантовъ 7), переселенныхъ имъ

---

1) Извлеч. изъ моей статьи о Трокахъ, напечатанной въ Сѣв. пчелѣ 31 Сентября 1852 г въ N. 244. См. N. 9 па виньеткѣ.

2) Въ Трокскомъ уѣздѣ, изъ числа 685,374 десятинъ земли, занято полями и огородами 167,876, лугами 29,174, лѣсомъ 447,800, водою 50,524 десятины, а остальное пространство болотами, выгонами, кустарниками. Населеніе уѣзда исключительно Литовскаго племени, 136,350 об. п. д.

3) Нарбуттъ.

4) St. Pol. III., 296. 5) Litwa, II., 188. 6) I., 232., можетъ быть отъ Славянскаго слова торокъ?

7) *Кара* значитъ *завѣтъ.* Караимы— Евреи, вѣрующіе только въ Ветхій Завѣтъ, т. е. отвергающіе Талмудъ, или толкованіе Раввиновъ. Замѣчательная черта Караимовъ, что, будучи Евреями, они не питаютъ враждебнаго расположенія къ Христіанамъ.

изъ Крима въ числѣ 383 семействъ. Нынѣ они привиллегированные обитатели этого города, ибо на основаніи привиллегій Казимира Ягеллона (1411) и другихъ Князей Литовскихъ, подтвержденныхъ нынѣ благополучно Царствующимъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, Караимамъ предоставлено исключительное право жительства здѣсь, а Евреямъ вовсе воспрещено. Пройдя длинную улицу, застроенную ветхими домами, вы приближаетесь къ пространному озеру, и на немъ на островѣ видите развалины нѣкогда величественнаго замка. Услужливый Караимъ предлагаетъ вамъ свою ладью. Всмотритесь въ эти блестящіе, черные глаза, черные волосы, оливковый цвѣтъ лица, правильныя красивыя черты и всю физіономію, дышащую югомъ, жизнью, этимъ кипяткомъ полуденнаго неба. Онъ чисто говоритъ по-русски и по-польски, но онъ не забылъ роднаго языка, которымъ его предокъ говорилъ въ царствѣ Гирея. Дитя юга, онъ любитъ лѣнь, но онъ честенъ, и вотъ прошелъ шестой вѣкъ со времени переселенія, а еще не было примѣра, чтобы Караимъ былъ замѣченъ въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ. Вы садитесь въ ладью; волны разгибаются, и вы раздольно плывете по темно-голубому, глубокому озеру, порою лавируете, кружитесь, дѣлаете далекіе объѣзды, чтобы не попасть на вѣковыя сваи, слѣды бывшаго нѣкогда подъемнаго моста, соединявшаго два замка, городской съ островскимъ. Ладья причалила и вы привѣтствуете жилище храбраго Кейстута, котораго простодушный Стрыйковскій величаетъ Улиссомъ и Несторомъ Литовскимъ. Вамъ представляется еще неизглаженный временемъ чистѣйшій слѣдъ готическаго стиля XIV. столѣтія. До сихъ поръ уцѣлѣли двѣ величественныя, круглыя башни съ восточной стороны, грозно возвышающія свои головы надъ остальными развалинами; третья башня, входившая въ составъ укрѣпленій замка, полуразрушена и сравнялась съ каменнымъ валомъ, окружавшимъ замокъ. На сѣверѣ, изъ лона водъ, какъ привидѣніе выходитъ самый замокъ. Желѣзная рука времени не успѣла еще разрушить двухъ ярусовъ его; онъ поросъ мохомъ, въ иныхъ мѣстахъ деревьями, испещренъ трещинами, а въ срединѣ (съ юга), какъ великанъ, возвышается главная башня со множествомъ узенькихъ оконъ, отверстій и крутою лѣстницею въ срединѣ. Изъ внутреннихъ комнатъ вы входите въ часовню, или, быть можетъ, торжественную залу, и здѣсь повѣрите ли, еще видны слѣды живописи, современной Кейстуту, Ольгерду, Витовту! Въ одной нишѣ очень явственно изображеніе какого-то Князя, а, можетъ быть, Святаго, по сторонамъ цѣлая группа, кое-гдѣ слѣды лицъ или маленькихъ странныхъ ручекъ, съ поднятыми указательными пальчиками. Въ окнахъ еще и теперь аршина три въ поперечникѣ, такъ что вы удобно можете лежать и прислушиваться, какъ спокойная Гальва ласкаетъ своими волнами вѣковые камни замка.

Въ одно время съ этимъ замкомъ построенъ былъ другой замокъ въ самомъ городѣ, на берегу озера, и здѣсь видны еще развалины, двѣ башни, довольно хорошо сохранившіяся, и входъ въ подземелье. Тутъ же высится крутая гора, окруженная рвомъ, съ замѣтными слѣ-

дами бывшихъ укрѣпленій. Эта гора, вѣроятно, вхдила въ общій составъ крѣпости; среди этихъ развалинъ построенъ монастырь и костелъ ксендзовъ Доминикановъ.

Въ 1655 году, въ несчастныя времена Іоанна Казимира, Трокскіе замки были разрушены и истреблены пожаромъ и съ тѣхъ поръ не возстали.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВИТОВТЪ.

I.

Въ исторіи Литвы имя Витовта колосальнѣе всѣхъ прочихъ. Правда, что предшественники его пріуготовили ему славное царствованіе, что доселѣ не разгаданнаго происхожденія Литовскій народъ, призванный къ жизни Миндовгомъ, Витенесомъ, Гедиминомъ, Ольгердомъ, покоривъ многія земли, распространивъ свои предѣлы и низпровергнувъ усилія дикихъ Татаръ поработить Литву, занялъ еще до Витовта самостоятельное мѣсто въ ряду Европейскихъ державъ и не только прославился своимъ мужествомъ, но знаменитою своею побѣдою при *Шейбакъполѣ* (въ нынѣшнемъ Лидскомъ уѣздѣ) остановивъ стремленіе Моголовъ на западъ и въ первый разъ одержавъ побѣду надъ дикими полчищами Чингисъ-хана, считавшими себя до того непобѣдимыми, быть можетъ, спасъ всю Европу отъ порабощенія: но при всемъ томъ, Витовтъ, истинный герой своего вѣка, возвелъ ее до такой степени могущества, мудрою своею политикою и стремленіями всей своей жизни пріуготовилъ ей такое прекрасное будущее, что ежели бы Провидѣнію угодно было продлить дни его, Литва съ Западною Русью на всегда оградили бы свою самостоятельность, могущество и, быть можетъ, на долго перевѣсъ надъ сосѣдственными Государствами.

Маленькая Литва, выйдя на сцену изъ дремучихъ лѣсовъ своихъ, подъ начальствомъ храбрыхъ вождей, съумѣла воспользоваться несчастнымъ положеніемъ Руси, когда желѣзная рука Чингисъ-хана пала на нее всею своею тяжестью, и многія Княжества подверглись разгрому Татарскому; Литва быстро, неожиданно, какъ полипъ, разрослась и навела ужасъ на сосѣдей. Гедиминъ своими завоеваніями на югѣ воскресилъ храбрость Литовцевъ; основаніемъ значительныхъ городовъ и замковъ, какъ Вильны, Трокъ и др. вызвалъ къ жизни дикій народъ и проложилъ путь къ гражданственности; родственными и дружескими сношеніями съ владѣтельными домами пріобрѣлъ довѣріе и вліяніе на дѣла

политическія. Воинственный Ольгердъ, стяжавшій славу героя кровію безчисленнаго множества людей и пепломъ городовъ, еще болѣе возвысилъ Литву въ глазахъ Европы. Стремясь къ единовластію, онъ утвердилъ достоинство Великаго Князя.

Польша окомъ боязни и зависти смотрѣла на Литву. Польша, имѣвшая при Королѣ Лудовикѣ опору въ силѣ и могуществѣ союзной Венгріи, со смертію Лудовика предостаставленная самой себѣ, безъ всякой опоры извнѣ, а внутри съ неурядицей, и междоусобными раздорами, вступила на самое шаткое и незавидное политическое поприще. Оставшись сиротою, страшась Литвы, Руси, Татаръ, Крестоносцевъ, она, чтобы сохранить свою самостоятельность, необходимо должна была соединиться съ могущественною Литвою, и вотъ почему дальновидные политики Польскіе ухватились за Литву, какъ единственное средство огражденія себя отъ смутъ и треволненій внутреннихъ и внѣшнихъ, и почти силою заставили прекрасную Ядвигу выдти за Ягайло.

Западная Русь въ соединеніи съ собственною Литвою являла мощный оплотъ противу Моголовъ и даже не могла не возбуждать опасенія Восточной Руси. Однимъ словомъ Литва, съ дальновидностью политика умѣвшая пользоваться невзгодами сосѣдей, поглощавшая въ свое ненасытное жерло безпрестанно новые удѣлы, не боявшаяся ни Польши, ни Восточной Руси, ни Татаръ, похожа была на сильнаго, смѣлаго, предпріимчиваго юношу, у котораго все есть, кромѣ возмужалости и опытности. Но еще оставались страшные враги и для Литвы — это были Крестоносцы, не перестававшіе ее тревожить своими безпрерывными нападеніями. Этого мало, собственная Литва, хотя по своему объему играла незначительную роль въ огромѣ покоренныхъ ею Русскихъ Княжествъ; но оставалась еще языческою, и потому служила цѣлію для ненасытной жадности Крестоносцевъ, имѣвшихъ предлогъ къ кровавымъ своимъ навращеніямъ. Монархическая власть была сильна въ Литвѣ; народъ былъ безусловно покоренъ; въ лицѣ Великаго Князя, въ его умѣ и мужествѣ сосредочивалось все могущество страны; но оставались удѣльные Князья, хотя порабощенные мудрою политикою Ольгерда, но еще довольно сильные, чтобы затѣвать внутренніе раздоры и не рѣдко сопротивляться Великому Князю. Не коренный законъ, но воля и обычай назначали преемника В. Князю, и потому каждая кончина властителя Литвы рождала искателей престола и слѣдовательно крамолы и смуты, а Крестоносцы бдительнымъ окомъ смотрѣли на все происходившее въ Литвѣ и рады были враждою или дружбою вмѣшиваться въ дѣла ея. Вотъ по какимъ причинамъ Литвѣ, чтобы стать окончательно твердою ногою, и образовать самостоятельное Государство, надобно было *низпровергнуть могущество грозныхъ Рыцарей, отказаться отъ идолопоклонства, поработить удѣльныхъ Князей, образовать внутреннее благоденствіе края, слить во едино разнородные элементы въ Государствѣ, окончательно соединить ихъ узами вѣры, языка, законовъ, гражданственности.* Вотъ сколько дѣла оставалось совершить Витовту, гово-

римъ Витовту, потому что именно судьба его предназначила на этотъ подвигъ. Посмотримъ, до какой степени исполнилъ онъ свое предназначеніе.

Многіе историки, восхваляя мужество Витовта, ставятъ его на второмъ планѣ, предоставляя первый Ягайлѣ. Мы думаемъ иначе и постараемся доказать, что именно Витовтъ былъ избранникомъ для утвержденія самобытности и благоденствія Государства, и что многія дѣянія его, относимыя историками къ его честолюбію, или властолюбію, были слѣдствіемъ пламенной его любви къ отечеству и постоянной идеи, которой онъ посвятилъ всю жизнь.

II.

Витовтъ родился въ Трокахъ въ 1344 году; отецъ его былъ Кейстутъ, сынъ Гедимина, братъ Ольгерда, храбрый Князь Трокскій. Мать Бирута, дочь Боярина Видымунта, Вейделотка (жрица) храма Праурмы, находившагося въ Полангенѣ, на берегу Балтійскаго моря. Она посвятила свою дѣвственность богамъ; но Кейстутъ увидѣлъ ее, влюбился и, несмотря на свою приверженность къ язычеству, нарушилъ законы вѣры, силою увезъ ее въ Троки и тамъ женился въ 1338 году. Отецъ и мать до конца жизни были ревностными и послѣдними въ Литвѣ поборниками идолопоклонства и въ ономъ воспитали сына своего Витовта. Но Витовтъ, коего стихіею съ раннихъ лѣтъ было ратное поле, съ дѣтства другъ Ягайлы, рано понялъ, что настало время низверженія опасной власти жрецовъ и истребленія идоловъ, что вѣра въ истиннаго Бога должна уже быть повсемѣстною въ Литвѣ. Витовтъ въ ранней молодости вступилъ въ бракъ съ Маріей—Прасковьей, дочерью Князя Лукомскаго и Стародубскаго, послѣ смерти которой, около 1379, вступилъ въ бракъ съ Анною Святославовною, Княжною Смоленскою. На воинскомъ поприщѣ въ первый разъ слышимъ о Витовтѣ 18 лѣтнемъ юношѣ, въ 1363 году, когда онъ съ храбрымъ отцемъ своимъ Кейстутомъ, громитъ Прусскихъ рыцарей подъ Солдовой и Остеродомъ. Въ началѣ 1370 года съ другомъ своимъ Ягайлой подъ начальствомъ дяди Ольгерда подоспѣваетъ на помощь отцу своему Кейстуту, когда тотъ сжегъ крѣпость Прусскихъ рыцарей Ортельсбургъ. Въ слѣдующемъ году, съ отцемъ помогаетъ Михаилу, Князю Тверскому въ борьбѣ его съ Димитріемъ Московскимъ. Одинъ же, какъ военачальникъ, является въ 1376 году. Онъ совершилъ походъ на Прусскихъ рыцарей и возвратился съ добычею, а въ слѣдующемъ году опустошилъ на берегахъ Нѣмана станъ ихъ. Въ 1378 году Витовтъ, вмѣстѣ съ Ягайлой и Кейстутомъ, участвуетъ въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ въ Трокахъ съ Магистромъ ордена. На этомъ договорѣ (хранящемся въ Кенигсбергскомъ архивѣ) видимъ въ числѣ прочихъ и печать Витовта.

Послѣ смерти Ольгерда, на Великокняжескій престолъ вступилъ, по завѣщанію отца и по стараніямъ супруги Іуліаніи, Ягайло, не имѣвшій качествъ ни отца, ни дѣда. Престарѣлый Князь Кейстутъ добро-

вольно подчинился племяннику, но не оставлялъ его совѣтами и по родовому праву вмѣшивался въ дѣла государственныя. По обычаю Литовцевъ, замѣнившемуся въ законъ, къ Кейстуту, какъ главѣ рода, относились рѣшенія спорныхъ семейныхъ дѣлъ, споровъ членовъ рода о владѣніи. Ягайло величался Великимъ Княземъ и имѣлъ удѣлъ большій отъ удѣловъ дяди и братьевъ; но вліяніе на дѣла общественныя, на пользы всего края, принадлежало Кейстуту, однимъ словомъ, преимущество власти было на его сторонѣ, и оно поддерживалось не токмо любовью народа, но и уваженіемъ и довѣріемъ удѣльныхъ Князей. Это всѣми признаваемое величіе и достоинства храбраго Кейстута тяготили Ягайло и онъ искалъ только случая, чтобы избавиться отъ опеки. Случай легко представился. Ягайло выдалъ сестру свою Марію за любимца своего Войдыллу, человѣка низкаго происхожденія, хитраго и корыстолюбиваго. Кейстутъ немогъ простить племяннику этого униженія и явно обнаружилъ свое неудовольствіе. Войдылло зналъ, что Кейстута не умилостивитъ и что гордый старецъ будетъ вѣчною помѣхою его властолюбивымъ замысламъ и потому употребилъ все свое вліяніе на слабаго Ягайлу, чтобы его поссорить съ дядей. Съ этою цѣлію отправился онъ къ Великому Магистру Ордена Винрику Фонъ-Книпроде и сообщилъ ему радостную вѣсть о раздорѣ Князей. Магистръ отправилъ посольство къ Ягайлѣ подъ начальствомъ Ридигера Фонъ-Эльнера. Съѣхались близь селенія Давидишекъ подъ предлогомъ охоты, и, чтобы сокрыть истинную цѣль съѣзда, пригласили на охоту Витовта съ племянникомъ его Иваномъ 1). Здѣсь среди шумныхъ пиршествъ и охоты заключено было тайное условіе: при содѣйствіи Рыцарей лишить не только Кейстута, но и его потомство наслѣдственныхъ удѣловъ, а Витовтъ, не подозрѣвавшій измѣны и вѣрившій дружбѣ Ягайлы ничего незналъ о грозящей опасности, и когда отецъ, получивъ извѣстіе о замыслахъ Войдыллы отъ Командора Остеродскаго Куно Фонъ-Либштейна 2), сообщилъ объ этомъ Витовту, тотъ успакаивалъ отца и вновь ссылался на дружбу свою съ Ягайлой. Между тѣмъ послѣдній готовился овладѣть Полоцкомъ. Витовтъ находился въ отцовскомъ удѣлѣ Дрогичинѣ. Кейстутъ получаетъ отъ своего кума Либштейна перехваченное имъ письмо Ягайлы къ В. Магистру Книпроде. Сомнѣнія болѣе нѣтъ, онъ посылаетъ за сыномъ, а самъ поспѣшно собираетъ войско, нападаетъ на Вильну, (1381) плѣнитъ Ягайлу съ матерью Іуліаніею и отсылаетъ ихъ въ Витебскъ. Войдылло повѣшенъ, Кейстутъ объявленъ Великимъ Княземъ. Ягайло, обязанный клятвою никогда не возставать противъ старшаго въ родѣ Князя, получилъ въ удѣлъ Витебскъ и Крево. Витовтъ, съ горестію узнавшій о измѣнѣ своего друга, явился съ

---

1) Иванъ былъ внукъ Кейстута, сынъ старшаго сына его (отъ первой жены, неизвѣстной по имени) Патирга. См. договоръ, заключенный Ягайлой въ Kodexie dyplomatyczny litewskim, изд. Гр. Рачинскаго стр. 53.

2) Крестный отецъ его дочери.

войскомъ къ отцу. Кейстутъ отправился усмирять взбунтовавшагося Димитрія Корибута Ольгердовича, Князя Сѣверскаго. Витовтъ остался съ небольшимъ войскомъ въ Трокахъ. Вдова Войдыллы, Марія, и В. Кн. Іуліанія не могли простить Кейстуту, первая смерти мужа, вторая низпроверженія любимца ея Ягайлы. Онѣ овладѣли умомъ слабаго Князя и подговорили его къ новому возстанію. Рыцари поспѣшили съ помощью, и Ягайло съ сильною ратью не ожиданно явился подъ Троками и овладѣлъ ими. Витовтъ, не видя возможности устоять противъ сильнаго союзнаго ополченія Рыцарей и дружинъ Ягайлы, удалился въ Гродно, чтобы соединиться съ отцемъ, къ которому отправилъ гонцевъ. Между тѣмъ Ягайло взялъ беззащитную Вильну и провозгласилъ себя В. Княземъ 1). Кейстутъ, соединясь съ Витовтомъ, поспѣшилъ къ Трокамъ и осадилъ городъ. Ягайло выступилъ противъ него, но, предчувствуя, что борьба будетъ неравная и полагаясь на дружбу Витовта, выслалъ брата своего Скиригайлу съ мирными предложеніями и ручательствомъ въ неприкосновенности особъ Кейстута и Витовта. Благородный Витовтъ повѣрилъ Ягайлѣ и убѣдилъ отца отправиться въ станъ непріятельскій; но лишь только они явились, ихъ тотчасъ окружили и заставили ѣхать въ Вильну, а между тѣмъ отправили приказаніе, будтобы отъ имени Кейстута, чтобы полки его розошлись по домамъ. Войска повѣрили и положили оружіе. Ягайло и Рыцари взяли 5,000 человѣкъ въ плѣнъ; остальные разбѣжались. Между тѣмъ коль скоро прибыли въ Вильну и когда Ягайло увѣрился, что войско Кейстута не существуетъ, тотчасъ велѣлъ 80 лѣтняго своего дядю обезоружить, наложить на него оковы и подъ сильною стражею отправить въ Кревскій замокъ, гдѣ его бросили въ глубокое подземелье. Черезъ пять дней Кейстутъ былъ задушенъ пятью клевретами Ягайлы Прокшей, Биль-

---

1) Іуліаніи уже не было съ Ягайлой. Но потомъ она снова является въ Литвѣ и, кажется, оставалась здѣсь до женитьбы Ягайлы и перекрещенія въ Католическую вѣру. Послѣ чего постриглась въ Монахини съ именемъ Маріи (вотъ почему, вѣроятно, лѣтописцы такъ часто смѣшивали ее съ Маріей, Княжной Витебской, первой супругой Ольгерда), поселилась въ какомъ-то монастырѣ между Могилевомъ и Рогачевомъ (уѣздный городъ Могилевской губерніи), умерла въ 1392 г. и похоронена въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ. См. Степенная книга I., 512: „Въ л. 6900 (1392) преставися въ Литвѣ Княгиня Ольгердова Ульяна, въ минишескомъ чину Марина, и положена въ Кіевѣ, въ печери.“ У *Карамзина* 254. Прим. къ V. Т. *Нарбуттъ* V., 502. Сознаемся въ ошибкѣ нашей *въ Хронологическомъ показаніи достопримѣч. соб. отеч. ист. стр. 25.*, гдѣ мы сказали, что Іуліанія похоронена въ Вильнѣ въ Соборѣ Пресв. Богородицы. Мы увлеклись доводами историческихъ статей о Вильнѣ многоуважаемаго всѣми любителями Литовской старины. М. Г. въ Wiz. i Roz. Nauk. (Т. 60, ст. 36—37), основывавшагося на извѣстномъ событіи 1815 года, когда при передѣлкѣ б. Митрополитальнаго Собора въ анатомическій театръ найдена была серебрянная доска съ славянскою надписью, доказывающею, что здѣсь похоронена Іуліанія (Wiz. i Roz. Nauk. (XXIII., 44). Но очевидецъ этого событія, человѣкъ ученый и достойный вѣры, до сихъ поръ живущій въ Вильнѣ, убѣдилъ насъ, что онъ видѣлъ эту доску собственными глазами и что на ней была надпись *не Іуліаніи*, но *Елены Іоанновны, супруги Александра*, скончавшейся въ Вильнѣ въ 1513 году.

геномъ, Моштеномъ Готко, Кучукомъ и Лисицей 1). Вмѣстѣ съ Кейстутомъ умерщвленъ былъ и вѣрный слуга его, молодой Русинъ, Григорій Омуличъ, рѣшившійся защищать своего Князя. Чтобы закрыть преступленіе и увѣрить всѣхъ, будтобы Кейстутъ самъ себя лишилъ жизни 2), его задушили собственною его повязкою, а потомъ Скиригайло прахъ Кейстута привезъ съ большою церемоніею въ Вильнѣ, гдѣ съ торжественными обрядами онъ былъ сожженъ на долинѣ Свинторога.

Витовтъ задержанъ былъ въ Вильнѣ; но когда узналъ о измѣннической кончинѣ отца и когда изъ устъ его полились упреки и проклятія, разсерженный Ягайло велѣлъ и его отправить въ Крево, гдѣ онъ долго томился въ заключеніи. Напрасно самъ В. Магистръ, Князья и знатнѣйшіе Бояре старались умилостивить Ягайлу; онъ былъ неумолимъ и готовилъ Витовту участь отца. Къ Витовту поспѣшила супруга его Анна и получила дозволеніе навѣщать узника; она рѣшилась спасти мужа, убѣдивъ его переодѣться въ платье служанки, вмѣстѣ съ нею получившей дозволеніе посѣщать темницу. Витовтъ переодѣтый, вышелъ за Княгиней изъ башни, въ которой содержался, обманувъ стражу, а потомъ въ самой отдаленной и никѣмъ непосѣщаемой части замка спустился со стѣны и бѣжалъ. Онъ отправился въ Мазовію къ Князю Янушу, мужу сестры своей Дануты; но здѣсь ему нельзя было долго оставаться, потому что его пребываніе могло навлечь преслѣдованіе Ягайлы. Витовтъ вспомнилъ урокъ, данный Ягайлой и рѣшился имъ воспользоваться. Онъ отправился къ В. Магистру ордена, только что получившему это достоинство, Конраду Цельнеру Фонъ Ротенштейну (1382). Тотъ принялъ его какъ нельзя лучше, упрекалъ ему, какъ пишетъ Ваповскій, отъ чего въ лучшемъ положеніи не просилъ его помощи, снабдилъ его всѣмъ необходимымъ, отдалъ подъ его начальство значительный отрядъ и отправилъ въ Жмудское Княжество. Понятна всегдашняя политика Крестоносцевъ. Они радовались каждой невзгодѣ на землѣ Литовской. Имъ нравились смуты и раздоры удѣльныхъ Князей, потому что не дозволяли возрасти единовластію. Участвуя въ междоусобныхъ войнахъ, они грабили, опустошали край, ослабляли его нравственныя и физическія силы и тѣмъ быстрѣе подвигались къ постоянной своей цѣли порабощенія страны.

Лучшимъ доказательствомъ политики Рыцарей послужитъ слѣдующее обстоятельство: въ то самое время, когда они приняли подъ свое покровительство Витовта, съ Ягайлой заключенъ былъ трактатъ, коимъ онъ обязался уступить ордену Жмудское Княжество отъ моря до р.

1) Voigt. Hist. Pr. V. 372.

2) Въ Польшѣ старались не вѣрить этому коварному и жестокому поступку Ягайлы; но фактъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Не только Кейстутъ былъ умерщвленъ по приказанію Ягайлы; но онъ истребилъ даже весь родъ жены Кейстута, Бируты. Дядя ея Видымунтъ и внукъ Бутримъ были посажены на колъ. Другіе казнены. Имѣнія ихъ взяты въ казну. Бирута была осуждена на утопленіе; но неизвѣстно, какимъ образомъ избѣжала смерти; она жила въ Брестѣ, въ Полангенѣ и въ другихъ мѣстахъ. Умерла въ 1416 г. Народъ чтилъ ее, какъ богиню и создалъ подъ ея именемъ особаго идола.

Дубиссы. Кромѣ того, Ягайло обязался въ продолженіи 4 лѣтъ принять Р. Католическую вѣру и поклялся ничего не дѣлать, и ни съ кѣмъ не воевать безъ вѣдома, совѣта и согласія Рыцарей 1).

Не смотря на это Витовтъ явился съ Крестоносцами (1383) въ Жмудской землѣ. Здѣсь любовь народа къ несчастному Кейстуту и его роду привлекла въ скоромъ времени подъ его знамена множество воиновъ не только изъ Жмуди, но и изъ Литвы. Междоусобная война возгорѣлась. Витовтъ взялъ Троки и господствовалъ въ нихъ 6 недѣль. Изгнанный оттуда, удалился въ Жмудь и не переставалъ тревожить Ягайло. Рыцари, пользуясь положеніемъ Витовта, заставили его принять крещеніе. Оно произошло 21 Октября 1583 года. Витовтъ получилъ имя Виганда. Побѣдоносное оружіе его распространялось далѣе и далѣе. Между тѣмъ Ягайло, видя, что союзъ съ Рыцарями не надеженъ и что ему не совладать съ Витовтомъ, снова обратился къ его великодушію, и снова не ошибся 2). Братья помирились, (1384) и Витовтъ довольствовался временнымъ удѣломъ, назначеннымъ ему Ягайлой, именно частью Володимиріи, т. е. Гродномъ, Брестемъ, Дрогичинымъ, Мѣльникомъ, Бѣльскомъ, Суражемъ, Кременцемъ и нѣкоторыми другими въ окрестностяхъ Буга.

При всемъ великодушіи и рыцарскомъ духѣ, трудно предположить, чтобы Витовтъ, имѣя въ рукахъ всѣ средства къ достиженію Велико-Княжескаго престола и отмщенію за смерть отца, довольствовался незначительнымъ удѣломъ. По этому всего вѣроятнѣе, что Ягайло, помышлявшій уже о Польскомъ престолѣ, далъ ему этотъ удѣлъ только временно, боясь униженія въ глазахъ Поляковъ, но потомъ обѣщалъ или Велико-Княжескій престолъ, или покрайней мѣрѣ весь удѣлъ отца его, Кейстута. Какъ бы то ни было, братья жили въ дружбѣ. Вел. Княгиня Іуліанія, мать Ягайлы, употребила все свое вліяніе, чтобы Витовтъ перешелъ въ Православіе. Въ этомъ могли быть и политическіе виды, чтобы совершенно отвлечь Витовта отъ сношеній и дружбы съ Крестоносцами. Витовтъ же согласился тѣмъ охотнѣе, что черезъ это снискивалъ любовь своихъ исключительно Русскихъ подданныхъ, принялъ Православную вѣру съ именемъ Александра 3). Ягайло присоединилъ къ его удѣлу любимый Витовтомъ городъ Луцкъ.

Нельзя обвинять Витовта въ легкомысліи. Надобно вспомнить, что онъ былъ воспитанъ матерью-жрицею. Онъ не получилъ съ молокомъ матери сѣмянъ христіанства, хотя не совсѣмъ сроднился и съ язычествомъ. Во всей его жизни видна одна цѣль: для пользы и славы родины жертвовать всѣмъ. У Рыцарей онъ принялъ Католическую вѣру изъ угожденія, чтобы ближе сойтись съ ними и заставить ихъ дѣйствовать въ свою пользу; теперь принялъ Православіе, чтобы привлечь и привязать къ себѣ подданныхъ своего Русскаго удѣла. Наконецъ ѣдетъ съ Ягайлой въ Краковъ (1386)

---

1) *Рачинскій*— Cod. dipl. Lith., (1845) Стр. 56, 57 и 59.

2) *Длугошъ*, Hist. Pol. p. 126.

3) *Нарбуттъ*, V., 381. Ondyna Drusk. wod ч. I., 16—20.

и тамъ, подражая брату и надѣясь на скорое осуществленіе его обѣщаній, вмѣстѣ съ нимъ принимаетъ вновь Католическую вѣру съ тѣмъ же именемъ Александра.

Во все время пребыванія Ягайлы въ Польшѣ и потомъ по возвращеніи его въ Литву, Витовтъ постоянно находился при немъ и, казалось, ничто не нарушало дружескихъ ихъ сношеній. Но въ 1387 году, Ягайло передъ отъѣздомъ своимъ въ Польшу назначилъ Великимъ Княземъ Скиригайлу. Это было жестокимъ ударомъ для Витовта; но онъ еще мужался, выжидалъ, надѣялся. Удалясь въ любимый свой Луцкъ, онъ великолѣпно принималъ сына В. Кн. Московскаго Димитрія, Василія Димитріевича, и обручилъ съ нимъ дочъ свою Анастасію-Софію. Скиргайло воспользовался этимъ случаемъ и донесъ Королю, что Витовтъ входитъ въ тайныя связи противъ него съ Россіею. Это недовѣріе возбудило явную вражду между нимъ и Скиригайлой, она возросла и замѣнилась въ ненависть, когда Витовта (1389) потребовали въ Люблинъ и здѣсь заставили исполнить присягу на вѣрность Скиригайлѣ, какъ Королевскому намѣстнику. Клятвенное обѣщаніе составлено было въ такомъ родѣ, что Витовта явно подозрѣвали въ непріязни. Ему недовѣряли, его боялись. Скрѣпя сердце, онъ исполнилъ присягу, и отправилъ въ Польшу любимаго своего Боярина Курчу объясниться и доказать Ягайлѣ свою невинность; но Король велѣлъ оковать Курчу, бросить въ темницу и пытками добиться сознанія о связяхъ Витовта съ Москвою. Несчастный Курчъ умеръ отъ изтязаній въ темницѣ. Этого мало. Скиригайло окружилъ Витовта своими клевретами, кои о каждомъ его шагѣ доносили В. Князю. Наконецъ его отправили въ Крево, подъ бдительный секретный надзоръ. Отчаяніе овладѣло великою душею Витовта. Онъ ясно видѣлъ, что ему уже нечего надѣяться на Ягайлу, что вмѣсто В. Княжеской короны, его ждетъ участь отца Кейстута. Витовтъ рѣшился лучше умереть на ратномъ полѣ, нежели умирать ежедневно, въ томительномъ ожиданіи, смотря на ниспроверженіе своихъ идей и на жестокое съ собою обращеніе. Къ томуже, вѣрную ему Жмудь угнетали Крестоносцы, на томъ основаніи, что Витовтъ, находясь у нихъ, вынужденъ былъ подтвердить договоръ Ягайлы, коимъ тотъ обязался уступить имъ это Княжество. Литва стонала подъ управленіемъ Скиригайлы. Вотъ почему Витовтъ рѣшился низвергнуть съ себя двойное иго — Ягайлы, въ котораго дружбу трудно ему было наконецъ вѣрить, и Скиригайлы, котораго обращеніе съ нимъ было несправедливо и обидно.

Выпросивъ дозволеніе посѣтить Гродно и пользуясь отсутствіемъ Скиргайлы, уѣхавшаго въ Полоцкъ, Витовтъ рѣшился дѣйствовать. Радостная вѣсть пролетѣла въ обожавшей его Жмуди, въ Литвѣ и даже въ Вильнѣ, гдѣ у него много было приверженцевъ. Не имѣя возможности вдругъ собрать сильное войско, онъ, по примѣру отца своего Кейстута, отправилъ въ Вильно множество возовъ съ разными продуктами, въ которыхъ были скрыты воины. Но замыселъ былъ

открытъ и Витовтъ принужденъ бѣжать въ Гродно. Отсюда онъ направилъ свои шаги къ родственникамъ Князьямъ Мазовецкимъ; но Ягайло уже узналъ обо всемъ и требовалъ выдачи Витовта. Чтожъ оставалось дѣлать? Послѣднее средство, послѣднее убѣжище — у Рыцарей. И онъ рѣшился. Бѣдствія снова заставили его дать неудобоисполнимыя обѣщанія. Рыцари обрадовались и въ началѣ Января 1390 года собрались въ походъ. Сбѣжались приверженцы Витовта и подъ его знаменами явилось 40 т. воиновъ. Онъ взялъ Кѣрновъ, Мейшаголу и приступилъ къ Гроднѣ. Часть Крестоносцевъ возвратилась, ограбивъ Жмудь, гдѣ, по выраженію лѣтописца, на крики Жмудиновъ, что мы уже христіане, отвѣчали, *мы тебя крестимъ мечемъ*. Витовтъ остался съ небольшимъ отрядомъ, но успѣлъ однако овладѣть Гродномъ; явился Король съ многочисленнымъ войскомъ и отнялъ этотъ городъ. Витовтъ не унылъ. Крестоносцы требовали новыхъ жертвъ и онъ избралъ изъ среди знаменитѣйшихъ Жмудиновъ Майзебуду, Диркетеля, Рукунда, Сквайбута, Явшу, Эймунда, Тылена, Даукшу, Рагеля, Скучу и др. и отправилъ ихъ къ Рыцарямъ для новыхъ переговоровъ. Заключенъ былъ новый трактатъ, разумѣется, выгодный для Ордена. Снаряжена новая экспедиція и въ Октябрѣ (1390) войска Витовта и Крестоносцевъ явились подъ Вильной, и окружили ее со всѣхъ сторонъ. Значительное число выходцевъ изъ Вильны ежедневно умножало силы Витовта. На шестой день соединенныя войска успѣли овладѣть Нижнимъ-замкомъ или Кривымъ-Градомъ. Пожаръ и среди пламени жестокая рѣзь произвели ужасныя опустошенія. Пишутъ, будтобы до 14 т. народа погибло. Со стороны Скиригайлы погибъ Князь Киригайло; со стороны Витовта, Князь Товтивиллъ и одинъ изъ предводителей Крестоносцевъ Гр. Альгардъ Гогенштейнъ. Осадили Верхній замокъ. Здѣсь начальствовалъ Полякъ Москоржевскій и привелъ замокъ въ такое оборотительное положеніе, что всѣ усилія взять его оказывались тщетными. Осада продолжалась до первыхъ чиселъ Октября. Рыцари удалились. Москоржевскому подоспѣлъ на помощь Король Ягайло. Безутѣшный Витовтъ долженъ былъ опять возвратиться къ Рыцарямъ.

Въ 1391 году, въ Бартенштейнѣ, гдѣ онъ жилъ съ семействомъ, пріѣхали къ нему послы В. Князя Московскаго Василія Димитріевича, Бояре Московскіе Александръ Поле и Белевутъ Селиванъ за невѣстою В. Князя, юною Анастасіей-Софіей, дочерью Витовта. Она отправилась, въ сопровожденіи Князя Ивана Ольгимунтовича Гольшанскаго, моремъ изъ Данцига. Черезъ Псковъ и Великій Новгородъ они прибыли въ Москву, гдѣ 21 Января произошло бракосочетаніе 1). Не странно ли покажется, что В. Князь Московскій присылаетъ за невѣстою къ изгнаннику, жившему ненадежною милостію Рыцарей? Не доказываетъ ли этотъ случай, до какой степени Витовтъ пользовался уваженіемъ у сосѣдей и какъ много вѣрили, что изгнаніе его не можетъ быть продолжитель-

1) Карамзинъ, V., изд. 1842., стр. 73 и прим. 141.

но, и что родство съ такимъ Княземъ, прославившимся своимъ умомъ и храбростію, во всякомъ случаѣ можетъ быть полезно Государству. Къ тому же Василій, не смотря на несчастное положеніе Витовта, хотѣлъ сдержать обѣщаніе, данное за пять лѣтъ предъ симъ въ Луцкѣ, а, какъ увѣряетъ лѣтописецъ Василій далъ эту клятву въ 1386 году изъ благодарности за освобожденіе его изъ плѣна въ какомъ то городѣ, когда онъ возвращался изъ Орды чрезъ Молдавію въ Россію 1).

Въ этомъ же году Витовтъ съ Рыцарями и преданными себѣ Жмудинами и Литовцами опять началъ военныя дѣйствія. Взялъ крѣпость Вилькишки, Меречъ, Гродно, Лиду. Подступилъ къ Вильнѣ, но безуспѣшно. Ягайло, удрученный этими опустошеніями, рѣшился наконецъ примириться съ Витовтомъ. Онъ отправилъ къ нему посломъ Генриха сына Зѣмовита, Князя Плоцкаго, для переговоровъ. Витовту давно надоѣло изгнаніе и ненавистная дружба съ Рыцарями. Условія были заключены. Витовтъ успѣшно бѣжалъ отъ Рыцарей, прибылъ въ Литву, около Лиды въ Островѣ явился къ ожидавшему уже его Ягайлѣ съ Ядвигою, потомъ прибылъ въ Вильну и торжественно въ Каѳедральномъ соборѣ возведенъ на Велико-Княжеское достоинство. Скиригайлѣ данъ въ удѣлъ Кіевъ.

Достигъ наконецъ давно желаннаго; но послѣ сколькихъ опустошеній! Престолъ былъ добытъ кровью соотчичей, уничиженіемъ, измѣнами. Судьба Литвы была въ его рукахъ. Но еще много предстояло трудовъ и опасностей, чтобы удержать за собою власть, заживить раны, усмирить непокорныхъ, избавиться отъ чужеземнаго вліянія и изъ разнородныхъ элементовъ образовать одно могучее царство. Такія были преднамѣренія Витовта, ибо стремленіе къ осуществленію ихъ проявляется во всей его жизни. Положеніе Витовта внѣ и внутри Государства было ужасно. Крестоносцы являлись непримиримыми врагами и ежечасно надобно было ожидать ихъ мести. Удѣльные Князья завидовали и бунтовали. Союзъ съ Польшей не согласовался съ его видами. Но у Витовта былъ умъ, была желѣзная воля, рѣшимость, мужество. Эти достоинства ставили его выше всѣхъ препонъ, ибо равнаго ему по этимъ качествамъ тогда не было въ Сѣверной Европѣ. Провидѣніе, избравъ его своимъ орудіемъ, указало ему путь какъ дѣйствовать, а результатомъ явило людямъ, какъ ненадежны человѣческія блага!...

Ему было 48 лѣтъ отъ роду. Пора страстей миновала. Горькіе опыты научили многому. Собственною рукою пролитая кровь подданныхъ, пожары и опустошенія давно пробудили въ душѣ сожалѣніе а, быть можетъ, и угрызенія. Тридцать лѣтъ провелъ онъ на ратномъ полѣ; у Крестоносцевъ научился и высшему воинскому искусству и хитрости и политикѣ. Судьба назначила ихъ самихъ учителями будущаго

---

1) Тамъ же.

своего сокрушителя. Прошедшее образовало его, будущее открывало ему великое поприще.

III.

Получивъ Велико-Княжеское достоинство, Витовтъ въ остальной жизни своей замѣчателенъ какъ *Завоеватель*, какъ *Правитель* и какъ *Политикъ*. Разсмотримъ по очереди каждое изъ этихъ его достоинствъ.

Обширно было его Государство. Онъ владѣлъ землями отъ Новгорода и Пскова до Молдавіи, отъ границъ Польши до Смоленска и предѣловъ Москвы и Рязани. Этого было слишкомъ довольно для его властолюбія; но, чтобы устоять твердою ногою на престолѣ, ему, въ самомъ началѣ, представлялись три задачи: *низложить могущество Рыцарей, поработить Моголовъ, уничтожить удѣльную систему.*

1.) *Войны съ Рыцарями.*

Рыцари дышали ненавистью. Съ ужасомъ узнали они о измѣнѣ Витовта. Долголѣтніе надежды и расчеты ихъ рушились однимъ разомъ. Жажда мести закипѣла, но они знали Витовта и очень хорошо понимали, что съ нимъ не легко совладать. Вотъ почему они не вдругъ бросились на землю Литовскую, но выждали прежде обычныхъ гостей изъ Франціи и Англіи и съ ними отправились къ Іоганнсбургу (1392). Отсюда, послѣ великолѣпнаго пиршества, ударили на Суражъ, данный Ягайлой Князю Мазовецкому, а теперь находившійся въ зависимости отъ Витовта. Здѣсь жилъ Князь Генрихъ (тотъ самый, который пріѣзжалъ къ Витовту посломъ отъ Ягайлы), недавно женившійся на сестрѣ Витовта, Рингайлѣ. Рыцари взяли городъ, истребили гарнизонъ, сожгли замокъ, опустошили окрестности, увели болѣе 200 человѣкъ плѣнныхъ и этимъ довольствовались на первый разъ. Но это было только сигналомъ къ дальнѣйшей борьбѣ и еще въ этомъ самомъ году они во второй разъ явились въ земляхъ Витовта и взяли Гродно.

Въ слѣдующемъ году (1393) умерла Великая Княгиня Іуліанія, мать Ягайлы. Другой сынъ ея Свидригайло захватилъ Витебскъ. Витовтъ изгналъ его оттуда. Куда было дѣваться? Ягайло, когда хотѣлъ освободиться отъ опеки Кейстута, тайными сношеніями съ Крестоносцами первый указалъ путь къ разоренію родной страны. Свидригайло бѣжалъ туда же, т. е. къ Рыцарямъ, и вмѣстѣ съ ними опустошилъ часть Жмуди. Жмудины въ отмщеніе сожгли пограничную крѣпость. Между тѣмъ Витовтъ успѣлъ уже завести сношенія съ Римомъ. Папа прислалъ своего Легата въ Вильну; Витовтъ его великолѣпно принялъ и удостовѣрилъ, что обстоятельства измѣнились и что прежнія нападенія Рыцарей съ цѣлію навращенія теперь составляютъ просто грабежъ. Рыцари притихли на время. Изъявили желаніе мира, согласились на обмѣнъ узниковъ, хотѣли усыпить дальновидность Витовта и только въ слѣдующемъ году (1394) подъ предлогомъ вспомоществованія Свидригайлѣ явились подъ Вильной съ многочи-

сленнымъ войскомъ. Здѣсь были Рыцари изъ Англіи, Франціи, Фландріи. Осадили городъ, напрягли всѣ силы, чтобы овладѣть замками, но все было напрасно; ибо замки были мужественно защищаемы, а Витовтъ съ тылу не давалъ имъ покоя. Послѣ четырехъ-недѣльной осады, Рыцари, съ большимъ урономъ, обратились съ просьбою къ Витовту дозволить имъ свободный возвратъ на родину; дозволеніе дано, но въ тоже время дано приказаніе Жмудинамъ напасть на нихъ при переправѣ черезъ Страву. Рыцари, жестоко побитые, едва успѣли бѣжать со стыдомъ. Осада Вильны открыла имъ необыкновенныя способности Витовта, какъ военачальника. Здѣсь былъ уже не только храбрый Князь, но глубокій стратегикъ и мужественный полководецъ.

Послѣ этого полтора года Рыцари сидѣли спокойно, пока не собрались съ духомъ и съ силами.

Въ Ригѣ избранъ былъ (1396) Архіепископомъ племянникъ Витовта, внукъ Кейстута, Александръ, сынъ Патирга. Ордены между собою поссорились и оба обратились къ Витовту, прося помощи. Витовтъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вмѣшаться въ ихъ дѣла, много обѣщалъ, но ничего рѣшительнаго не сдѣлалъ. Между тѣмъ взялъ Визну, находившуюся въ залогѣ у Рыцарей. Тогда Крестоносцы опять взялись помогать Свидригайлѣ, успѣли овладѣть Витебскомъ, Оршею и другими городами; но Витовтъ явился и отнялъ эти города. Въ 1397 г. новыя отдѣльныя нападенія Крестоносцевъ снова были безуспѣшны. Видя возрастающее могущество Витовта, они рѣшились склонить его на свою сторону другими средствами и потому обратились къ его всегдашней идеи: заключивъ съ ними тѣсный союзъ, совершенно отдѣлиться отъ Польши, и, проникнувъ тайную, задушевную его мысль, быть можетъ, тогда уже предложили ему возложить вѣнецъ Королевскій. Такъ ли было, не знаемъ, но достовѣрно то, что Витовтъ вдругъ перемѣнился и заключилъ съ ними такой договоръ, который по положенію Витовта уже и тогда могъ почитаться постыднымъ для него. Договоръ этотъ заключенъ былъ 19 Октября 1398 г. на островѣ Салинъ при устьѣ Невяжи. Витовтъ подтверждалъ права ордена на преданную себѣ часть Жмуди, согласно договору, заключенному еще съ Ягайлой. Обрадованные Рыцари и по наущенію ихъ Бояре Витовта тутъ же провозгласили его Королемъ Литвы и Руси. Но это провозглашеніе было только хитрою уловкою Рыцарей, желавшихъ польстить Витовту 1). Послѣдній понималъ, что обстоятельства еще не дозволяли воспользоваться этимъ случаемъ и отдѣлиться отъ Польши; онъ зналъ, что союзъ съ орденомъ былъ не надеженъ; удѣльные Князья еще бунтовали, Польша всѣми силами противилась разъединенію съ Литвою. Витовтъ желалъ, быть можетъ, имѣть только союзниками Рыцарей для будущихъ своихъ предположеній. Между

---

1) Впрочемъ Рыцари во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ Литовскими Князьями, часто называли ихъ *Королями*, даже Кейстута, хотя онъ былъ только удѣльнымъ Княземъ Трокскимъ.

тѣмъ Жмудины и слышать не хотѣли о подданствѣ Рыцарямъ. Напрасно В. Магистръ самъ пріѣзжалъ усмирять ихъ и едва самъ Витовтъ упросилъ ихъ къ притворной, быть можетъ, и только временной покорности. Витовту однако скоро пришлось раскаяться въ своихъ сношешеніяхъ съ орденомъ. Рыцари не переставали тревожить Литву набѣгами, хотя и лишились Мемеля, взятаго Витовтомъ. Въ 1403 г. они пытались даже снова овладѣть Вильною, но были жестоко разбиты и къ довершенію лишились еще Динабурга. Въ 1409 г. Жмудины рѣшительно возстали. Ягайло рѣшился самъ защитить ихъ. Витовту этого и надобно было, онъ увидѣлъ возможность въ союзной войнѣ отмстить Крестоносцамъ многократное уничиженіе, уничтожить притязаніе ихъ на часть Жмуди и, низпровергнувъ мугущество Рыцарей, навсегда освободить Литву отъ ихъ посягательства. Въ томъ же году (1409) Король Ягайло и В. Кн. Витовтъ съѣхались въ Брестѣ и составили планъ похода. Витовтъ уѣхалъ дѣлать воинскія приготовленія, а Ягайло со многочисленнымъ дворомъ отправился на охоту въ Бѣловѣжскую пущу. Въ продолженіи цѣлой зимы убивали звѣрей, солили, складывали въ бочки и отправляли Нарвой, потомъ Вислой въ Плоцкъ, гдѣ былъ устроенъ продовольственный магазинъ для предстоящаго похода. Витовтъ между тѣмъ собиралъ полки, устраивалъ все необходимое и съ началомъ весны (1410) войска начали собираться. Король Ягайло самъ повелъ Польскіе полки. Витовтъ велъ Литовцевъ, Русиновъ и Татаръ. Войска встрѣтились въ Червенскѣ (въ Плоцкомъ). Ягайло за 7 верстъ вышелъ на встрѣчу Витовту. Страшная рать, горя мужествомъ и жаждою мести, вступила на непріятельскую землю. 15 Іюля стали лагеремъ подъ Грунвальденомъ и Таненбергомъ. Литовцы заняли правую сторону, Поляки лѣвую. У Ягайлы было 51 знамя съ особыми отрядами, изъ коихъ каждый имѣлъ особаго начальника. У Витовта было 40 отрядовъ, составленныхъ изъ Литовцевъ, Жмудиновъ, Русиновъ, Татаръ. Здѣсь были полки: Виленскій, Трокскій, Гродненскій, Ковенскій, Лидскій, Мѣдникскій, Полоцкій, Витебскій, Кіевскій, Пинскій, Новогрудскій, Брестскій, Волковыскій, Дрогичинскій, Мельникскій, Кременецкій, Стародубскій и Смоленскій. Татарами Кипчакскими командовалъ Султанъ Саладинъ, пришедшій съ Витовтомъ. Всего вообще было 103,000 Литовцевъ, Русиновъ, Богемцевъ, Моравлянъ и Татаръ и 60 т. Поляковъ. У Рыцарей было 51 знамя и столько же отрядовъ. Здѣсь, кромѣ Рыцарей, были соединенныя войска Императора Сигизмунда, Венгерскія, Англійскія, Шотландскія, Богемскія и Шведскія. Главными предводителями были В. Кн. Витовтъ, а со стороны Рыцарей В. Магистръ Тевтонскаго ордена Ульрихъ фонъ-Юнингенъ. Когда все было готово къ бою, Ягайло удалился въ походную часовню молиться. Нетерпѣливый Витовтъ, видя, что всякое промедленіе можетъ быть гибельно, прибѣжалъ къ Королю и сказалъ: „чего медлишь, Король! Ты заперся, какъ будто среди мира, а между тѣмъ непріятели уже готовы къ бою. Вели начинать.” Но и это не подѣйствовало.

Къ счастію В. Магистръ, какъ будто предчувствуя свою гибель, пришелъ въ какое-то уныніе и, какъ пишутъ современники, даже горько плакалъ. Онъ отправилъ въ подарокъ Ягайлѣ два меча. Ягайло, кончивъ молитву, съ смиреніемъ принялъ одинъ мечъ, а другой вручилъ Витовту. Потомъ Ягайлу торжественно проводили подальше отъ стана на возвышенное мѣсто и окружили 60 кирасирами. Оттуда онъ могъ видѣть поле битвы и въ случаѣ нужды ретироваться. Онъ былъ весь въ желѣзныхъ доспѣхахъ. Витовтъ, обеспечивъ Короля отъ опасности, подалъ сигналъ и бой закипѣлъ. Сначала трудно было угадать, на чьей сторонѣ перевѣсъ. При самомъ началѣ битвы 300 Богемцевъ изъ Королевскихъ отрядовъ начали было отступать, говоря, что имъ не уплочено жалованье, но уличенные въ трусости и пристыженные, снова пошли на бой. Витовтъ подоспѣвалъ всюду. Одного появленія его достаточно было, чтобы возродить мужество, возвратить отступающихъ. Онъ управлялъ всѣми дѣйствіями сраженія и ему одному принадлежитъ честь знаменитой побѣды. Литовцы и Русины оказывали чудеса храбрости, но болѣе всѣхъ въ этой достопамятной битвѣ отличился Смоленскій отрядъ 1). Когда нѣкоторыя войска начали отступать и побѣда, казалось, клонилась на сторону Тевтонцевъ, Смоляне не двинулись съ мѣста, не смотря на сильный напоръ непріятеля, удержали оное за собою и тѣмъ много содѣйствовали рѣшительному успѣху сраженія. Съ наступленіемъ ночи сраженіе кончилось. Тевтонцы были разбиты на голову. В. Магистръ Юнингенъ, 60 Рыцарей и 40,000 воиновъ пали на полѣ битвы 2). Въ плѣнъ взято 15 т. чел., отняты всѣ знамена, числомъ 51. День этотъ, пишетъ Прусскій историкъ Фохтъ: „былъ послѣднимъ днемъ славы и величія ордена. Слѣдующее утро готовило ему позоръ, уничиженіе и вѣчное ничтожество.” Коцебу же говоритъ: „Этотъ блестящій колоссъ, варварскимъ мужествомъ, безвѣріемъ и безстыдствомъ воздвигнутый на развалинахъ попранныхъ народовъ, обогощенный награбленнымъ золотомъ, украшенный Княжескими гербами, былъ низпровергнутъ, какъ будто ударомъ грома и никогда уже не возсталъ изъ своего уничиженія!” Въ непріятельскомъ станѣ найдено множество цѣпей и другихъ орудій мукъ и неволи, вѣроятно, приготовленныхъ для Литовцевъ и Поляковъ, множество холста, напитаннаго смолою для поджоговъ, цѣлыя сотни бочекъ съ виномъ. Ягайло велѣлъ всѣ эти бочки разбить, боясь, чтобы воины не опьянѣли. Забрано болѣе 1,000 возовъ съ нагромажденными сокровищами и разными припасами, перевезенными въ Вильну и Краковъ. Наступила ночь, и при свѣтѣ факеловъ, открылось страшное зрѣлище! Вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино смѣшалось съ человѣческою кровью и залило огромное пространство, образовавъ ужасающее кровавое море, въ кото-

---

1) Ваповскій, 1,235. Зубрицкій, 231.

2) Вановскій. Италіянскій писатель Гобелинъ полагаетъ число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ до 94 т.

ромъ плавали трупы, умирающіе, изувѣченные.... Громкія пѣсни Богородице дѣво, радуйся! смѣшивались со стонами раненыхъ, топотомъ копытъ убѣгавшихъ Рыцарей. Витовтъ торжествовалъ, и, не теряя минуты, готовился броситься на Маріенбургъ, столицу ордена, но Ягайло молился всю ночь, и потомъ, въ теченіи трехъ дней, не двигаясь съ мѣста, приносилъ торжественное, благодарственное молебствіе за одержанную побѣду. Кромѣ сего Ягайло стоялъ на одномъ мѣстѣ три дня еще для того, *чтобы всѣхъ убѣдить въ дѣйствительности одержанной побѣды.* Напрасны были всѣ убѣжденія и просьбы Витовта. Виновникъ торжества, лучше всѣхъ понимавшій, что весь успѣхъ дѣла зависитъ теперь отъ поспѣшности, пока Рыцари не соберутъ новыхъ силъ и не выберутъ себѣ Магистра, приходилъ въ отчаяніе. И въ самомъ дѣлѣ пусто и глухо было въ Маріенбургѣ. Въ одинъ день гордому граду суждено было лишиться В. Магистра, Коммандоровъ, Рыцарей, войска, сокровищъ, всего, даже самой надежды на будущее.... спасенія не откуда было ожидать, да некому было и думать объ этомъ. Съ часу на часъ ожидали прибытія союзныхъ войскъ, чтобы отдать ключи отъ городскихъ воротъ и молить о пощадѣ. Но когда прошла ночь, прошелъ день, а къ тому лазутчики принесли радостную вѣсть о Ягайлѣ, тогда и Маріенбургъ принесъ благодареніе Богу и оживленный напрягъ послѣднія силы, чтобы укрѣпиться, выбрать начальника и собрать войско. Ягайловы войска едва на четвертый день тронулись съ мѣста, и едва 24 Іюля, т. е. на 8 день послѣ одержанной побѣды, остановились подъ Маріенбургомъ, взявъ на пути нѣсколько Прусскихъ замковъ. Не смотря на это, Ягайло шелъ съ твердымъ намѣреніемъ взять столицу, уничтожить навсегда орденъ и присоединить всѣ его владѣнія къ Польшѣ. Но было уже поздно. Маріенбургъ былъ сильнѣйшею крѣпостью въ то время. Коммандоръ Генрихъ Фонъ Плауенъ, собралъ оставшихся въ живыхъ Рыцарей, успѣлъ укрѣпить замокъ и, съ 5,000 воиновъ рѣшился защищаться до послѣдняго. Всѣ жители столпились въ замкѣ. Городъ сожгли сами. Остались только Ратуша и одинъ Костелъ. Долго продолжалась осада. Между тѣмъ большая часть замковъ и городовъ предались добровольно Ягайлѣ или были взяты оружіемъ. Осажденные думали уже о капитуляціи, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Ливонскій Магистръ Германъ идетъ съ войскомъ на отрѣзъ Маріенбургу. Витовтъ съ значительнымъ отрядомъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Германъ зналъ задушевныя мысли Витовта. Онъ выслалъ парламантера, прося тайнаго свиданія. Витовтъ согласился. Германъ умно обдуманнымъ планомъ обѣщалъ Витовту возвратъ Жмуди и вѣчный союзъ и дружбу съ Литвою, а главное, яркими красками изобразилъ, какъ опасно для его плановъ и надеждъ возрастающее могущество Польши, когда она присоединитъ къ себѣ Прусскія владѣнія. Витовтъ призадумался. Онъ вспомнилъ, что Ягайло покоренные замки уже роздалъ Полякамъ, а ему, виновнику торжества, далъ только два ничтожные замка. Обдумавъ дѣло, онъ убѣдился, что Тевтонцамъ не возстать болѣе, но что дѣйствительно совершенное уничтоженіе ордена чрезвычай-

но усилить Польшу и слѣдовательно разрушить всѣ его надежды: возстановить и обезопасить самостоятельность любимой имъ родины. По этому Витовтъ тотчасъ же началъ тайно дѣйствовать въ пользу Рыцарей. Прійдя въ станъ, онъ представилъ Магистра Ягайлѣ и выпросилъ дозволеніе впустить его къ осажденнымъ, а когда Магистръ вышелъ оттуда, осажденные и слышать болѣе не хотѣли о сдачѣ. Витовтъ дѣйствовалъ не охотно; некому было возбуждать мужества и предводительствовать войскомъ. Наконецъ, не смотря на просьбы и заклинанія Ягайлы, Витовтъ со всѣми своими полками ушелъ домой. Тщетная осада продолжалась до 19 Сентября. Ягайло удалился, добровольно истребивъ плоды славной побѣды, не имѣя способностей ни полководца, ни политика, чтобы воспользоваться ею. Какъ дѣйствовалъ Витовтъ, мы видѣли. Горя местію и надѣясь на плоды побѣды собственно для Литвы, а не для Польши, онъ оказалъ чудеса. Потомъ, когда увидѣлъ, что рѣшительное истребленіе ордена, увеличивая могущество Польши, можетъ быть пагубно для Литвы, бросилъ все и ушелъ. Какъ бы то ни было, слава этой знаменитой побѣды, удивившей всю Европу, исключительно принадлежитъ Витовту.

Въ слѣдующемъ году (1411) заключенъ былъ мирный договоръ съ Крестоносцами. Жмудь возвратилась на лоно Литвы. Витовтъ снискалъ постоянныхъ друзей и союзниковъ въ Рыцаряхъ.

2.) *Войны съ Моголами.*

Кажется, довольно было дѣла Витовту справиться съ одними Рыцарями. Но здѣсь то и видна геніяльность этого великаго человѣка и мы еще не разъ придемъ въ удивленіе,— когда онъ находилъ время и откуда брались силы воевать почти въ одно время съ разными народами и въ разныхъ странахъ? Разскажемъ теперь про дѣла его съ Моголами.

Въ Золотой Ордѣ дѣла были не въ завидномъ положеніи. Внутреннія смуты обезсилили ее. Внукъ Тамерлана, Тимуръ-Кутлукъ низвергъ съ престола Тохтамыша и объявилъ себя Великимъ Ханомъ. Витовтъ, не спускалъ глазъ съ Орды и думалъ употребить ее орудіемъ для своихъ замысловъ. Низверженный Тохтамышъ скрывался въ Крыму. Витовтъ, опустошая берега Азова, возбудилъ его надежды овладѣть Сараемъ. Тохтамышъ возсталъ, но войска славнаго Эдигея разбили его совершенно. Тохтамышъ бѣжалъ въ Литву къ Витовту. Тотъ принялъ его съ почестями и поселилъ въ Лидѣ (1394). В. Князю Литвы и Руси, стремившемуся къ обладанію не только Западною, но и Восточною Россіею и образованію такимъ образомъ могущественнаго Государства, отдѣльнаго и совершенно независимаго отъ Польши, казалось, что именно Моголы могутъ быть употреблены орудіемъ для осуществленія его предначертаній. Ему хотѣлось низвергнуть могущество Эдигея и посадить Тохтамыша въ Сараѣ въ качествѣ своего данника. Съ этою цѣлію онъ заключилъ тайный договоръ съ Тохтамышемъ, коего условіемъ было:

„посажу тебя въ Ордѣ, съ тѣмъ, что ты посадишь меня на Москвѣ Великимъ Княземъ 1).“ Въ 1397 году вмѣстѣ съ Тохтамышемъ двинулся онъ къ Азову, разбилъ Моголовъ, прогналъ ихъ къ Волгѣ, награбилъ множество сокровищъ, взялъ въ плѣнъ нѣсколько улусовъ Татаръ и пригналъ ихъ въ Литву. Вмѣстѣ съ Татарами переселилъ онъ и около 400 семействъ Караимовъ изъ Крыма. Часть Татаръ отправилъ къ Ягайлѣ, гдѣ ихъ тотчасъ окрестили. Тохтамышъ не возвратился съ Витовтомъ. Послѣдній увидѣлъ, что силою еще не время истребить полчища Эдигея. Поселеннымъ Татарамъ онъ предоставилъ права гражданства, совершенную свободу вѣроисповѣданія и образовалъ изъ нихъ колоніи на берегахъ Вакиʻблизъ Вильны, а также въ нынѣшнихъ уѣздахъ Лидскомъ, Трокскомъ, Ошмянскомъ, Новогрудскомъ, Брестскомъ, на Волыни и въ нынѣшней Августовской губерніи. Давъ имъ разныя привиллегіи и облагодѣтельствовавъ ихъ, онъ пріобрѣлъ вѣрныхъ подданныхъ, готовыхъ жертвовать за него всѣмъ. Воинственное это племя и до сихъ поръ исповѣдуетъ Магометанскую вѣру и постоянно отличается преданностію законнымъ властямъ. Всѣ Государи Литвы слѣдовали примѣру Витовта. Великая Екатерина въ 1794 году подтвердила всѣ прежнія ихъ привиллегіи и преимущества 2) и они всею душею предались Ей и наслѣдникамъ Ея. Въ рядахъ Русскаго воинства не разъ отличались Татары; большая часть ихъ служила въ полкахъ б. Литовскаго корпуса, колоніи ихъ и нынѣ заселены отставными Русскими воинами, изъ коихъ многіе въ высшихъ чинахъ и украшены орденами. Въ послѣднее время нѣкоторые стали служить и по Гражданской части.

Черезъ два года (1399) Витовтъ опять собрался на Моголовъ. Войска его составляли Литовцы, дружины изъ всѣхъ подвластныхъ Княжествъ Руси, Смоляне, отдѣлъ Тевтонскихъ Рыцарей изъ 500 человѣкъ и знатнѣйшіе юноши изъ Польши, присланные Ягайлой съ значительнымъ отрядомъ. Однихъ Князей изъ Литовско-Русскихъ земель считаютъ до 50. Польша страшилась этого похода потому, что была увѣрена въ побѣдѣ, которая могла ускорить разрывъ Литвы съ нею. Витовтъ пригласилъ зятя своего В. Князя Московскаго къ участію въ войнѣ; но Василій, вѣроятно, зная о прежнемъ его уговорѣ съ Тохтамышемъ, не довѣрялъ Витовту и не хотѣлъ помогать въ войнѣ, которая могла быть вредною для Восточной Россіи. Онъ выслалъ къ нему на встрѣчу въ Смоленскъ супругу свою, а самъ между тѣмъ, отдѣльно отъ войскъ Витовта, пошелъ противъ Татаръ къ берегамъ Волги и къ Рязани. Витовтъ, обласкавъ дочь и осыпавъ ее богатыми подарками, двинулся съ многочисленною ратью и остановился на берегахъ Ворсклы. Здѣсь уже стояли Ордынцы, готовые къ бою. Явились послы Тимуръ-Кутлука и говорили Витовту отъ имени Хана: *„За что идешь на меня? Я не вступалъ никогда въ твою землю съ оружіемъ.“* Витовтъ

1) Слова лѣтописей. См. Полевой, V., 223.

2) Высочайшій указъ 30 Октября 1794 г. Полное Собр. Зак. Т. XXIII N. 17,418.

отвѣчалъ: *„Богъ готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми землями; „будь моимъ сыномъ и данникомъ, или будешь рабомъ.“* Тимуръ соглашался платить дань Витовту и признавать его отцемъ, т. е. старшимъ; но Витовта увлекла самоувѣренность, онъ требовалъ, чтобы Моголы на деньгахъ своихъ чеканили его изображеніе и гербъ Литовскій, а это не согласовалось съ ихъ религіозными понятіями. Время уходило въ переговорахъ, какъ вдругъ подоспѣлъ на помощь Тимуръ-Кутлуку, дядя его, Эдигей, съ сильнымъ войскомъ. Этотъ опытный старикъ потребовалъ личнаго свиданія и сказалъ Витовту: *„Тимуръ-Кутлукъ молодъ, онъ могъ признать тебя своимъ отцемъ; но мнѣ стыдно; я тебя старше годами и такъ, Князь Литовскій, лучше ты покорись мнѣ, будь мнѣ сыномъ и поставь мою тамгу на своихъ деньгахъ.“* Можно вообразить гнѣвъ Витовта! Вмѣсто отвѣта, онъ двинулъ войска въ битву. Бой закипѣлъ, яростный, ужасный. Витовтъ надѣялся на свои силы, свое счастіе, свое мужество; но силы Эдигея были гораздо значительнѣе, и самъ Эдигей былъ ученикъ грознаго Тамерлана. Битва эта произошла 12 Августа 1399 г. Слѣдствія ея были самыя гибельныя для Витовта. Войска его разбиты, многіе Князья, какъ Глѣбъ Святославовичъ Смоленскій, Михаилъ и Димитрій Даніиловичи Волынскіе, Андрей Кейстутовичъ Горбатый Полоцкій, Димитрій Ольгердовичъ Брянскій, Михаилъ Явнутовичъ Заславскій, Андрей Димитріевичъ Корецкій и многіе другіе были убиты. Лѣтописи говорятъ, что изъ однихъ Княжескихъ родовъ погибло 74 человѣка. Всѣхъ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ считаютъ до 100 т. У Эдигея было 200 т. въ дѣлѣ, у Витовта только 70 т. Борьба неравная.

Жестокое пораженіе *ненавистнаго и страшнаго Князя Литовскаго* 1) произвели всеобщую радость въ Восточной Россіи и Польшѣ, хотя многіе знаменитые Поляки погибли въ этой битвѣ. Казалось, что Витовтъ навсегда утихнетъ и навсегда откажется отъ своихъ *честолюбивыхъ*, какъ тогда думали, замысловъ. Но не тутъ то было. Витовтъ увидѣлъ свою ошибку и думалъ, какъ бы ее скорѣе исправить. Видя еще невозможность поработить Моголовъ силою оружія, онъ рѣшился силою ума, хитростію и политикою заставить ихъ быть себѣ покорными. А что онъ успѣлъ въ этомъ, это доказывается постояннымъ его и сильнымъ вліяніемъ во все остальное время его жизни на дѣла Моголовъ и вмѣшательствомъ во всѣ ихъ распри и ссоры. Этотъ самый Эдигей не однократно потомъ присылалъ пословъ къ Витовту въ Вильну съ поклономъ и богатыми дарами.

Въ 1412 г. Витовтъ подкрѣплялъ дѣтей Тохтамыша и старшаго его сына Зелени-Султана утвердилъ на тронѣ Золотой Орды. Эгигей въ отмщеніе за это въ 1416 году ограбилъ Кіевъ, но тотчасъ же прислалъ къ Витовту пословъ и въ подарокъ трехъ верблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ и 27 коней, приказавъ сказать Витовту: *„Князь слав-*

---

1) Такъ Новгородцы и въ Восточной Россіи называли Витовта.

„ный! въ трудахъ и славѣ настала наша старость. Помиримся на „остатокъ нашего вѣка. Кровь, пролитая нами въ битвахъ, уже вы-„сохла; бранныя слова наши разсѣяны уже вѣтрами; злоба наша „сгорѣла въ пламени войны!" 1) Орда въ это время представляетъ безпрерывный рядъ внутреннихъ смятеній, воцареній и паденій Ханскихъ. Не токмо дѣти Тохтамыша, но и внуки его, дѣти Зелени-Султана, претенденты на Ханство, дозволяли Витовту безпрестанно вмѣшиваться въ ихъ дѣла.

Въ 1420 г. онъ въ Виленскомъ замкѣ именовалъ Кипчакскими Ханами Татарскихъ Князей Бетсабулу и Геремфердена и возложилъ на нихъ Княжескія короны и богатыя Ханскія шубы.

Однимъ словомъ, онъ и безъ войны, не только оградилъ себя отъ порабощенія Могольскаго, но напротивъ игралъ роль какъ бы покровителя и миротворца ихъ и имѣлъ всегда готовыми союзниками на случай войны.

3.) *Стремленіе къ единовластію.*

Мы видѣли, что самое вступленіе Витовта на Велико-Княжескій престолъ вооружило противъ него всѣхъ удѣльныхъ Князей. А Князей этихъ было не мало. Кромѣ родныхъ братьевъ Ягайлы и потому почитавшихъ себя естественными претендентами Вел. Княжескаго достоинства, были еще родные братья Витовта, племянники его, и другіе, и каждый имѣлъ поводъ быть недовольнымъ Вел. Княземъ. Съ самаго начала онъ наложилъ на нихъ свою желѣзную руку и заставилъ притихнуть, а потомъ въ теченіи всего своего царствованія стремился къ утвержденію единовластія. Мы уже сказали о присоединеніи Витебскаго Княжества и изгнаніи Свидригайлы, которому помогалъ Тевтонскій орденъ. Въ 1395 году, Смоленскіе Князья ссорились за удѣлы. Старшій изъ нихъ Юрій Святославовичъ былъ у тестя своего Олега въ Рязани. Витовтъ явился подъ Смоленскомъ. Князья пришли къ нему съ поклономъ; онъ объявилъ, что хочетъ примирить ихъ, и тутъ же велѣлъ схватить ихъ и отправить въ Вильну, давъ удѣлъ одному только Глѣбу, именно, мѣстечко Полонное. Потомъ вошелъ въ городъ и провозгласилъ себя Княземъ Смоленскимъ. Въ слѣдующемъ году (1396), во время свиданія съ зятемъ своимъ В. Кн. Московскимъ въ Смоленскѣ, они утвердили границы своихъ владѣній. Со стороны Руси тогда почти вся земля Вятичей, т. е. нынѣшняя губернія Орловская съ частію Калужской и Тульской принадлежала уже Витовту. Карачевъ, Мценскъ, Болховъ, Бѣлевъ, съ другими удѣлами Князей Черниговскихъ, волею или неволею поддались Витовту. Ржевъ и Великія Луки также были захвачены. Такимъ образомъ владѣніе Витовта простиралось отъ границъ Псковскихъ, съ одной стороны, до Галиціи и Молдавіи, а съ

---

1) Длугошъ кн. XI.

другой стороны до береговъ Оки (до Курска), Сулы и Днѣпра. Еще прежде, по смерти Ольгердовыхъ сыновей Вигунта, Наримунда и Скиргайлы, онъ присоединилъ къ себѣ ихъ удѣлы. У брата ихъ Корибута отнялъ Сѣверское Княжество и, кромѣ родовыхъ удѣловъ Скиргайлы, перешло во власть Витовта и данное Скиргайлѣ Кіевское Княжество. Присоединилъ также Подольскую землю, которою владѣлъ Ѳеодоръ, внукъ Ѳеодора Коріятовича.

Послѣ несчастнаго пораженія на берегахъ Ворсклы, Олегъ Рязанскій (въ 1401) успѣлъ возвратить Смоленскъ зятю своему Юрію Святославичу. Въ 1403 году Витовтъ взялъ Вязьму и двинулся къ Смоленску. Послѣ семинедѣльной осады, онъ принужденъ былъ отступить, но въ слѣдующемъ году явился снова и тогда бояре Смоленскіе, озлобленные на Юрія, сами впустили Витовта и онъ утвердилъ все Княжество за Литвою, не упустивъ опустошить Рязанскія области.

Сестра Витовта Марія была за мужемъ за Тверскимъ Княземъ Іоанномъ Михайловичемъ. Витовтъ жилъ съ нимъ сначала дружно; но въ 1404 году Марія скончалась и прежняя дружба съ Іоанномъ кончилась; Витовтъ сталъ его тѣснить.

Новгородъ и Псковъ постоянно обращали на себя вниманіе Витовта. Не нравились ему ихъ вольница, богатство, связи съ Нѣмцами. Въ 1391 году Новгородъ заключилъ союзъ съ Ганзою. Нарочно съѣзжались для сего въ Изборскѣ послы изъ Новгорода, Пскова, Любека, Готланда, Дерпта, Ревеля, Риги. Съ Витовтомъ они заключили договоръ въ 1393 г., удовлетворивъ всѣ его требованія, но онъ не довольствовался и искалъ предлога къ войнѣ. Условясь съ Василіемъ, они отправили пословъ къ Новгороду и требовали разрыва съ Нѣмцами. Удивленное Вѣче отвѣчало посламъ Вел. Кн. Москов.: *„Господинъ Князь Великій! у насъ съ тобою свой миръ, съ Витовтомъ иной, а съ Нѣмцами иной!"* Василій началъ войну. Этого и хотѣлось Витовту, ему нужно было обезсилить Новгородъ и потомъ управлять дѣлами его по своей волѣ.

Псковъ не разъ былъ тревожимъ его войсками. Въ 1426 году Псковичи осадили Дерптъ; тамошній Епископъ Дидрихъ просилъ помощи Витовта. Одно появленіе его въ Псковской землѣ спасло Епископа. Онъ осадилъ Опочку, а потомъ Вороносъ. Псковитяне защищались отчаянно, но послѣ просили мира и Витовтъ согласился, взявъ большой окупъ (1,000 р.).

Въ слѣдующемъ году онъ пошелъ на Новгородъ, требуя непремѣннаго разрыва его съ Ганзою. Пройдя опасныя зыби Чернаго лѣса, онъ осадилъ Порховъ. Огромную пушку его (ее называли бѣдоносною галкою), наведенную на городъ, разорвало и убило мастера, лившаго ее (Нѣмца). Новгородцы видѣли въ этомъ чудо, но посадникъ Ісаакій Борецкій съ Владыкою Евфиміемъ боялись Витовта, явились въ станъ его и просили мира. Витовтъ потребовалъ непомѣрнаго окупу: 15,000 тог-

дашнихъ руб. (на нынѣшнія деньги 250,000 руб. с.). Новгородцы должны были согласиться и миръ заключенъ.

Въ 1425 году Тверское Княжество перешло во владѣніе Бориса Александровича (внука Іоанна Михайловича). Въ Рязани Княжилъ Іоаннъ Ѳедоровичъ. Въ этомъ же году умеръ Вел. Князь Московскій Василій Димитріевичъ. Ему наслѣдовалъ юный сынъ его Василій Васильевичъ Темный. Всѣ они искали дружбы и покровительства Витовта, тѣмъ болѣе, что Рязанскому Князю грозили Татары, а Московскій нуждался въ его помощи по причинѣ споровъ о престолѣ съ дядею своимъ Юріемъ Димитріевичемъ. Витовтъ умѣлъ всѣмъ этимъ воспользоваться, поддерживалъ внука (Василія), покровительствовалъ племянника (Бориса), ограждалъ вліяніемъ своимъ Іоанна. Но за то заключилъ съ этими тремя Князьями (т. е. Московскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ) договоръ во всемъ согласный съ его видами и волею. Московскій Князь далъ ему слово не помогать Новгороду и Пскову, а Тверскій и Рязанскій поклялись быть всегдашними союзниками Литвы и враговъ Витовтовыхъ считать своими. Въ договорныхъ грамотахъ величаютъ они Витовта своимъ *Господиномъ и Осподаромъ* 1). Наконецъ гордые Новгородъ и Псковъ стали постоянными его данниками, хотя и сохраняли свою вольность.

IV.

Не одни воинскіе подвиги занимали великій умъ Витовта. Воображеніе цѣпенѣетъ при видѣ этой необыкновенной дѣятельности, этого постояннаго напряженія и поразительныхъ трудовъ для пользы края. Витовтъ, ежели вспомнимъ время, когда онъ жилъ, является намъ замѣчательнымъ правителемъ. Не было почти ни одной отрасли государственнаго управленія, котораго бы онъ не коснулся. Съ удивительною тонкостію умѣлъ пользоваться всѣми случаями, кои могли принести существенную пользу его подданнымъ. Онъ не чуждался нововведеній; но не забывалъ и ничего хорошаго, доставшагося въ удѣлъ отъ предковъ. Новыя учрежденія тогда только были имъ вводимы, когда не нарушали коренныхъ уставовъ народа, ихъ обычаевъ, даже преданій. Съ Русинами онъ былъ Русинъ; съ Литовцами Литовецъ. Умѣлъ принаровиться къ характеру и понятіямъ каждаго.

Ставъ крѣпкою ногою на престолѣ, онъ и среди войнъ съ Рыцарями, Моголами, Удѣльными Князьями, находилъ время на разныя мудрыя учрежденія, о коихъ воспоминанія до сихъ поръ сохранились въ преданіяхъ народа. При Витовтѣ началась обширная торговля Литовской Руси. Всякое перемиріе съ Орденомъ, каждый договоръ съ Новгородомъ и Псковомъ, или съ Московскими Княжествами, давали поводъ

---

1) См. Договорную грамоту Тверскаго Князя Бориса Александровича съ Витовтомъ, 3 Августа 1427 года, въ Актахъ, относящихся къ Исторіи Зап. Россіи Т. I. N. 33. стр. 46.

къ расширенію круга торговыхъ оборотовъ. Торговля лѣсомъ представляла большія выгоды въ его время. Литовскія суда постоянно наполняли Нѣманъ и сплавливали лѣсъ, хлѣбъ и другіе продукты. Съ востокомъ производилась значительная торговля чрезъ Ѳеодосію (Кафу), съ Венгріей— чрезъ Польшу; съ городами Восточной Россіи и въ особенности съ Новогородомъ и Псковомъ были безпрестанныя торговыя сношенія; послѣдніе упрощали обороты и съ остальными Ганзейскими городами, хотя Витовтъ для другихъ цѣлей и требовалъ, что бы они прекратили съ ними союзъ. На Днѣпровскомъ островѣ *Тавани* учреждена была таможня, называвшаяся *Витовтова баня*. Установлена пошлина на ввозимые товары. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначены были штрафы и взысканія за тайные провозы товаровъ и учрежденъ надъ этимъ бдительный надзоръ. Кіевъ игралъ важную тогда роль въ торговомъ отношеніи. Здѣсь было складочное мѣсто товаровъ, доставляемыхъ посредствомъ обмѣна и покупкою съ Востока, и потомъ перевозимыхъ изъ Кіева во всѣ города обширнаго Государства. Чтобы обезопасить торговлю извнѣ, онъ учредилъ крѣпости съ сильными гарнизонами надъ Днѣпромъ, Бугомъ, Днѣстромъ и въ пограничныхъ мѣстахъ Подоліи. Замѣчательнѣйшія крѣпости были: Кременчукъ, Упскъ, Гербедеевъ-Рогъ, Мисуринъ, Бендеръ, Дашовъ (нынѣшній Очаковъ), Кочкосъ-баргунъ, Тягиня и др. Изъ пристаней главныя были: Полангенъ на Балтійскомъ морѣ, Хаджибай или Качибай (гдѣ нынѣ Одесса) на Черномъ. При укрѣпленіи береговъ Чернаго моря руководителемъ Витовта былъ опытный Кипчакскій ханъ Хаджи-Гирей, долго жившій въ Литвѣ 1). Главныя усилія Витовта были обращены на то, чтобы расширить промышленную дѣятельность внутри Государстза между Княжествами. Съ этою цѣлію онъ какъ въ Литвѣ, такъ и на Руси проводилъ военныя дороги по разнымъ направленіямъ, сокращая путь и споспѣшествуя сбыту товаровъ. Строилъ большіе мосты на Бугѣ, и на другихъ рѣкахъ. Учреждалъ удобныя переправы, расчищалъ не проходимые лѣса, прокладывая чрезъ нихъ пути. Всю жизнь въ вѣчномъ движеніи, всѣмъ долженъ былъ самъ управлять, все лично устраивать. Поработивъ надменныхъ удѣльныхъ Князей, укротивъ своеволіе кичливыхъ Бояръ, онъ предоставлялъ разныя преимущества мелкимъ владѣльцамъ земель (земяне господарскіе). Вольные люди и крѣпостные крестьяне состояли подъ постояннымъ его покровительствомъ и ограждены были отъ угнетеній. Въ городахъ онъ вводилъ Магдебургскіе законы, мѣщанамъ давалъ многія привиллегіи. Главная его забота и попеченіе обращены были преимущественно на низшее сословіе какъ земледѣльческое, такъ и городское. Онъ вникалъ въ ихъ нужды и находилъ способы облегченія ихъ участи. Бдительнымъ окомъ слѣдя каждый шагъ Князей, обогащая Казну войною и торговлею, онъ былъ

---

1) Въ 1446 году онъ получилъ Ханское достоинство въ Крыму и очень покровительствовалъ торговлю Литовской Руси.

щедръ до расточительности, но всегда съ пользою, или для поддержанія своего достоинства, или для выгодъ народа. И послѣ всего этого нѣкоторые историки хотятъ увѣрить, что Витовтъ *не вѣдалъ человѣколюбія*, что былъ тираномъ, что будто бы однажды, когда онъ велѣлъ повѣсить двухъ воиновъ за разграбленіе храма, они другъ передъ другомъ сами торопились взлѣсть на висѣлицу, *чтобы болѣе не разгнѣвать Князя*. Это пустая выдумка Тевтонцевъ 1). Но не время было быть снисходительнымъ и миловать, когда надобно было все громить, разрушать и все новое созидать, и среди смутъ и крамолъ быстрымъ шагамъ идти впередъ къ предназначенной цѣли, а чтожъ такое была эта цѣль, ежели не благо народа? Всегда и вездѣ онъ былъ гордъ и высокомѣренъ съ Князьями, но снисходителенъ къ низшему сословію, суровый для военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, онъ строго смотрѣлъ за исполненіемъ правосудія и горе тому, кто оное нарушилъ!— пощады не было. Каждый же простой воинъ, каждый поселянинъ приходилъ къ нему безъ боязни и всегда имѣлъ свободный доступъ. Любя воинскую дисциплину и правосудіе въ дѣлахъ гражданскихъ, онъ былъ грознымъ бичемъ для всѣхъ тѣхъ, кои обогащались на счетъ казны или низшаго сословія.

Мы не много имѣемъ письменныхъ доводовъ о установленіяхъ Витовта 2). Но что они были, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, ибо память о его мудрыхъ учрежденіяхъ долго существовала въ народѣ и когда въ 1492 году Литовцы и Русины безъ участія Польши торжественно возводили на Велико-Княжескій престолъ Александра, Маршалъ Хрептовичъ, вручая ему жезлъ и мечъ, просилъ, чтобы онъ управлялъ Государствомъ и судилъ народъ, не по Богемскимъ, Итальянскимъ или Нѣмецкимъ обычаямъ, но по Литовскимъ и Витовскимъ учрежденіямъ. На Жмуди были въ обычаѣ съѣзды народные для разсужденій о дѣлахъ. Витовтъ отмѣнилъ ихъ. Самъ же не рѣдко созывалъ Князей для совѣщаній, а послѣ приглашалъ и Бояръ, а также знатнѣйшее Дворянство.

V.

Не менѣе замѣчательны дѣла Витовта, какъ глубокаго въ своемъ вѣкѣ политика. Мы неразъ видѣли, какъ онъ умѣлъ хитрить съ ковар-

---

1) Повторенная впрочемъ и Ваповскимъ.

2) Даниловичъ полагаетъ, что таковые могутъ еще быть гдѣ нибудь отысканы. См. Статутъ Казимира Ягеллона въ предисловіи X. XI. Изъ письменныхъ грамотъ и привиллегій помѣщены нѣкоторыя въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, Т. I. стъ N. 6—35.; а также въ Сѣверномъ Архивѣ за 1824 г. N. 1, 14, 17. Дипломатическія его сношенія съ Рыцарями и разныя привиллегіи помѣщены въ собраніи Законовъ Литовскихъ, изданныхъ въ 1841 г. въ Познани Графомъ *Дзялынскимъ* и въ Дипломатическомъ Кодексѣ Литвы изд. въ 1845. Графомъ Эдуардомъ *Рачинскимъ*, во 2-мъ томѣ Кодекса изд. въ 1852 г. въ Варшавѣ *Ржищевскимъ* и *Мучковскимъ*, и въ Сборникѣ Wiz. i Roz. Nauk. Т. 14 стр. 127. (1840).

ными Рыцарями. Дѣла Могольскія, связи съ гордымъ Новгородомъ, Псковомъ, взятіе Смоленска доказываютъ умъ гибкій, рѣшительный и смѣлый. Его девизъ былъ— всѣ пути хороши для достиженія цѣли; но когда достигалъ ея, тогда обдумывалъ средства, какъ загладить прошлое. Такимъ образомъ, овладѣвъ въ 1404 году Смоленскою областію, при помощи тамошнихъ Бояръ, измѣнившихъ своему Князю, въ надеждѣ самимъ управлять краемъ и собирать доходы, онъ тотчасъ смѣнилъ ихъ и опредѣлилъ другихъ благонадежныхъ чиновниковъ, а гражданамъ и поселянамъ далъ особенную льготу, обласкалъ ихъ, оградилъ отъ притѣсненій и тѣмъ совершенно отвратилъ народъ отъ Юрія и привязалъ къ себѣ. Точно также, поселивъ Татаръ и Караимовъ въ Литвѣ, въ то самое время, когда первыхъ Ягайло навращалъ, волею или неволею, въ Католическую вѣру, Витовтъ предоставилъ имъ полную свободу богослуженія; они пользовались всѣми правами гражданства и жили въ колоніяхъ своихъ, какъ будто на родинѣ съ своею вѣрою, языкомъ, обычаями. Благодѣяніями своими Витовтъ сдѣлалъ то, что многіе Татары бросали свои улусы и добровольно приходили въ Литву искать пріюта подъ его мощною державою. Еще въ 1388 году онъ далъ въ Луцкѣ привиллегію Евреямъ, жившимъ въ его удѣлѣ, оградивъ ихъ отъ преслѣдованія. „*Еслибы жида забито*," пишетъ Витовтъ въ своей жалованной грамотѣ: „*а черезъ свѣдетство не могъ довести, своимъ пріятелемъ, который бы его забилъ: естли бы могъ, въ пытанью, нѣкоторого подозренного мѣти, мы жидомъ на противку подозренного хочемъ обронцою быти. И тежъ, естли бы хрестьянинъ нѣкоторой жидовцѣ рукою квалтовною мѣлъ што вчинити, абы вдарилъ, маетъ быть каранъ, подлугъ права нашое земли* 1)."

Въ земляхъ Руси и въ самой Литвѣ онъ покровительствовалъ Православію, не нарушалъ коренныхъ узаконеній Руси, уважалъ самые обычаи отдѣльныхъ областей, отнюдь не навязывая имъ иноземныхъ понятій. Витовтъ имѣлъ вліяніе и на тогдашнюю Европейскую политику. Это доказывается его постоянными, большею частію тайными сношеніями съ Императоромъ Сигизмундомъ, который понималъ Витовта, даже льстилъ ему и самъ содѣйствовалъ къ осуществленію его идей. Богемцы до такой степени уважали Витовта, что три раза (1422) присылали пословъ въ Вильну, предлагая ему корону Богемскую; но Витовтъ, стремясь къ иной цѣли, не принялъ короны, а послалъ къ нимъ племянника своего Сигизмунда-Корибута. Витовтъ, какъ мы видѣли неразъ, постоянно думалъ о разрывѣ съ Польшею. Сеймы Виленскій (1401) и Городельскій (1413), соединившіе Литву съ Польшею и предоставившіе высшему сословію въ Литвѣ права Польскаго дворянства, тяготили Витовта. Онъ помышлялъ и стремился къ совершенному отторженію Литвы отъ Польши, образованію мощнаго Государства изъ собственной Литвы и подвластныхъ ему Княжествъ Руси, желая ввести его въ кругъ

1) Акты изд. Археол. Ком. 1., N. 9., 24.

Европейскихъ Государствъ, подъ именемъ Королевства. Прежде замыслы его были еще обширнѣе. Подвластныхъ Княжествъ, казалось, еще мало было Витовту. Мы видѣли, что онъ еще въ 1397 году помышлялъ при содѣйствіи Моголовъ низвергнуть тестя своего съ Московскаго престола и такимъ образомъ, соединивъ Восточную Россію съ Западною Русью, образовать одно могучее Русское Царство; но послѣ пораженія на берегахъ Ворсклы (1399) онъ убѣдился, что поработить силою Моголовъ еще нельзя, что сліяніе Восточной Россіи съ Западною еще не возможно, и вотъ почему онъ обратился къ идеи образованія отдѣльнаго Королевства.

Витовтъ, воспитанный языческою жрицею, три раза перемѣнившій вѣру, не могъ быть, кажется, слишкомъ твердымъ въ дѣлахъ вѣры. Но онъ уважалъ Христіанство, которое исторгло его и любимый имъ народъ изъ мрака идолопоклонства, просвѣтило умъ, проложило путь къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, указало будущность за гробомъ 1). Витовтъ равно покровительствовалъ Католиковъ и Православныхъ; но Католиковъ, природныхъ Литвиновъ, крещенныхъ Ягайлою, была у него едва *четырнадцатая часть* общаго числа его подданныхъ 2). Вотъ почему, естественно, его занимали болѣе дѣла Православія. Онъ очень понималъ всю важность вліянія на дѣла Литовской Руси Митрополита Московскаго. Во время съѣзда Витовта съ В. Кн. Москов. Василіемъ въ Смоленскѣ былъ тамъ и Митрополитъ Московскій Купріянъ. Витовтъ подтвердилъ неприкосновенность правъ его на Православныхъ христіанъ въ Кіевѣ, Волыни и во всѣхъ земляхъ ему подвластныхъ. Купріянъ угождалъ Витовту, часто посѣщалъ Кіевъ, радѣлъ о западной своей паствѣ и былъ любимъ и уважаемъ В. Княземъ Западной Руси 3). Иначе поступалъ преемникъ его Фотій (1409). Прямой, пламенный поборникъ Церкви не думалъ о Витовтѣ, жилъ постоянно въ Москвѣ, а юго-западную свою паству предоставилъ Намѣстникамъ. Въ умѣ Витовта давно созрѣла мысль, согласовавшаяся съ его политическими идеями и стремленіями. Видя невозможность сліянія Восточной Россіи съ Западною Русью, онъ захотѣлъ имѣть собственную подпору въ Митрополитѣ, въ его сильной власти надъ народомъ. Митрополитъ владѣлъ обширными помѣстьями въ юзо-западномъ краѣ; доходы съ нихъ и церковные сборы шли въ Митрополичью Московскую казну. Думая образовать отдѣльное Государство, онъ чувствовалъ необходимость имѣть Митрополитомъ че-

---

1) Витовтъ охотно исполнялъ всѣ обряды вѣры, но въ богословскихъ спорахъ, для которыхъ приглашалъ къ себѣ ученыхъ, охотно ихъ слушая и иногда принимая самъ участіе, всегда оказывалъ нѣкоторое сомнѣніе о будущей жизни; такъ сильны были въ немъ языческія понятія, полученныя въ младенчествѣ. Передъ смертію же убѣжденный Епископомъ Матвѣемъ рѣшительно отказался отъ этого невѣрія и раскаялся въ немъ. Нарбуттъ 6, 549.

2) См. въ концѣ статьи указаніе границъ его Государства.

3) Купріянъ умеръ въ 1406.

ловѣка, вполнѣ себѣ преданнаго и невыпускать значительныхъ суммъ изъ предѣловъ своего Государства.

Витовтъ заставилъ Епископовъ своихъ епархій представить себѣ донесеніе на Фотія. Донесеніе это Епископовъ Черниговскаго, Полоцкаго, Луцкаго, Владимирскаго, Галичскаго, Смоленскаго, Холмскаго, Червенскаго и Туровскаго (1414) заключало жалобу на Фотія въ томъ, что онъ не радѣетъ о паствѣ, не посѣщаетъ ея, собираетъ доходы въ чужую землю и много еще другихъ притязаній, истинныхъ или вымышленныхъ. Витовтъ согласился съ обвиненіемъ и отнялъ всѣ помѣстья Фотія. Послѣдній, узнавъ о происходящемъ и получивъ самъ письмо отъ тѣхъ же Епископовъ, вѣроятно, тоже по приказанію Витовта, въ которомъ они писали Фотію: „*многа чинишъ не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ*; *и мы по правиламъ терпѣхомъ, яко своего Митрополита и ждахомъ твое исправленіе: егда же слышахомъ о тебѣ истинно увѣрени быхомъ о нѣкоторой вещи* (?) 1), *яже нетокмо есть не по правиламъ, но и подъ изверженіемъ и подъ проклятіемъ, яже и самъ, свою съвѣсть, испытавъ, познаеши. Мы бо ту не пишемъ, не хотяще посрамити тя; глаголемъ же къ тобѣ, яко не имамы тя епископа по правиламъ*" 2)— поспѣшилъ въ Смоленскъ и оттуда писалъ къ Витовту въ Гродно; но Витовтъ былъ неколебимъ. Онъ велѣлъ своимъ Епископамъ избрать новаго Митрополита Кіеву, Волыни и всей Литовской Руси. Епископы испугались и отвѣчали, что не имѣютъ на то права. Тогда Витовтъ отправилъ въ Царьградъ избраннаго имъ самимъ Монаха Григорія Семивлаха или Цемблака, послалъ черезъ него донесеніе Епископовъ на Фотія и просилъ Греческаго Патріарха удостоить сего Монаха сана Митрополита. Патріархъ отвѣчалъ, что Фотій есть *Митрополитъ Литвы и Руси*. Витовта и это не остановило. Онъ собралъ Соборъ всѣхъ своихъ Епископовъ и другихъ Духовныхъ въ Новогрудкѣ (15 Ноября 1415 г.). Епископы заключили: „*Онъ же* (*Витовтъ*) *съ нами съвѣтовася, истинно и праведно, яко правый истинный великій Князь; и собра вси Князя Литовскыхъ и Русскыхъ Земель и иныхъ странъ, елико суть ему покорени Богомъ, нашеа Церкве, и бояръ и вельможъ, архимандрыты же и игумени и благовѣйные инокы, и попы. И сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею, и нашимъ избраніемъ и хотѣніемъ, снедшеся въ Новѣмъ-граду Литовскомъ, въ святѣй церкви Пречистыя Богородица, по благодати даннѣй намъ отъ святаго Духа поставихомъ Митрополитомъ святѣй нашей церкви Кіевской и всеи Руси, Именемъ Григорія*" 3). Въ тоже время издалъ Витовтъ Окружную Грамоту объ отдѣленіи Кіевской

---

1) Эта *нѣкоторая вещь*— вѣрно выдумка. Епископы писали черезъ-чуръ откровенно, и потому не молчали бы, если бы могли что-нибудь сказать.

2) Акты, изд. Арх. Ком. Т. I. N. 23, 33.

3) Акты, изд. Арх. Ком. Т. I., N. 24, 33.

Митрополіи отъ Московской, и о поставленіи въ санъ Кіевскаго Митрополита Григорія Цемблака, въ которой между прочимъ говоритъ: „*Но мы хотячи, штобы ваша вѣра не меншала, ни угыбала, и Церквамъ вашимъ бы строеніе было, учинили есмо такъ Митрополита, зборомъ, на Кіевскую Митрополію, штобы Русская честь вся стояла на своей земли*"— и далѣе..... „*Мы учинили, штобы пространнѣе Митрополитъ сѣдѣлъ на своемъ столѣ, въ Кіевѣ, какъ то пошло изъ давна; за неже то было не давно ся учинило, што почали Митрополиты жити на Москвѣ, а издѣ церковь Кіевская Митрополья схудѣла и пуста учинилася*" 1).

Епископы на Соборѣ клялись, что избраніемъ Митрополита, утверждаясь на правилахъ Св. Апостоловъ, на избраніи Митрополита Климента при Изяславѣ, не отвергаются отъ Православія и отъ покорности Вселенскимъ Патріархамъ. Новый Митрополитъ отличался глубокимъ умомъ, ревностію къ Православію. Мѣстопребываніемъ его назначены Кіевъ, Новогрудокъ и Вильно; но какъ онъ, такъ и его преемники большею частію жили въ Вильнѣ, гдѣ былъ особый Митрополитальный дворецъ и храмъ Пресвятыя Богородицы сталъ Митрополитальнымъ 2). Такимъ образомъ произошло раздѣленіе Митрополіи *на Восточную или Московскую, и Западную или Кіевскую.* Григорій не только не препятствовалъ планамъ и намѣреніямъ Витовта, но напротивъ былъ ревностнымъ его помощникомъ и другомъ до самой кончины, послѣдовавшей въ 1419 году (отъ моровой язвы). Фотій, вслѣдствіе дружественныхъ и родственныхъ сношеній Витовта съ внукомъ его Василіемъ Василіевичемъ Темнымъ, помирился съ Витовтомъ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Литву, но вліяніе его на дѣла Витовта исчезло и раздѣленіе Митрополіи не престало существовать, а послѣ смерти Витовта, съ 1474 года, начинается постоянный рядъ Митрополитовъ Кіевскихъ 3).

VI.

Мы видѣли, въ какомъ положеніи Витовтъ засталъ Литву. Видѣли, чего добивался онъ долголѣтнимъ правленіемъ. Вглянемъ теперь, до чего онъ довелъ свою страну и достигъ ли предположенной цѣли.

Предѣлы его Государства были отъ Балтійскаго до Чернаго моря; отъ Буга до Бѣлаго моря 4). Враждебные Рыцари, погромленные подъ

1) Тамъ же N. 25.

2) Ист. Рус. Церкви Е. Р. Ф. III., 1—9. Словарь Ист. I., 99. *Карамзинъ*, V. (изд. 1842), 133 и прим. 238. *Полевой*, V. 254.

3) Первый, послѣ Григорія былъ Мисаилъ (изъ рода Князей Петруцкихъ). Онъ именовался Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси.

4) Во владѣніи Витовта состояло 14 нынѣшнихъ губерній: 1, Виленская, 2, Ковенская, 3, Гродненская, 4, Минская, 5, Могилевская, 6, Витебская, 7, Кіевская, 8, Черниговская, 9, Екатеринославская, 10, Херсонская, 11, Подольская, 12, Во-

Грунвальденомъ и обязанные своимъ существованіемъ единственно Витовту, притихли, искали дружбы его и были въ постоянныхъ связяхъ, содѣйствуя ему къ достиженію его цѣли. Умная политика Витовта произвела то, что Моголы считали его своимъ посредникомъ въ дѣлахъ наслѣдственныхъ, и не одна ханская шапка была надѣта волею Витовта. Гордые Новгородъ и Псковъ кланялись и платили дань. Отказавшись отъ идеи слiянія Восточной Россіи съ Западною, Витовтъ искренно любилъ своего внука Василія и сохранялъ съ нимъ самыя дружественныя сношенія. Князья Рязанскій и Тверской называли Витовта своимъ *Господиномъ и Осподаремъ*. Стремленія Витовта къ единовластію увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Папа въ знакъ своего благоволенія сдѣлалъ его Опекуномъ Архіепископства Рижскаго. Императоръ Сигизмундъ искалъ дружбы Витовта. Богемія проситъ отъ него, какъ милости, быть ея Королемъ. Вся Европа уважаетъ Витовта. Внутри,— строго соблюдается правосудіе, низшія сословія ограждены отъ притѣсненій сословій высшихъ. Воинская дисциплина сохраняетъ порядокъ, покорность. Торговля процвѣтаетъ. Земледѣліе расширило свой кругъ и снабжаетъ хлѣбомъ Балтійскіе и Черноморскіе порты. Города, съ Магдебургскими законами, благоденствуютъ. Переселенцы и иноземцы, Татары, Караимы, Евреи, Нѣмцы пользуются вѣротерпимостію и правами гражданства. Католики съ Православными живутъ дружно, строятъ и украшаютъ свои храмы и возносятъ моленія къ Царю Царей за низпосланное благоденствіе. Православные женятся на католичкахъ, католички выходятъ за православныхъ. Между ними братство, дружба; они и знать не хотятъ о законѣ Ягайлы, заставлявшемъ православныхъ принимать католическую вѣру при вступленіи въ бракъ съ католиками 1). Край сталъ могучъ, обширенъ, богатъ. А Витовтъ?— Ему было 84 года! (1429). Онъ видѣлъ осуществленіе своихъ идей, достигъ давно желанной цѣли; еще только одинъ шагъ и онъ спокойно могъ лечь въ могилу. Какими путями достигъ всего этого Витовтъ? Много полей оросилось кровію соотчичей, много было измѣнъ и коварства, но за то путь совершенъ, цѣль достигнута; чтобы упрочить благоденствіе края и обезопасить будущую его самостоятельность, оставалось только возложить Королевскій вѣнецъ, уже столь близкій къ нему, и передать оный имъ же избранному наслѣднику. Витовтъ былъ бодръ и крѣпокъ и вѣрно надѣялся еще жить долго; но въ постоянномъ своемъ попеченіи, онъ, не имѣя сыновей, воспитывалъ при себѣ въ Вильнѣ Фридерика, сына Фридерика Маркграфа Бранденбургскаго, готовя ему престолъ Литовской Руси 2).

лынская, 13, Смоленская и 14, Августовская (въ Царствѣ Польскомъ). Нарбуттъ. VI., 566.

1) 1387 г. См. мою статью *Хрон. пок. дост. Соб. Отеч. Ист.* стр. 33.

2) По стараніямъ Витовта, Ягайло, не смотря на сопротивленіе супруги своей, выдалъ за него дочь свою Ядвигу. Фридерикъ былъ достойнымъ ученикомъ славнаго Витовта.

Ягайло былъ старъ, слабъ, и еще болѣе прежняго нерѣшителенъ. Какъ природный Литовецъ, онъ не могъ не радоваться благоденствію Литвы и Руси, почти ежегодно пріѣзжалъ въ гости къ Витовту и искренно любилъ и уважалъ его. Но Польскіе дипломаты иначе думали. Чѣмъ болѣе возрастало могущество Витовта, тѣмъ болѣе они страшились его и напрягали всѣ силы, чтобы упрочить союзъ Литвы съ Польшею. На основаніи Городельскаго договора (1413) 1), коимъ Литва сдѣлана союзницею Польши, если бы Витовтъ умеръ безъ потомства, Литовцы не смѣли выбирать себѣ Князя безъ воли Ягайлы и Польскихъ вельможъ. Наоборотъ и Поляки, въ случаѣ такой же смерти Короля, не смѣли избирать себѣ Короля безъ воли Витовта. Но съ того времени обстоятельства совершенно измѣнились; Витовтъ не охотно, но долженъ былъ тогда согласиться на это соединеніе и условія о престолонаслѣдіи; ибо для блага страны онъ находилъ нужнымъ держаться Польши до времени, пока ударитъ часъ. Торопиться нельзя было, онъ выжидалъ, и, дѣйствуя дружно съ Поляками, сначала стремился удалить многія другія причины, препятствовавшія окончательному образованію самостоятельнаго, совершенно независимаго Государства. И вотъ всѣ препятствія устранены, урочный часъ ударилъ, но на старости лѣтъ ему не хотѣлось войны съ братомъ и другомъ дѣтства. Онъ хотѣлъ довести дѣло до того, чтобы Поляки сами согласились вѣнчать его. Препятствій не было. Самъ Папа былъ согласенъ. Сигизмундъ и Рыцари давно объ этомъ думали и содѣйствовали Витовту; оставалось только преодолѣть упорство Польскихъ дипломатовъ.

Окончательные переговоры объ этомъ назначены были въ Луцкѣ въ 1429 году. На Крещенье съѣхались въ Луцкѣ внукъ Витовта, В. Кн. Московскій Василій Василіевичъ; племянникъ его Борисъ Князь Тверской; Олегъ Князь Рязанскій; Князья Одоевскіе; Король Ягайло съ супругою и Князьями Мазовецкими, Лигницкими, Брестскими, Поморскими; Эрикъ Король Датскій; Ханы Могольскіе Перекопской, Придонской и Приволжской ордѣ; Илья, Господарь Волошскій; Андрей Доминиканецъ, Легатъ Папы; Митрополитъ Московскій Фотій; Послы Императора Греческаго Іоанна Палеолога; В. Магистръ Ливонскаго ордена Сигфридъ (Siegfried); Посолъ отъ В. Магистра Тевтонскаго ордена. Послѣдній пріѣхалъ Императоръ Римскій Сигизмундъ съ супругою своею Варварою, окруженный Нѣмецкими, Венгерскими, Богемскими, Кроатскими и Рагузскими Герцогами, Князьями и Графами. Видите ли какое собралось общество? Чтожъ оно доказываетъ? Развѣ не желали эти представители всего могущества Европы видѣть коронованнымъ Витовта?

Онъ управлялъ Брандебургіей съ 1440—1471, и получилъ прозваніе Желѣзнаго. Подобно учителю своему, онъ громилъ своихъ буйныхъ вассаловъ и разрушалъ ихъ замки, нарочно для сего сдѣланною пушкою, которая величиною своею удивляла всю Европу.

1) Burzyński, Zeb. Ws. Sey y Pr. Pol. стр. 12. (1765).

Они желали; но не желали Польскіе чины: Олесницкій, Ястржембецъ-Архіепископъ Гнѣзненскій, Михаловскіе, Остророги, Шамотульскіе и другіе, пріѣхавшіе съ Ягайлой, и съ тою же горячностію, какъ Витовтъ желалъ короны, умѣвшіе политикою отклонить совершеніе погубнаго для Польши отторженія Литвы.

Гостепріимный хозяинъ принималъ Царственныхъ гостей своихъ достойнымъ образомъ съ восточною пышностію. Лѣтописцы единогласно пишутъ, что ежедневно на угощеніе употреблялось по 700 бочекъ вина, меду, пива, романеи, мальвазіи, по 700 быковъ и коровъ, по 1,400 барановъ, по 100 лосей, по 100 зубровъ, по 100 кабановъ. И такой пиръ продолжался ровно 7 недѣль! Такая же пышность и великолѣпіе являлись во всемъ, въ убранствѣ дворцовыхъ покоевъ, въ украшеніи столовъ, едва удерживавшихъ пудовые сосуды изъ чистаго серебра и золота. Заранѣе придуманы были разныя увеселенія, игры, пляски, охота съ соколами и собаками. Были и домашніе шуты, по обычаю того времени, изъ коихъ, какъ о самомъ замѣчательномъ, упоминаютъ о какомъ то Генне. Изъ числа дипломатовъ Польскихъ, пріѣхавшихъ съ Ягайлой, главными противниками Витовта, горячо преданными своей роднпѣ, являются Олесницкій и Тарновскій, особенно первый, который еще въ сраженіи подъ Таненбергеномъ спасъ жизнь Ягайлѣ, когда на него напалъ отрядъ Рыцарей, потомъ, возведенный въ достоинство Краковскаго Епископа, имѣлъ сильное на него вліяніе и неразъ грозилъ даже слабому и набожному Королю анаѳемой. Императоръ Сигизмундъ съ супругою своею первые стали упрашивать Ягайлу о согласіи на коронованіе Витовта. Ягайло отвѣчалъ, что онъ безъ рѣшенія Польскихъ Чиновъ ни на что не рѣшится. Чины собрались, долго разсуждали и кончили тѣмъ, что предпріятіе Витовта невозможно исполнить, что Польша всѣми силами должна сохранять союзъ съ Литвою. Когда вошелъ Витовтъ, Олесницкій произнесъ ему рѣчь, заключивъ ее слѣдующими словами: „*Годы и слава должны были насытить Тебя, Князь! Ты уже сталъ выше всякаго земнаго величія и потому долженъ помнить клятву, соединяющую Тебя съ Польшею.*" Витовтъ разгнѣвался и объявилъ, что онъ и безъ ихъ согласія отдѣлитъ Литву отъ Польши. Обиженные Чины въ туже ночь разъѣхались, не откланявшись даже Витовту, а Олесницкій заставилъ Ягайлу тотчасъ же уѣхать изъ Луцка. Витовтъ рѣшился дѣйствовать скрытно противъ Польши. Онъ отправилъ пословъ къ Папѣ, условился съ вѣнценосными своими гостями, получилъ ихъ обѣщаніе къ содѣйствію и простился.

Олесницкій пришелъ въ ужасъ. Онъ самъ отправился къ Витовту умаливать его отказаться отъ намѣренія, но возвратился ни съ чѣмъ. Тогда Ягайло прислалъ объявить Витовту, *что онъ уступаетъ ему корону Польши* 1). Но Витовтъ, горячо любя свое собственное отечество, отвергъ предложеніе и не принялъ Польской короны.

---

1) Справедливо замѣчаетъ знаменитый историкъ Литвы Крашевскій (стр. 357), что вѣ-

Не лучшее ли это доказательство, что Витовтъ не о себѣ думалъ, былъ не честолюбцемъ, но отцемъ народа?

Новый съѣздъ назначенъ былъ въ 1430 году въ Трокахъ. Всѣ прежніе гости пріѣхали снова. Прибылъ и Ягайло съ многочисленнымъ дворомъ. Таже пышность, тотъ же блескъ, такой же радушный пріемъ. Все было готово къ вѣнчанію. Ждали только Сигизмунда съ вѣнцомъ. Не знаемъ, что воспрепятствовало ему самому пріѣхать, но онъ отправилъ вѣнецъ, сдѣланный въ Венгріи, чрезъ своихъ пословъ. Гости въ ожиданіи вѣнца пировали. Олесницкій употребилъ новую, послѣднюю хитрость: *„и Ляхове нежичивши коруны Литве, и коруну въ нихъ* (*пословъ Сигизмунда*) *тую отняли, и розсѣкши ее на полы, и приложили ко коруне Бискупа Краковскаго, которая и теперь при Замку Краковскомъ и Костелѣ Св. Станислава ѣстъ* 1). Однимъ словомъ Олесницкій успѣлъ перехватить посланный Сигизмундомъ вѣнецъ.

Эта новая хитрость была неожиданнымъ ударомъ для Витовта. 86 лѣтній старецъ не выдержалъ въ этотъ разъ— онъ сильно занемогъ и 27 Октября 1430 года скончался въ Трокахъ. Послѣднее слово его было: „родина!" Послѣдняя просьба къ Ягайлѣ *не нарушать уставовъ Литвы и Руси.* Ложе умирающаго окружали супруга его Іуліанія, внукъ его Василій, Ягайло, Митрополитъ Фотій и многіе изъ остававшихся еще гостей. Торжественное погребеніе его праха въ Виленскомъ Каѳедральномъ Соборѣ Св. Станислава произошло 7 Ноября.

Кончинѣ этого великаго человѣка, по преданію, предшествовали необыкновенныя явленія. Народъ вѣрилъ, что вода въ Трокскомъ озерѣ въ теченіи семи дней была кроваваго цвѣта, что въ окрестностяхъ Смоленска появился страшный волкъ, безъ шкуры, пожиравшій людей, на Жмуди падалъ каменный градъ, въ Бресть-Литовскѣ было землетрясеніе, около Трокъ появилось какое то чудовище, также истреблявшее людей. Это народное преданіе говоритъ громче исторіи, какъ Литва понимала и цѣнила Витовта. Провидѣнію не угодно было продлить дни Витовта, чтобы утвердить рѣшительную самобытность Литвы. Пути Его неисповѣдимы!

День кончины Витовта былъ послѣднимъ днемъ могущества и славы самостоятельной Литовской Руси.

VII.

Витовтъ былъ средняго росту, крѣпкаго тѣлосложенія. Въ послѣдніе годы жизни не много растолстѣлъ. Бороды и усовъ не носилъ.

Отличался необыкновенною трезвостію и умѣренностію въ пищѣ. Ничего не пилъ, кромѣ воды. Шумныхъ пиршествъ не любилъ. Гну-

---

роятно, сами Сенаторы Польскіе посовѣтовали это Ягайлѣ, надѣясь примирить такимъ образомъ обѣ стороны.

1) Литовская Хроника, изд. Нарбуттомъ Стр. 44.

шался пьяными и къ людямъ, преданнымъ пьянству, не имѣлъ никакого довѣрія. Вставалъ очень рано. Обѣдалъ въ 3 часа, а въ послѣобѣденное время, до сумерокъ окружалъ себя придворными, слушалъ музыку, пѣніе, иногда богословскія пренія, въ которыхъ не рѣдко и самъ принималъ участіе; но эти развлеченія были не продолжительны: вечеромъ опять воцарялось мертвое молчаніе. За столомъ, во дворцѣ, на охотѣ, всегда и вездѣ занимался дѣлами. Купцы, съ которыми онъ для поощренія торговли входилъ въ компанію, воины, земледѣльцы, всякаго званія и состоянія люди имѣли къ нему всегда свободный доступъ. Онъ ихъ выслушивалъ и тотчасъ же чинилъ расправу. На предпріятія онъ былъ не скоръ, но ежели рѣшался, дѣйствовалъ съ настойчивостію, не зналъ ни сна, ни отдыха, пока не осуществилъ преднамѣренія. Каждую Субботу посвящалъ исключительно заграничной весьма обширной корреспонденціи.

Витовтъ зналъ въ совершенствѣ языки Литовскій, Славянскій, Русскій, Латинскій и Нѣмецкій. Придворный и правительственный языкъ былъ Русскій, но въ домашнемъ быту съ братьями, родственниками, даже съ Королемъ Ягайлой говорилъ не иначе, какъ по Литовски 1).

Какъ семьянинъ, Витовтъ является примѣрнымъ сыномъ, мужемъ, отцемъ. Какъ человѣкъ, былъ вѣрнымъ другомъ, щедрымъ для неимущихъ, сострадательнымъ для плѣнныхъ и всѣхъ переселенцевъ. Какъ правитель, славнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ ему Государей въ Сѣв. Европѣ, умѣлъ повелѣвать народами и князьями, награждать и наказывать. Сострадания не вѣдалъ, когда надобно было карать для пользы общественной. Къ небольшимъ проступкамъ былъ строгъ не менѣе; но не забывалъ о подвергшихся наказанію и коль скоро замѣчалъ исправленіе, тотчасъ прощалъ. Твердость характера его до конца жизни поразительная! Никто и ничто не могли перемѣнить желѣзной воли этого человѣка.

Современные лѣтописцы отыскиваютъ одну только въ немъ слабость— излишнюю привязанность къ женщинамъ.

У Витовта было три супруги: Марія-Прасковья, дочь Князя Лукомскаго и Стародубскаго, Анна Святославовна, Княжна Смоленская и Іуліянія (пережившая его), Княжна Ольшанская. Не знаемъ, отъ пер-

---

1) Въ послѣднее время нѣкоторые писатели стараются доказать, будто въ Литвѣ въ XIV вѣкѣ уже почти не существовалъ Литовскій языкъ. Какими же судьбами языкъ этотъ возникъ въ наше время? Безспорно Руccкій языкъ, какъ правительственный и придворный, разными путями проникалъ и въ хижины Литовцевъ, и преимущественно путемъ торговли съ Княжествами Руси; Литовскаго же языка не стѣснялъ и не старался уничтожать ни одинъ изъ Великихъ Князей Литовской Руси за исключеніемъ развѣ Скиригайло; но его правленіе было не продолжительно. Нынѣ въ одной Виленской губерніи говоритъ по Литовски 388,697 человѣкъ обоего пола, а вообще Литовскаго племени, говорящаго природнымъ языкомъ, вмѣстѣ съ Жмудинами и Лотышами, Булгаринъ считаетъ до 2,000,000 *).

*) Россія, I., 299 (Статистика)

вой или второй супруги родилась дочь его Анастасія-Софія, Вел. Княгиня Московская. Отъ второй супруги Анны были еще два сына Иванъ и Юрій, остававшіеся нѣкоторое время заложниками у Рыцарей и отравленные ими въ Кенигсбергѣ. Была еще дочь, по имени Рака 1), супруга Литовскаго вельможи Кормульта.

Анна была примѣромъ кротости и добродѣтели. Память ея существуетъ до сихъ поръ въ Вильнѣ въ прекрасномъ и единственномъ готическомъ Костелѣ, сооруженномъ ею во имя Св. Анны. Она умерла 1 Августа 1418 года въ Трокахъ, похоронена въ Виленскомъ каѳедральномъ Соборѣ Св. Станислава, другіе же думаютъ, что въ Костелѣ Св. Анны; но памятника нынѣ нигдѣ нѣтъ. Іуліанія умерла въ 1448 году, 70 лѣтъ, въ Домбровицахъ подъ Львовомъ, похоронена въ Вильнѣ въ Костелѣ Св. Анны. В. Кн. Москов. Анастасія-Софія скончалась въ Москвѣ въ глубокой старости.

По лѣвой рукѣ Виньетки представленъ портретъ Витовта.

1) Рака— Литовское имя. Кормультъ— предокъ рода Володковичей.

ВАРВАРА, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЛИТОВСКАЯ И КОРОЛЕВА ПОЛЬСКАЯ.

(Переводъ съ польскаго).

(*Статья Л. Кондратовича*) 1).

Проходя съ Антоколя (въ Вильнѣ) по вновь устроенной набережной къ Зеленому мосту, мимо дома и склада дровъ Князя Витгенштейна, вы встрѣтите на самомъ берегу Виліи на супротивъ острова, называемаго Лебединымъ, слѣды развалинъ и небольшую башню изъ краснаго кирпича, носящую явственные слѣды архитектуры XV вѣка. Отсюда удивленнымъ взорамъ вашимъ представится очаровательное зрѣлище: Антокольскіе холмы, вдали сосновый лѣсъ, великолѣпныя палаты Слушковъ, храмы, кладбище за рѣкою, а на лѣво величавый Зеленый мостъ и среди всего этого изгибающаяся голубою лентою Вилія— образуютъ волшебную панораму, ласкающую взоръ и освѣжающую воображеніе. Вы спросите, что это за дивная башня?— Первый старый рыбакъ, котораго встрѣтите на берегу, скажетъ вамъ, что онъ помнитъ какъ на этомъ мѣстѣ стояли высокія стѣны великолѣпныхъ палатъ окончательно разрушенныхъ лѣтъ за сорокъ предъ симъ, изъ обрушеннаго кирпича которыхъ воздвигнутъ домъ Коссобудскихъ, за Острою-брамою, а прохожій Виленскій старожилъ объяснитъ вамъ, что это были палаты Варвары, урожденной Княжны Радзивиллъ, супруги Сигизмунда-Августа. Вотъ всѣ воспоминанія, которыя остались въ Вильнѣ объ этой прекрасной и несчастной Королевѣ Польской и Великой Княгинѣ Литвы и Руси,

1) Лудовикъ Кондратовичъ, не смотря на свои юные годы, какъ поэтъ пользуется громкою извѣстностію, въ Польской Литературѣ, подъ псевдонимомъ *Владислава Сырокомли.* Подъ собственнымъ же именемъ, какъ Авторъ Исторіи Польской Литературы, онъ снискалъ славу глубокаго, ученаго и точнаго изслѣдователя древностей, а притомъ Исторія эта написана такимъ прекраснымъ языкомъ, что доступна всѣмъ и каждому.

исторія жизни которой, трогательнѣе, быть можетъ, нежели исторіи прославленныхъ коронованныхъ страдалицъ Анны Боленъ, Іоанны Грей, или Маріи Стюартъ. Судьба ея, кажется, заслуживаетъ того, чтобы мы познакомили съ нею читателей этой книжки, посвященной воспоминаніямъ изъ исторіи и древностей здѣшняго края. Варвара нѣсколько разъ была предметомъ вдохновенныхъ пѣсень поэтовъ и разсказовъ романистовъ 1); но мы ограничимся только изложеніемъ фактовъ извлеченныхъ изъ хроникъ и частной переписки Королевы, сохранившейся до сихъ поръ въ Несвижскомъ архивѣ.

Знаменитъ и древенъ былъ въ то время родъ Радзивилловъ, изъ котораго происходила Варвара; отецъ ея, Князь Юрій Радзивиллъ, владѣлецъ Биржъ и Дубинокъ, былъ Виленскимъ Кастеляномъ и потому занималъ второе мѣсто въ Литовскомъ Сенатѣ; кромѣ того, онъ былъ Гетманомъ, т. е. главнымъ предводителемъ Литовскихъ войскъ. Побѣдами же и мужествомъ въ тридцати сраженіяхъ онъ снискалъ славу отличнаго Полководца. Всякій разъ когда пріѣзжалъ въ Вильно, онъ останавливался въ палатахъ, о развалинахъ коихъ, мы сказали выше. Здѣсь, во время многочисленныхъ собраній, въ первый разъ въ 1538 году, явилась изумленному Двору и лучшему Виленскому обществу прекрасная, семнадцати-лѣтняя дѣвушка, блистательно для своего вѣка воспитанная 2), первая въ Литвѣ невѣста, какъ по богатству, такъ и по вліянію и связямъ ея родителей. Хороша ли она была собою?—пусть разрѣшитъ представляемый здѣсь 3) портретъ ея, снятый съ современнаго портрета, находящагося еще и теперь въ Несвижскомъ замкѣ, съ точностію, какую только позволялъ малый размѣръ. Въ очахъ, въ устахъ и во всемъ обликѣ Варвары разлита какая то сладость; высокое чело, орлиный носъ, продолговатое лице запечатлѣны думою возвышенныхъ чувствъ и рѣшимости. На этомъ благородномъ, прекрасномъ лицѣ, вы видите отблескъ тѣхъ страданій, которыми судьба устлала весь путь ея жизни.

Изъ числа многихъ искателей руки молодой Варвары родители предпочли стараго Графа Станислава Гаштольда, Воеводу Новогрудскаго, мужа, которому происхожденіе и званіе давали право породниться съ знатнымъ домомъ Радзивилловъ.

Въ то время, когда воля родителей имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу дѣтей, когда брачные союзы, особенно между вельможами, заключались вслѣдствіе фамильныхъ расчетовъ, супружество это, можетъ

1) Польскіе поэты Фелинскій, Венжикъ, Магнушевскій написали трагедіи подъ заглавіемъ „Варвара Радзивиллъ." Брониковскій написалъ по нѣмецки романъ подъ заглавіемъ „Ипполитъ Боратынскій." Мы, при составленіи настоящаго очерка, извлекали свѣдѣнія изъ отличнаго сочиненія Михаила Балинскаго п. з. Pamiętniki o Królowej Barbarze и, изъ современныхъ хроникъ.

2) Honestissime pro splendore familiae suae educata. Рысинскій.

3) На правой сторонѣ виньетки. Мы видѣли подлинный портретъ и потому можемъ ручаться за сходство.

быть неудивляло своею несообразностію, но вспомнивъ юные годы Варвары легко предположить, что въ то время, когда она отдавала руку мастистому Воеводѣ, сердце ея не знало еще любви. Этому чувству, суждено было, въ пылкой ея душѣ, развиться въ послѣдствіи и занять важную страницу въ исторіи того вѣка. Въ томъ же году, т. е. въ 1538, Гаштольдъ сочетавшись бракомъ съ Варварою, увезъ ее въ свой замокъ Геранопы (въ 63 верстахъ отъ Вильны). Еще и теперь видны тамъ развалины древняго замка, въ стѣнахъ котораго, провела нѣсколько грустныхъ лѣтъ молодая жена Гаштольда; грустныхъ, ибо могла-ли быть иною жизнь ея въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, съ мужемъ, котораго она могла уважать, но не любить. Эта грусть скоро излилась слезами: въ 1541 году скончался отецъ ея Юрій Радзивиллъ, а въ слѣдующемъ году сошелъ въ могилу и мужъ ея Станиславъ Гаштольдъ. Въ траурной одеждѣ по отцѣ, и черномъ чепцѣ, какой по тогдашнему обыкновенію, надѣвали всѣ вдовы, Варвара, послѣ четырехъ-лѣтняго бездѣтнаго замужства возвратилась въ Вильно подъ материнскій кровъ и жила въ тѣхъ же палатахъ.

Вильно въ то время кипѣло жизнію и сіяло блескомъ. Сигизмундъ Августъ еще при жизни своего отца учавствовавшій въ его правленіи съ титуломъ Младшаго Короля (rex iunior) и занимавшійся преимущественно дѣлами Литвы, жилъ здѣсь постоянно вмѣстѣ съ своею супругою Елисаветою, дочерью Фердинанда, Императора Римскаго. Сигизмундъ-Августъ, получивъ воспитаніе при изнѣженномъ дворѣ своей матери Боны, любилъ великолѣпіе и увеселенія; Елисавета, по свидѣтельству современниковъ, славилась своими прелестями и добротою; вся лучшая молодежъ изъ Литвы и Польши на перерывъ добивалась чести бывать при Дворѣ, гдѣ постоянно бывали пиры, вечера, маскарады, въ которыхъ принималъ участіе и Сигизмундъ Августъ 1) и гдѣ издерживали на содержаніе еженедѣльно 1,000 тогдашнихъ флореновъ (около 1,800 руб. серебр.) 2).

Молодая вдова Гаштольдъ по окончаніи траура стала являться на Королевскихъ покояхъ, куда давали ей свободный входъ— ея знатный родъ, красота, воспитаніе и вліяніе, которыми пользовались ея родной братъ Николай, прозванный Рыжимъ, и двоюродный Николай, прозванный Чернымъ, *Радзивиллы*, первые сановники Литвы и любимцы Сигизмунда-Августа. Здѣсь молодой Монархъ, въ первые увидалъ Варвару. Здѣсь произвела она на него столь сильное впечатлѣніе, что оно не изгладилось до конца жизни.

„Глаза всѣхъ— пишетъ одинъ современникъ— обращены были на Си-„гизмунда-Августа, всѣ предсказывали ему многіе годы счастія и ра-„достей, но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Королева Елисавета, „своею кротостію, человѣколюбіемъ и прекрасными качествами души,

---

1) См. *Orzechowski Fidelis subditus*.
2) См. Niemcewiez Pam. o daw. Polsce T. I. str 37.

„снискавшая общую любовь и уваженіе подданныхъ, къ общему сожа-„лѣнію, похищена была смертію (въ Январѣ 1545 г.). Время и дѣла го-„сударственныя, которыми Король лично занимался въ Литвѣ, облегчи-„ли печаль, которой онъ предавался по утратѣ любимой своей супру-„ги. И когда Король, побуждаемый молодостью, чтобы разсѣять свою „грусть, предался снова увеселеніямъ, охотѣ и другимъ удовольстві-„ямъ того времени, прекрасная Варвара обворожила его, не только „своею наружностію, но и неизъяснимою сладостію и кротостію своего „характера."

Варвара не могла быть равнодушною къ вниманію Короля, почитавшагося тогда первымъ красавцемъ въ Литвѣ; она рада была видѣть его, когда онъ приходилъ въ палаты ея матери надъ Виліею, явно, или потаенной галлереей нарочно имъ устроенной отъ нижняго замка до палатъ Радзивилловъ.

Мать Варвары, женщина высокомѣрная, предвидя блестящую будущность своей дочери, не противилась влеченію сердецъ проникнутыхъ взаимною любовью; но оба брата ея, Николай Рыжій и Николай Черный, Радзивиллы, опасаясь дурныхъ послѣдствій, могущихъ запятнать ихъ знаменитый родъ, просили, чтобы Король прекратилъ свои посѣщенія. Влюбленный Сигизмундъ-Августъ обѣщалъ, но не сдержалъ слова. Тогда Радзивиллы, встрѣтясь съ нимъ у сестры, почтительно сказали 1): *„Милостивый Король, не мѣлъ еси до сестры нашее ходити, „а теперь для чего еси пришелъ?"* —*„А што вѣдаете"*— отвѣчалъ Король: —*„можетъ теперешнее пристье мое къ сестрѣ вашей учинитъ вамъ „большую славу и пожитокъ."*—

„Дай-то Боже!" отвѣчали Радзивиллы. И въ самомъ дѣлѣ позванъ былъ придворный Духовникъ и совершено вѣнчаніе Сигизмунда-Августа съ Варварою, съ такою тайною, что знали объ немъ только Радзивиллы и Станиславъ Кѣржгайло, супругъ Анны, сестры Варвары. Это произошло въ Сентябрѣ 1547 г. Такъ совершилась судьба Варвары и вотъ начало дней ея счастія и страданій.

Послѣ первыхъ двухъ медовыхъ мѣсяцевъ Сигизмунду-Августу надобно было ѣхать на сеймъ въ Піотрковъ, а молодая его супруга, чтобы укрыться отъ докучливаго любопытства, принуждена была уѣхать въ Дубинки, помѣстье Радзивилловъ, въ 49 верстахъ отъ Вильны. Пріютомъ Великой Княгини Литовской былъ мрачный, среди лѣсовъ, на высокой горѣ построенный замокъ, омываемый водами озера, снабженный всѣми удобствами жизни. Пеклись объ ней братья, а на случай частыхъ ихъ отлучекъ Станиславъ Довойна, Староста Мерецкій, воинъ, придворный, лѣкарь, льстивый шутъ; но человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, и совершенно преданный Королю и его супругѣ.

Пять мѣсяцевъ жила Варвара въ Дубинкахъ. Дни ею здѣсь про-

---

1) Литовская Лѣтопись въ запискахъ Нѣмцевича и у Балинскаго.

проведенные были самыми горькими минутами въ ея жизни. Уединенный высокій замокъ одѣтый лѣсистымъ мракомъ и окруженный тайною, превратился для нея въ монастырь, въ которомъ печальная Варвара въ монашескомъ платье Бернардинокъ, считала долгіе часы одинокой жизни молитвами, слезами, грустью.

Только заботливость супруга, который присылалъ къ ней гонцевъ изъ Кнышина, изъ Піотркова, изъ Сандомира и переписка съ заботливыми братьями вырывали ее изъ самозабвенія и нарушали грустное одиночество. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Дубинки, Варвара, истомленная дорогою, прежде временно разрѣшилась отъ бремени. Потомъ разрушилась часть замка въ Дубинкахъ, что чрезвычайно испугало Королеву, а Сигизмундъ-Августъ подозрѣвалъ въ этомъ умыселъ. Къ довершенію всѣхъ этихъ несчастныхъ случаевъ, ее удручали сплетни услужливыхъ женщинъ о мнимой невѣрности мужа. Наконецъ самая неизвѣстность будущности и тайна, которою былъ покрытъ бракъ ихъ, приводили ее въ тревожное состояніе и содержали между страхомъ и надеждою.

Между тѣмъ, уже пронеслась молва о супружествѣ молодаго Короля по цѣлому Государству и въ Піотрковѣ достигла стараго Короля. Онъ спрашивалъ сына, справедливы ли вѣсти объ его женитьбѣ? но Сигизмундъ-Августъ не желая, быть можетъ, отравлять послѣднія минуты жизни больнаго отца, опровергнулъ слухи. Мать его Бона-Сфорчія, женщина высокомѣрная, властолюбивая и корыстолюбивая, играла роль будтобы ничего объ этомъ незнаетъ. Сигизмундъ-Августъ рѣшившись во что бы нистало преодолѣть всѣ трудности, какихъ долженъ былъ ожидать со стороны своихъ родителей и народа, въ признаніи своего брака, старался расположить въ свою пользу подарками, Станислава Ляскаго, Воеводу Сѣрадскаго, вежливостію, Петра Кмиту, Маршала Короннаго, довѣреннаго Королевы Боны. Эти лица имѣли тогда сильное вліяніе на дѣла общественныя. Старый Гетманъ Иванъ Тарновскій, Самуилъ Мацѣевскій, Епископъ Краковскій и Андрей Зебржидовскій, Епископъ Куявскій преданные молодому Королю и посвященные въ его тайну, готовились быть его защитниками, когда буря разразится надъ его головою.

И въ самомъ дѣлѣ положеніе Сигизмунда-Августа, его супруги, Радзивилловъ, было самое щекотливое, не только въ отношеніи своего Царственнаго семейства, но и въ отношеніи цѣлаго Государства.

Сигизмундъ I-й не смотря на многія добродѣтели, коими отличался въ публичной и домашней жизни, заслуживалъ справедливаго упрека за излишнюю угодливость своей супругѣ Бонѣ, которая, само собою разумѣется, нехотѣла породниться съ женщиною не Царской крови, тогда, какъ еще недавно тронъ Королевскій раздѣляла съ ея сыномъ дочь Римскаго Императора. Хитрая Итальянка стремилась къ тому, чтобы и съ кончиною Сигизмунда I-го неутратить того вліянія, которое она имѣла въ продолженіи двадцати лѣтъ на Государство и Короля, а для этого, естественно, ей хотѣлось, чтобы супруга ея сына была ею самою выбрана и чтобы вполнѣ соотвѣтство-

вала ея видамъ. Вотъ почему Бона дала себѣ слово недопустить Варвару вступить на престолъ Ягеллоновъ. Сигизмундъ I-й, покорный ея волѣ и все Королевское семейство, могли-ли, послѣ этаго, согласиться на бракъ Сигизмунда-Августа съ своею подданною, бракъ, совершившійся безъ ихъ вѣдома и воли? Мнѣніе двора раздѣляла вся Польша; въ Литвѣ же, среднее и низшее сословія не могли нерадоваться этому браку; ибо онъ льстилъ ихъ народному самолюбію, и тѣснѣе связывалъ съ своимъ наслѣдственнымъ Государемъ, но Вельможи, считали себя глубоко оскорбленными и опасались послѣдствій; ибо Король, вступая въ родство съ Радзивиллами, и безъ того имѣвшими преимущества передъ другими, какъ по своему богатству, такъ значенію и личнымъ достоинствамъ, отличавшимъ въ особенности находившихся въ главѣ ихъ рода, Николая Чернаго и Николая Рыжаго, Радзивилловъ, теперь, давалъ имъ рѣшительный перевѣсъ передъ всѣми. Ходкевичи, Остыки, Глебовичи, соперники Радзивилловъ по знатности рода и богатству, трепетали, чтобы родство недоброжелательнаго имъ дома Радзивилловъ съ Королевскою фамиліею, не повлекло за собою ихъ униженія. Наконецъ магнаты и шляхта Польская, кромѣ этихъ причинъ, видѣли въ тайномъ бракѣ молодаго Короля нарушеніе нетолько коренныхъ законовъ и обычаевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и присяги данной Сигизмундомъ-Августомъ, когда онъ былъ допущенъ къ участію въ отцовскомъ правленіи, и заключавшейся, между прочемъ, въ томъ, что онъ безъ вѣдома Сената ни съ кѣмъ не вступитъ въ брачный союзъ. Однимъ словомъ, Бона опасалась встрѣтить въ супругѣ Сигизмунда-Августа преемницу своей власти, Литовская знать боялась перевѣса Радзивилловъ, Польша — преобладанія Литвы. Такимъ образомъ, при неопредѣленной еще молвѣ, что молодой Король тайно женился на Литовкѣ, по всюду, отъ однаго конца страны, до другаго, разнесся ропотъ неудовольствія, вызванный частными или политическими побужденіями, раздался грозный гулъ въ нѣдрахъ волкана, и каждая минута грозила страшнымъ изверженіемъ. И вся эта тревога поднялась изъ за одной молодой, любящей, истомленной горестью женщины, и вся эта буря готова была обрушиться на голову одной женщины.

Сигизмундъ-Августъ въ Піотрковѣ узналъ о готовящейся невзгодѣ; онъ понялъ, что ему прежде всего въ Литвѣ надобно успокоить умы, взволнованные недоброжелательными внушеніями вельможъ. Литва ему была дороже Польши. Онъ страстно любилъ ее, потому, что самъ былъ ея сыномъ и наслѣдственнымъ Монархомъ. Здѣсь онъ мечталъ положить свою голову, удрученную бурными дѣлами Рѣчи-посполитой. Онъ поспѣшилъ въ Вильно; но едва прибылъ сюда, какъ Литовскіе вельможи, стали осаждать его просьбами, увѣщаніями и даже двусмысленными угрозами, чтобы онъ расторгъ неприличный, по ихъ мнѣнію, бракъ. При такихъ обстоятельствахъ Варвара не могла пріѣхать въ Вильно. Находясь въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ своего супруга, бѣдная женщина не смѣла поспѣшить къ нему на встрѣчу, не смѣла привѣтствовать того, который былъ предметомъ самой пламенной ея любви.

Между тѣмъ, въ то самое время, когда Сигизмундъ-Августъ въ столицѣ Литвы слѣдилъ за настроеніемъ умовъ и откланялъ навязчивыя требованія вельможъ, изъ Кракова, скакалъ день и ночь курьеръ,— Подкоморій Рафаилъ Рокицкій (subicularius), съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Сигизмунда I-го, послѣдовавшей 1-го Апрѣля 1548 г.

Положеніе дѣлъ вдругъ совершенно измѣнилось: Сигизмундъ-Августъ сдѣлался независимымъ властителемъ и воли своей и двухъ могущественныхъ державъ.

Не смотря на то въ обоихъ этихъ государствахъ слишкомъ грозно бушевалъ ураганъ личныхъ выгодъ и не угомонныхъ страстей, и потому дѣла о своемъ бракосочетаніи Король немогъ считать еще конченнымъ.

Извѣстія о кончинѣ Сигизмунда I-го и о вступленіи въ бракъ Сигизмунда-Августа одновременно переходили изъ устъ въ уста. Между тѣмъ, 17 Апрѣля, Варвара пріѣхала въ Вильно изъ Дубинокъ. Сигизмундъ-Августъ торжественно представилъ Ее Литовскому Сенату, какъ законную свою супругу и Государыню Литвы и Польши.

Этотъ рѣшительный шагъ Короля усмирилъ ропотъ Литовскихъ вельможъ и водворилъ тишину. Литва смиренно почтила волю своего юнаго Государя и съ приличными почестями и благоговѣніемъ встрѣтила свою новую Монархиню; но въ Польшѣ супругу ея оставалось преодолѣть еще множество препятствій. Тамъ лукавая Бона, гордый Сенатъ и безпокоющееся о сохраненіи правъ своихъ дворянство, готовили юной четѣ горькую чашу, въ то время какъ Литва, гордясь своей прелестной Княгиней несла ей на алтарь сердца, исполненыя самыхъ искреннихъ чувствъ, и Нижній Виленскій замокъ обращенный въ великолѣпный дворецъ для новой Королевы, кипѣлъ уже новою жизнею и великолѣпіемъ. Сигизмундъ-Августъ опять уѣхалъ въ Краковъ.

Торжественные похороны покойнаго Короля и дѣла государственныя заняли первые дни пребыванія тамъ Сигизмунда-Августа. Облеченный величіемъ своей власти, подкрѣпляемый большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ Государствѣ Ивана Тарновскаго и дипломатическимъ умомъ Самуила Мацѣіовскаго, Король необращалъ вниманія на ропотъ своихъ недоброжелателей. Смѣлый и увѣренный въ своихъ силахъ, однихъ лаская, другихъ привлекая къ себѣ, иныхъ же стращая лишеніемъ маіоратовъ 1), онъ готовился торжественно представить Варвару въ Краковѣ, какъ уже это сдѣлалъ въ Вильнѣ. Варвара отправилась въ Краковъ. Король для встрѣчи ея нарядилъ знатнѣйшихъ Сенаторовъ и придворныхъ. Епископы, Воеводы и многія знаменитѣйшія дамы встрѣчали юную Монархиню въ разныхъ мѣстахъ ея торжественнаго путешествія. Король выѣхалъ на встрѣчу въ Радомъ и назначилъ этотъ городъ мѣстомъ ея пребыванія до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволятъ ему ввести ее торжественно въ столицу и совершить надъ нею обрядъ коронованія. По основнымъ

---

1) Госуд. имѣній (Królewszczyzna).

законамъ тогдашней Польши, каждый новый Король, прежде нежели принялъ бразды правленія, долженъ былъ созвать Сеймъ, т. е. собраніе Сената и Палаты Депутатовъ отъ Дворянства. Мѣстомъ этаго Сейма назначенъ былъ Королемъ городъ Піотрковъ, а временемъ сбора 18 день Октября 1548 года.

Тамъ то готовилось вспыхнуть непріязненное пламя до сихъ поръ подовляемое искусстной рукой Короля и друзей его, а раздуваемое пронырливою Боною и ея клевретами. Противники брака принимали видъ грознаго ополченія. Въ главѣ ихъ стоялъ Петръ Кмита, Коронный Маршалъ и Графъ Андрей Гурка, Познанскій Кастеланъ, вельможи гордые, почитавшіе унизительнымъ для себя преклонить чело предъ Королевою, одного съ ними происхожденія. Предубѣжденія Кмиты и Гурки раздѣляла вся Польская и большая часть Литовской аристократіи. Фанатизмъ въ этомъ отношеніи доходилъ до такой степени, что Иванъ Пелчинскій Воевода Сандомирскій сказалъ публично: „что ему споснѣе былобы видѣть Турецкаго Султана въ Краковѣ, нежели дочь Радзивилла на „Польскомъ Престолѣ.“ На сторонѣ недоброжелателей стояли пользующіеся довѣріемъ народа Епископы: Николай Дзержговскій,— Примасъ Государства, Іоаннъ Дзядыцкій,— Епископъ Перемышльскій, Венцеславъ Вержбицкій — Самогитскій, и сильнѣйшіе по уму и вліянію изъ дворяна, Петръ Боратынскій, Иванъ Сѣраковскій, Люпа Подловскій, Христофоръ Гноинскій и Матвѣй Стадницкій. Даже родственники Варвары, Иванъ Радзивиллъ, Крайчій Литовскій и Станиславъ Кержгайло присоединились къ числу враговъ Варвары и готовили въ самой Литвѣ крамолы. На сторонѣ Короля было немного истинныхъ защитниковъ этаго брака. Противники же раздѣлялись на двѣ партіи съ рѣзкими оттѣнками, ибо одни изъ нихъ, руководимые безкорыстною любовію къ отечеству, видѣли въ этомъ бракѣ нарушеніе данной клятвы и униженіе Королевскаго сана, а другіе были только слѣпымъ орудіемъ Боны, желавшей напитать ядомъ жизнь роднаго сына, поколебать его власть и разрушить узы связывавшіе его съ народомъ. Когда тѣ и другіе умоляли Короля развестись съ Варварою, когда Примасъ объявилъ, что силою Церковной власти бремя Королевского грѣха за расторженіе супружества *раздѣлитъ на всѣхъ подданныхъ*, когда Петръ Кмита, Краковскій Воевода и Коронный Маршалъ въ пылу рѣчи и необузданнаго порыва гнѣва бросилъ Королю въ ноги свой маршальскій жезлъ, когда, даже, вѣрный Мацѣіовскій, казалось, оставлялъ уже Сигизмунда-Августа, Король оставался непоколебимымъ, какъ гранитная скала, поражаемая громомъ и валами разъяренной стихіи. Но когда простой шляхтичъ Петръ Боратынскій, депутатъ Русскаго Воеводства, во имя общественнаго блага заговорилъ простыми словами изъ глубины души излившимися, умоляя Короля развестись съ Варварою, когда преклонилъ предъ нимъ колѣна, заклиная не связывать себя бракомъ, заключеннымъ безъ вѣдома народа и въ противность Королевской присяги, и когда слѣдуя примѣру Боратынскаго, вся Палата Депутатовъ пала предъ Королемъ на колѣни, Сигизмундъ-Августъ былъ тронутъ, поколебался и отстрочилъ свой отвѣтъ до слѣдующаго дня.

Но эта нерѣшительность его была только мгновенною; слишкомъ много было твердости въ этой юной душѣ, слишкомъ сильна любовь къ своей супругѣ, чтобы какія то ни были условія могли заставить его нарушить клятву, данную супругѣ. Въ слѣдующіе затѣмъ дни онъ рѣшительно объявилъ, что расторженіе брака, считаетъ величайшимъ преступленіемъ, что никогда на это не рѣшится, ибо считаетъ священною обязанностію исполнить клятву данную предъ Алтаремъ, что спасеніе души предпочитаетъ земному благу. „Что случилось“—говорилъ онъ торжественно и съ энергіею „того отмѣнить нельзя, а вамъ прилично не о томъ просить меня, чтобы я измѣнилъ своей супругѣ, но о томъ, чтобы я свято сохранялъ присягу, кому бы то ни было мною данную. Я поклялся своей супругѣ и пребуду ей вѣренъ доколѣ подобаетъ Господу сохранить дни мои.“—Такой былъ отвѣтъ Сигизмунда-Августа. Твердость его обезоружила на время грозную тучу надъ нимъ повисшую, но вѣтеръ не разсѣялъ ея и глухія стоны предвѣщали, что скоро она разразится новыми ударами грома. Зачинщики подговорили Земскихъ Пословъ разъѣхаться изъ Піотркова, подъ тѣмъ предлогомъ, что они, не исполнивъ главнаго пункта данныхъ имъ инструкцій, не могутъ приступить къ какому бы то нибыло другому предмету государственныхъ совѣщаній.

Такимъ образомъ Піотрковскій Сеймъ кончился ничѣмъ, потому что не утвердилъ своею властію Королевскаго брака, и не принудилъ Сигизмунда-Августа къ его расторженію. Съ началомъ 1549 года, лучь надежды и счастія робко проскользнувшій сквозь ущелья черныхъ тучъ, озарилъ на минуту унылое чело Варвары. Обстоятельства способствовали торжественному въѣзду ея въ Краковъ. Это случилось 13 Февраля 1549 года. Ее окружали блескъ и величіе Королевской власти; долго укрываемую печаль и слезы, она наконецъ могла свободно излить предъ лицемъ обожавшаго ее, возлюбленнаго супруга и замѣнить ихъ источникомъ неизсякаемой радости. Въ охотничьемъ-ли замкѣ Неполомицахъ (куда черезъ нѣсколько дней Сигизмундъ-Августъ отправился съ нею), въ пышныхъ-ли покояхъ Краковскаго замка на горѣ Вавель, толпы народа тѣснились вокругъ нея. Теперь все измѣнилось. Всѣ окружавшіе ее, искренно или притворно оказывали ей любовь и уваженіе, а приближенные были очарованы ея кротостію, добротою, самыми прелестями юной Монархини, обворожавшей всѣхъ, кто только имѣлъ къ ней доступъ. Мудрено ли, что народъ скоро ее оцѣнилъ, понялъ и полюбилъ. Она сдѣлалась его кумиромъ; ибо истинная добродѣтель всегда находитъ отголосокъ въ сонмищѣ людей. Прежніе противники и недоброжелатели притихли, а быть можетъ и сами были увлечены общею любовью, довольно того, что невзгода миновала и казалось одного появленія добродѣтельной Варвары достаточно было для того, чтобы искоренить ненависть и водворить любовь. Но въ то самое время, когда два народа возсылали теплыя мольбы къ Престолу Всевышняго о дарованіи долгихъ дней Варварѣ и о низпосланіи дому Ягеллоновъ потомства, было существо, орудіе адскихъ козней, давшее себѣ слово погубить Варвару и отравить всю

жизнь Сигизмунда-Августа. Этимъ чудовищемъ была мать его родная— Бона.

Годъ спустя послѣ перваго Сейма, Король созвалъ другой Сеймъ въ Піотрковѣ, для совѣщаній о короновaніи Варвары. Бона, жившая до сихъ поръ въ Варшавѣ, переѣхала въ окрестности Піотркова въ небольшую деревню Гомолинъ, чтобы имѣть возможность крамолами противу дѣйствовать намѣреніямъ сына. Зная ее и опасаясь, Сигизмундъ-Августъ слѣдилъ за всѣми ея дѣйствіями, и узнавъ, что она имѣетъ тайныя совѣщанія съ кокою-то старою вѣщуньей, велѣлъ немедленно схватить ее и допросить. Колдунья на допросѣ открыла много такихъ вещей, которыя привели въ ужасъ юнаго Монарха 1). Безпокойство и опасенія его за жизнь супруги были тѣмъ основательнѣе, чно онъ хорошо зналъ свою мать, и не сомнѣвался, что она готова была рѣшиться на самое ужасное преступленіе. Къ тому же Варвара была больна,—какъ думали, у нея развивался ракъ.

Не смотря на это, въ Піотрковѣ, Король торжествовалъ. Сеймъ покорился. Кмита, Гурка, Тенчическій, Примасъ Дзержговскій,—всѣ прежніе недоброжелатели тѣснились ко двору и изъявляли свою преданность и покорность, признавая Варвару своей Государыней. Гурка держалъ стремя, когда Сигизмундъ-Августъ садился на лошадь. Кмита умаливалъ Царственную чету доставить ему счастіе посѣщеніемъ дома его въ Виснѝчѣ. Дзержговскій изъявилъ готовность совершить обрядъ коронованія Варвары. Торжественное вѣнчаніе ея произошло 9 Декабря 1550 года въ Краковскомъ храмѣ, но героиня этаго величественнаго обряда, идолъ любви Короля, двора и всего народа, когда все кипѣло радостію и веселіемъ,— одна только не раздѣляла всеобщихъ восторговъ. Понимая ли опасность своей болѣзни, или руководимая какимъ то смутнымъ предчувствіемъ, она съ горестію сказала: „Къ другому вѣнцу скоро пригласитъ меня Господь.... Молите Его, да низпошлетъ милому моему супругу утѣшеніе въ скорби послѣ моей кончины.“

Съ Престола, на который возвелъ ее Архіепископъ, бѣдная Варвара почти непосредственно перешла на смертный одръ. Болѣзнь, которою она страдала (ракъ или чирей) приняла такой оборотъ, что Король, лѣкаря и весь Дворъ были въ восторгѣ; но неожиданно появился какой-то новый симптомъ болѣзни,—горячка или лихорадка. Нѣтъ сомнѣнія, что, когда всѣ были увѣрены въ выздоровленіи Варвары, услужливая рука свекрови поднесла ей смертельный бокалъ 2), и въ тоже самое время коварная Бона прислала къ сыну и невѣсткѣ своего духовника предлагая миръ и дружбу, и признавая Варвару своею дочерью. Дворъ принялъ это лукавое посольство, колеблясь между неожиданною радостью и невольнымъ подозрѣніемъ. Сигизмундъ-Августъ, неотходя ни днемъ, ни ночью отъ

1) 20 Іюня Король писалъ изъ Піотркова къ Николаю Радзивиллу: „Мы колдунью ея (Боны) „здѣсь поймали, она теперь у насъ въ клѣткѣ, не мало новаго она намъ напѣваетъ, о чемъ со временемъ все подробно узнаете.“

2) См. Примѣчаніе въ концѣ этой статьи.

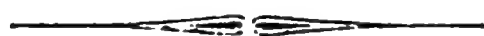
одра своей страждущей супруги, не желалъ личнаго ея сближенія съ матерью, какъ будьто сердце его говорило ему о совершеніи ужаснаго преступленія, котораго слѣдствій не въ состояніи были устранить силы человѣческія. Варвара скончалась 8 Мая 1551 года. Кто любилъ и долженъ былъ на вѣкъ проститься съ предметомъ любви, тотъ только пойметъ отчаянный вопль Сигизмунда-Августа. О ужасной его скорби говорятъ много современныя лѣтописи. Исполняя данное усопшей супругѣ слово похоронить ее въ Вильнѣ, Сигизмундъ-Августъ необращая вниманія на высокомѣрныхъ Радзивилловъ, желавшихъ истлѣвшую вѣтвь гордаго ихъ древа оставить между гробами Королей Польскихъ въ Краковѣ, рѣшился исполнить послѣднюю ея просьбу. Негодуя на Поляковъ за всѣ огорченія и скорби причиненныя ими возлюбленной его супругѣ, онъ объявилъ, *что неблагодарная земля недостойна владѣть ея прахомъ.* Траурная колесница, съ множествомъ Епископовъ и духовенства тронулась изъ Кракова чрезъ Прошовице, Кизличе, Радомъ, Луковъ, Мосты, Ружанку, Щучинъ, Василишки, Олькеники, Рудники, и на двадцатый день бренные останки Варвары, были доставлены въ любимое ею, родное Вильно. Не смотря на изнурительность медленнаго шествія, Король слѣдовалъ за гробомъ верхомъ и неоставилъ его ни на шагъ. Его окружали первые чины Польши и Литвы. Возлѣ колесницы шелъ съ Маршальскимъ жезломъ въ рукѣ Петръ Кмита, Великій Коронный Маршалъ, прежнее орудіе Боны, напитавшій ядомъ много дней кратковременной жизни покойной Варвары. Повѣримъ, что сочувствіе его къ глубокой скорби и печали Короля, въ этотъ разъ, было не поддѣльно. Обрядъ торжественныхъ похоронъ Варвары совершился въ Виленскомъ Каѳедральномъ Соборѣ 23 Іюля 1551 года.

И на долго, на долго, глубокая печаль поселилась въ разтерзанномъ сердцѣ Сигизмунда-Августа, а воспоминаніе объ ней изсякло только съ жизнію. Милости, которыми онъ осыпалъ Радзивилловъ, костелъ во имя Св. великомученицы Варвары, воздвигнутый вблизи Каѳедральнаго Собора, приглашеніе ко Двору волшебника Твардовскаго, показывавшаго ему въ зеркалѣ тѣнь Варвары — все ето доказываетъ сколь драгоцѣнна, сколь священна для Короля была ея память.

Нынѣ, по истеченіи трехъ столѣтій отъ кончины Варвары, ни во всей Литвѣ, такъ гордившейся ею, ни даже въ родномъ ея Вильнѣ, на которое излилось столько милостей Сигизмунда-Августа, нѣтъ даже слѣдовъ никакого памятника Варварѣ. Пожары, которые претерпѣлъ, и перестройти, которымъ подвергался Виленскій Каѳедральный Соборъ, изгладили даже самые слѣды, гдѣ покоится прахъ этаго образца красоты и добродѣтелей, этой вѣнчанной страдалицы.

Примѣчаніе. Отравленіе Варвары по приказанію Боны придворнымъ лѣкаремъ сей послѣдней Италіянцемъ Монти, современники считали не

сомнѣннымъ фактомъ. Въ наше время почтенный біографъ Варвары *М. Балинскій*, оспариваетъ этотъ фактъ, не поясняя намъ никакихъ данныхъ, на коихъ основываетъ свое мнѣніе. Кажется, Г. *Балинскій* принялъ во вниманіе то, что современные писатели, какъ напр. *Гурницкій* (Dzieje w Koronie — Исторія Польши) и *Оржеховскій* (въ своихъ Annales) нигдѣ неупоминаютъ объ этомъ отравленіи; но мы приведемъ цѣлый рядъ причинъ и обстоятельствъ, по которымъ можно заключить съ увѣренностію, что преступленіе совершено. Какія это ужасныя вещи открыла Королю колдунья при допросѣ въ Піотрковѣ? Что значатъ слова Короля въ письмѣ къ Радзивиллу, гдѣ, говоря о предлагаемомъ примиреніи Варвары съ Боною, онъ прибавляетъ: „Однакожъ желательнѣе былобы намъ, чтобы онѣ посред-„ствомъ писемъ взаимно себя навѣщали, чѣмъ бы имѣть имъ частыя личныя свиданія.“ Что значатъ слова: „до ужина нужно будетъ обращать особенное на все вниманіе.“ Развѣ торопливость Боны въ примиреніи съ Варварою предъ самою кончиною сей послѣдней, не были лишь хитрообдуманною мѣрою для устраненія всякаго подозрѣнія? Откуда въ ней эти безпокойства, когда она узнавала о смерти? Вслѣдствіе чего это произошло, что нетолько въ Литвѣ, Польшѣ, но и за границей единогласно говорили, что Варвара было отравлена? Бѣльскій, Стрыйковскій, Кояловичъ, на которыхъ ссылается и Г. Балинскій въ своемъ сочиненіи, всѣ упоминаютъ объ отравѣ. Чтоже касается того, что Гурницкій и Оржеховскій никакого на это не дѣлаютъ намека, легко можно объяснить личнымъ ихъ положеніемъ и отношеніями. Гурницкій, человѣкъ молодой, былъ однимъ изъ придворныхъ Короля. Оржеховскій же лѣтописи свои представлялъ самому Сигизмунду-Августу, и былобы дѣломъ въ высшей степени оскорбляющимъ всякое приличіе поднять завѣсу покрывающую это ужасное для сердца Короля событіе, представить на судъ сына, совершенное въ отношеніи къ нему, преступленіе матери. Нѣтъ сомнѣнія, что не моглобы понравиться Королю, желаніе,— увѣковѣчить на скрыжаляхъ исторіи событіе, внушающее всѣмъ ужасъ и омерзеніе. Изъ всего этаго видно, что для современнаго историка это было дѣломъ весьма щекотливымъ, особенно для Гурницкаго, какъ близкаго къ Королю, и Оржеховскаго, соединеннаго съ Кмитою близкими отношеніями. Хотя на сего послѣдняго не можетъ падать и тѣни подозрѣнія въ соучастіи его въ преступленіи; но едва ли пріятно было бы ему слышать и видѣть доказательства уличающія Бону, которой онъ былъ когда-то довѣреннымъ и даже орудіемъ ея происковъ.

ПРЕДАНІЯ ЛИТОВЦЕВЪ.

(Предъисторическія).

Нѣтъ почти ни одного народа на земномъ шарѣ, котораго происхожденіе и младенчество, не были бы обезображены баснями, вымыслами и сверхъ-естественными событіями. Одни только Евреи имѣвшіе боговдохновеннаго историка, избѣжали этой колеи. По большой части лѣтописцы, начиная исторію какого либо народа, говорятъ, что происхожденіе его теряется во мракѣ неизвѣстности, но вмѣстѣ съ тѣмъ усильно стараются проникнуть въ этотъ мракъ, и руководствуясь невѣрными указателями, основывая свои положенія на догадкахъ, вмѣсто того, чтобы бросить какой нибудь свѣтъ на излагаемые предметы, дѣлаютъ ихъ еще темнѣе. Этимъ долгое время оканчивались изслѣдованія происхожденія древнихъ Литовцевъ. Едва ли найдется народъ въ Европѣ о происхожденіи котораго находилось-бы столько разногласія и противурѣчій у лѣтописцевъ. Теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Литва составляла одно племя съ Леттами, Корсью, Зимголою, Пруссами и Ятвягами. Между тѣмъ Епископъ Христіанъ, Лука Давидъ, Фогтъ и другіе историки выводятъ происхожденіе Пруссовъ отъ соединенія Ульмигеровъ съ Готтами. Нарушевичъ, Нарбуттъ и иные производятъ Ятвяговъ отъ Сарматовъ, Скиѳовъ, и даже отъ Даковъ. Чтоже касается собственно Литовцевъ, то ихъ сроднили съ половиною Азіи и Европы. Одни выводятъ ихъ начало отъ Алановъ (Lit-Alani, Litvani), которыхъ остатки сохранились по нынѣ между Осетинцами по среди Кавказскихъ горъ; другіе основывая свое заключеніе на языкѣ Литовскомъ, въ которомъ нашли не мало Готѳскихъ, Финскихъ, Нѣмецкихъ, а преимущественно Славянскихъ словъ, хотѣли сдѣлать Литовцевъ отраслью Славянскаго, Германскаго, или Готѳскаго племени, которое уже въ IV или V столѣтіи, смѣшавшись съ Эстами и Финнами извѣстно было подъ именами Скировъ, Гирровъ, Геруловъ, Видиваріевъ, Виддовъ. Извѣстный и основательный Нѣмецкій историкъ Рюссъ, называетъ Литву чи-

сто Славянскимъ племенемъ. Основываясь единственно на языкѣ, нельзя сдѣлать утвердительнаго заключенія о происхожденіи народа. Очень естественно, что Литовцы, находясь въ сосѣдствѣ съ другими народами, а въ особенности съ Славянами, съ которыми даже были въ частыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ, могли перенять много словъ изъ ихъ языка. Но каждый знающій основательно Литовскій языкъ легко убѣдится, что почти на каждое изъ заимствованныхъ словъ, Литовцы имѣютъ свои собственныя. Убѣдительнымъ доказательствомъ противнаго можетъ служить нынѣшній Польскій языкъ, въ которомъ, какъ извѣстно, укоренилось такое множество Латинскихъ словъ употребляемыхъ повсемѣстно въ разговорномъ и письменномъ стилѣ; но ктобы, основываясь на этомъ, рѣшился утверждать, что Поляки происходятъ отъ Римлянъ?

Но какъ происхожденіе отъ Алановъ, Готтовъ и Славянъ не составляло еще ничего не обыкновеннаго, то чтобы возвысить родъ Литовцевъ, начали искать колыбели этаго народа въ Италіи. Найденныя въ языкѣ ихъ латинскія слова, и преданія о странствованіяхъ Геруловъ, подали нѣкоторымъ поводъ къ выводу происхожденія ихъ отъ Римскихъ переселенцевъ, прибывшихъ по мнѣнію однихъ, Балтійскимъ моремъ, а по свидѣтельству другихъ, Понтомъ Эвкинскимъ, а оттуда черезъ Украйну и Подолію, подвинувшихся къ сѣверу. Сказка эта изобрѣтена въ XIII вѣкѣ и въ послѣдствіи принята лѣтописцами и введена въ исторію Стрыйковскимъ тогда уже, когда Литва составляла обширное, могущественное и благоустроенное Государство. Несравненно основательнѣе мнѣніе (хотя оно всегда останется только мнѣніемъ, и за достовѣрность его нельзя ручаться) тѣхъ писателей, кои свои заключенія по этому предмету выводятъ изъ природы языка, и познанія религіозныхъ основаній сего народа. Знаменитый Богемецъ Шаффарикъ (Старожитности Словянске) производитъ Литовцевъ отъ Литовъ, или Летовъ, жившихъ на границахъ восточной Имперіи и надъ Рейномъ въ Галліи, а потомъ переселившихся на сѣверъ и занявшихъ землю между поселеніями Сѣверныхъ Германцевъ и Лазовъ или Ляховъ. Онъ утверждаетъ, что эти Леты были Азіятскаго происхожденія и поселившись первоначально между Греками, украсили свои восточно-религіозныя понятія о двойномъ началѣ Божества миѳологіею Грековъ и Римлянъ. Михелонъ, Гарткнохъ, Богушъ, Чацкій, Нарбуттъ, примѣтили, что въ Литовскомъ языкѣ находятся оригинальныя названія такихъ предметовъ, какихъ Литва ни когда не производила (*Лютасъ*, левъ, *Купранугарисъ*, верблюдъ, *Бездеіона*, обезьяна, *Аузусъ*, золото и др.), что на этомъ языкѣ не только въ особенныхъ словахъ и выраженіяхъ, но даже въ общихъ формахъ склоненій, спряженій, также въ удареніяхъ, находится много сходства съ правилами грамматикъ Греческой и Латинской, и что наконецъ въ Литовской Миѳологіи, кромѣ сходства съ Греческою и Римскою, находится не одна религіозная идея Индіянъ. А потому заключаютъ, что колыбели Литовскаго народа, надобно искать совершенно подъ инымъ небомъ, въ отдаленной отъ Литвы сторонѣ. На этомъ

основаніи, слѣдя за событіями и пересселеніями народовъ, занявшихъ юго-восточную Европу за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. нашли предковъ Литовцевъ въ Будинахъ и Гелонахъ, изъ коихъ первые составляли племя Колховъ Индійскаго происхожденія, а другіе были потомками Пелазговъ поселившихся на берегахъ чернаго моря. Они повѣствуютъ, что Будины подвинувшись изъ за Кавказа, отъ рѣки Аракса къ нижней Волгѣ, встрѣтили Гелоновъ между Дономъ и Донцемъ, гдѣ произошло соединеніе обоихъ народовъ. Это то смѣшеніе двухъ разно-племенныхъ народовъ, которые и по переселеніи своемъ на сѣверъ, въ своихъ миѳахъ и языкѣ, сохранили до позднѣйшихъ временъ слѣды древняго происхожденія, долженствовало дать начало Литовскому народу. Въ подкрѣпленіе этого заключенія предлагаемъ читателямъ нашимъ древнія преданія Литовцевъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ памяти сего народа, котораго исторія, подобно исторіи Индіи, Египта, Греціи и Рима имѣла свои времена баснословныя, миѳическія, и героическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстныхъ боговъ, полубоговъ и героевъ.

„Преданія многихъ народовъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ писателей (Крашевскій) во многомъ сходны между собою, не оттого, чтобы одни заимствовали ихъ отъ другихъ, но по тому, что человѣкъ всегда и вездѣ одинъ и тотъ же. Эта неизмѣнность природы человѣка производитъ сходство миѳовъ, преданій и обычаевъ." Не опровергая положенія достойнаго писателя, намъ кажется естественнѣе, въ сходствѣ преданій народовъ, въ особенности древнѣйшихъ, видѣть неоспоримое доказательство происхожденія ихъ отъ однаго корня. Событія имѣвшія вліяніе на судьбу всего рода человѣческаго, какъ-то: утрата первоначальнаго совершенства человѣка, садъ, изъ котораго онъ изгнанъ, потопъ, и другія, сохранились въ памяти почти у всѣхъ народовъ; измѣнены только подробности при ихъ описаніи.

Литовцы полагали, что земля есть огромный плоскій кругъ обмываемый и пересѣкаемый семью морями. Древніе Греки имѣли подобное понятіе о землѣ. Надъ землею ѣздила богиня *солнце* въ колесницѣ, запряженной тремя конями,— серебрянным, золотымъ и алмазнымъ. Дворецъ солнца находился на востокѣ, въ странѣ, которую Литовцы считаютъ первоначальнымъ своимъ отечествомъ и въ которую души добродѣтельныхъ возвращались послѣ смерти, дабы наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Двѣ звѣзды *Аушринне и Вакаринне* (Денница и Вечерница) раскладывали солнцу огонь, подавали воду для купанья, и стлали постель. Солнце было женою мѣсяца; но когда невѣрный мужъ началъ ухаживать за румяной Денницею, жена его (иные приписываютъ это Перкуну) схватила мечь и разсѣкла лице его по поламъ. Звѣзды были плодами этого супружества. Нѣкоторыя звѣзды рождались вмѣстѣ съ людьми. Парка вѣшала эти звѣзды на концахъ нитей жизни родившихся людей. Когда такой человѣкъ умиралъ, звѣзда падала съ неба. Затмѣніе солнца Литовцы толковали подобно Китайцамъ, полагая, что въ то время, оно борется съ какимъ то исполиномъ или чудовищемъ.

Причину землетрясенія приписывали гнѣву *Прамжу* высочайшаго изъ боговъ, который разсердясь на землю сѣчетъ ее такъ, что она дрожитъ подъ его ударами. Объясняемое такимъ образомъ землетрясеніе дѣлаетъ землю какъ бы нѣкотораго рода звѣремъ имѣющимъ чувство и движеніе, что иные примѣняютъ къ Платонову большому звѣрю.

Литовцы знали многія созвѣздія. Вѣроятно астрономическія свѣдѣнія принесенны были ихъ предками изъ страны теплѣйшей и удобнѣйшей къ наблюденіямъ теченія небесныхъ свѣтилъ. Земля, которую они въ послѣдствіи заняли, была плоская, лѣсистая, покрытая частыми туманами, а потому представляла къ тому много препятствій. Въ самой глубокой древности дѣлили они годъ на 13-ть мѣсяцевъ; день и ночь— на 12 часовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ особенное названіе. Кромѣ того существовало какое то Скандинавское раздѣленіе времени на девять періодовъ, о которомъ подробности до насъ не дошли. Мѣсяцъ считался отъ новолунія до новолунія. Недѣля имѣла 7 дней и начиналась съ Пятницы. Протекшіе годы замѣчали зарубками на деревянныхъ столбахъ. Время измѣряемо было числомъ ночей, а потому мѣсяцъ, мужъ солнца пользовался особеннымъ чествованіемъ между Литовцами, которые предковъ своихъ называли часто сынами мѣсяца.

Кромѣ упомянутыхъ небесныхъ свѣтилъ, Литовцамъ извѣстны были: Большая мѣдвѣдица, которую они называли *Возомъ*. Созвѣздіе Геди, называлось у нихъ *Пахарь съ быками;*— Капела— *несущая кушанье*, также *постоянная*, а иногда *Перкунова коза;* Плеяды— *рѣшето;* Марсъ— *малая звѣриная звѣзда;* Сатурнъ— *большая звѣриная звѣзда;* Оріонъ— *сѣнокосная звѣзда;* Кассіопея— *звѣзда пояса.* Кометы именовали звѣздами съ хвостомъ или метлою. Пѣсни упоминаютъ объ нихъ, какъ о старцахъ съ длинными бородами, которыхъ появленіе предсказываетъ что нибудь необыкновенное. Млечный путь называли они *путемъ птичьимъ*. Появленіе сѣвернаго сіянія приписывали борьбѣ великановъ въ воздухѣ.

Одно изъ Литовскихъ преданій, касающихся отдаленнѣйшихъ временъ, есть преданіе о потопѣ. Литовцы имѣютъ особенное выраженіе для означенія всемірнаго потопа, а именно *Паскиндимасъ*. Частное наводненіе, они называютъ *Тванай*. Вотъ какъ Литовское преданіе описываетъ это всеобщее бѣдствіе постигшее родъ человѣческій.

,,Однажды Прамжу 1), смотря изъ окна своего дворца на плоскую землю, увидѣлъ не ожиданно на ней развращеніе и разгнѣвался. Люди совершенно удалились отъ первоначальной простоты, согласія и любви. Войны, грабежи и ссоры терзали родъ человѣческій. Прамжу разсердился на людей, а потому выслалъ двухъ великановъ злобныхъ и несогласныхъ между собою *Ванду* и *Вейя* (Воду и Вѣтеръ), которые устре-

---

1) *Прамжу, Прамжинасъ*,— значитъ предопредѣленіе божества. Оно, какъ говоритъ преданіе, не можетъ измѣнить приговора необходимости начертаннаго на камнѣ, но только хранитъ его и знаетъ, что должно случиться неизбѣжно. Желѣзной необходимости должны были покоряться люди и боги. Ей подчиненъ былъ весь міръ.

мились на землю, и взявши этотъ плоскій кругъ въ руки, начали его сильно колебать и трясти. Двадцать дней и девятнадцать ночей продолжалось это ужасное опустошеніе, такъ, что всѣ жившіе на землѣ погибли. Прамжу снова взглянулъ на землю, въ то время, когда грызъ небесные орѣхи изъ садовъ *Дунгуса*. Видя такое опустошеніе на землѣ, онъ бросилъ на нее скорлупу орѣха, которая упала близь вершины высочайшей горы, гдѣ собрался остатокъ людей и звѣрей спасшихся отъ потопа. Люди и звѣри сѣли въ брошенную имъ лодку. Великаны не могли вредить небесной скорлупѣ. Снова взглянулъ Прамжу на землю и состраданіе овладѣло каменнымъ его сердцемъ. Онъ прогналъ Великановъ въ обыкновенное ихъ убѣжищѣ, воды опали, вѣтеръ утихъ, небо прояснилось. Существа спасшіяся въ орѣховой скорлупѣ, начали размножаться. Люди попарно разбѣжались въ отдаленныя страны свѣта. Одна только пара осталась въ той странѣ откуда вышли Литовцы, но оба и мужъ и жена, были стары и немогли имѣть дѣтей. Прискорбно было имъ при мысли, что послѣ нихъ не останется потомковъ. Для утѣшенія ихъ Прамжу послалъ радугу (Линксмине) которая посовѣтовала имъ скакать черезъ кости земли, то есть камни. Сколько разъ перескочилъ старецъ, столько возстало дородныхъ юношей, сколько разъ старушка, столько взрослыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ. Но устрашенные появленіемъ радуги или ослабленные старостію, они не могли перескочить болѣе девяти разъ. Отъ этихъ девяти паръ произошло девять Литовскихъ колѣнъ. Другіе народы произошли отъ другихъ паръ, которыя разошлись послѣ потопа въ разныя стороны, по причинѣ несогласій между ими и ненависти къ самой старшей парѣ. Отъ этого произошла ненависть народовъ къ Литовскимъ поколѣніямъ.

Развращеніе обитателей земли въ концѣ перваго періода исторіи, и судно въ которомъ спасся остатокъ человѣческаго рода отъ потопа, согласны съ повѣствованіемъ Св. Писанія объ этомъ вообщемъ бѣдствіи. Вершина горы и старость уцѣлѣвшей четы приводитъ на память Девкаліона и Пирру, низпосланная божествомъ лодка, есть, можетъ быть, повтореніе преданія Индійцевъ. Радуга (Линксмине) сходная съ Индійскимъ словомъ Лакшми, означаетъ утѣшительницу. Литовцы даютъ ей и другія названія, какъ-то: *Уоро Рыксте* — воздушная розга, *Дангау Іоста* — небесный поясъ, *Лаумесъ Іоста* — поясъ Лаумы (богини), *Кильпинисъ-Дангаусъ* — небесный лукъ.

Причину появленія моровой язвы приписывали нарушенію правъ гостепріимства. Два божества *Нумеясъ* и *Пескія*, въ бѣлыхъ одеждахъ, на бѣлыхъ коняхъ объѣзжали свѣтъ, и на тѣ мѣста, гдѣ ихъ дурно приняли, насылали моровую язву.

Такъ какъ все находящееся въ природѣ было предметомъ боготворенія Литовцевъ, то по мнѣнію ихъ, люди превращаемы были въ деревья, кустарники, цвѣты, звѣрей и птицъ. Нельзя пропустить безъ вниманія прекрасной повѣсти Литовской объ *Еглѣ* (Ели), служащей доказательствомъ поэтическаго воображенія сего народа.

„Егле съ сестрами своими пошла ввечеру купаться въ ближнемъ озерѣ. По захожденіи солнца дѣвицы вышли на берегъ за оставленными на немъ рубашками. Вдругъ Егле вскрикнула и отскочила отъ рубахи. Въ рукавѣ сидитъ ужь,— какъ его выгнать? Какъ достать рубашку?"

Въ это время изъ рукава показывается голова и начинаетъ говорить: „Выйду самъ если дашь мнѣ слово, что будешь моей женой."

„Сестры, чтобы одтѣлаться отъ ужа, заставили Егле дать ему слово. Получивъ это слово, докучливый ужь вышелъ изъ рубашки и исчезъ."

„Лишь только они воротились въ избу, являются въ деревнѣ трое сватовъ отъ ужа. Три ужа заѣхали на дворъ въ корытѣ отъ тѣста и говорятъ отцу и матери: Жалтисъ (ужь) проситъ прислать ему невѣсту; Егле дала ему слово."

„Родители качаютъ головою, не зная, что отвѣчать, совѣтуются, думаютъ, идутъ къ старой сосѣдкѣ. Старая сосѣдка говоритъ: легко обмануть ужа: вмѣсто дочери дайте ему гусь и отправте пословъ!"

„Такъ и сдѣлалось. Сваты сѣли, и уѣхали съ гусью; но на дорогѣ кукушка закричала: куку! куку! куку! обманули васъ. Вмѣсто невѣсты дали вамъ бѣлую гусь. Куку! куку!"

„Ужи возвращаются назадъ въ избу, выбрасываютъ съ гнѣвомъ гусь, упрекаютъ родителей, и требуютъ невѣсты. По совѣту старой сосѣдки дали имъ бѣлую овцу. Кукушка опять предостерегла ихъ; они возвращаются съ угрозами и требуютъ невѣсты. Имъ дали бѣлую корову; но увѣдомленныя снова кукушкою о обманѣ они снова возвращаются еще съ большими угрозами. Родители отдали имъ старшую дочь. Но узнавъ отъ кукушки, что ихъ въ четвертый разъ обманули, они возвратились угрожая засухою, наводненіемъ, голодомъ, моровою язвою за оскорбленіе ужа. Наконецъ отдаютъ Егле. Кукушка кричитъ: „поѣзжайте! спѣшите! женихъ ожидаетъ невѣсту!" Со страхомъ поглядываетъ Егле на озеро. Вдругъ изъ глубины является не страшный ужь, а прекрасный юноша, богъ водъ. Пять лѣтъ живутъ щастливо Егле и Жалтисъ; но Еглѣ тоскуетъ по своей деревушкѣ, избѣ, родителяхъ. Проходитъ еще пять лѣтъ, и еще пять; она все также щастлива, но часъ отъ часу болѣе жаждетъ посѣтить родителей. Мужу однако это непоправилось. Онъ откладываетъ это посѣщеніе со дня на день. Наконецъ измученный просьбами жены, соглашается, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она прежде износила стальные башмаки. Егле бросила ихъ въ печку, пережгла и скоро износила. Вотъ я уже готова въ дорогу! нада печь пироги. Хорошо! Отвѣчаетъ Жалтисъ, но прежде наноси воды рѣшетомъ. Егле наносила воды и испекла пироги. Мужъ наконецъ позволилъ ей отправиться; но прощаясь съ нею сказалъ: „Если прійдешь на берегъ озера, кликни мемя три раза этими словами: Мужъ мой! жена зоветъ тебя. Если ты живъ, выйди молочною пѣною, если мертвъ, покажись кровью на водахъ."

„Егле отправилась въ село; принята съ радостью; распросамъ не было конца. День ея отъѣзда откладывали безъпрерывно. Между тѣмъ братья ея уѣхали въ лѣсъ на ночлегъ и взяли съ собою старшаго сына Егли. Зайдя въ глухую чащу лѣса и разведя огонь, начали его кормить, ласкать и распрашивать какъ мать будетъ кликать отца, когда возвратится домой? Мальчикъ отвѣчалъ, незнаю! Напрасно его упрашивали, напрасно грозили, наконецъ высѣкли вѣниками. Онъ безпрестанно повторялъ: „мать скажетъ; я незнаю."

„Когда они возвратились, мальчикъ имѣлъ заплаканные глаза. Мать спросила у него отъ чего у него глаза красные? *Ничего!* отвѣчалъ онъ: мы сидѣли у огня, лучина была смолистая, вѣтеръ нагналъ мнѣ дыму въ глаза. Въ слѣдующую ночь братья взяли съ собой меньшаго сына, и также напрасно его били; онъ ничего не хотѣлъ имъ открыть. Въ третью ночь взяли они съ собою дочь, и настращавъ ее розгами, заставили все разсказать."

„Потомъ братья, взявъ съ собою косы, пошли къ озеру и вызвали мужа Егли. Изъ водяной пѣны вышелъ на берегъ ужь, а они схвативъ косы, разсѣкли его въ куски."

Кончились дни посѣщенія Егли. Забравъ дѣтей, и простившись съ родными, она подошла къ озеру, зоветъ мужа, но вмѣсто бѣлой пѣны показалась кровь на водѣ, знакомый голосъ далъ ей послѣднее прощаніе и объявилъ, кто были убійцы ея мужа. Услышавъ это, Егле воскликнула: куда дѣваться мнѣ! куда итти! какъ жить съ убійцами мужа.— *Боги превратили Егле въ ель (Егле), старшаго сына въ дубъ, младшаго въ ясень, а дочь въ осину.—*

Между Литовцами сохранилось множество преданій о превращеніяхъ, такъ, что еслибы между ими появился писатель въ родѣ Овидія, то могъ бы составить книгу не менѣе Римскаго стихотворца. Предлагаемъ читателямъ нашимъ тѣ изъ Литовскихъ преданій о превращеніяхъ, которыя собраны были однимъ изъ новѣйшихъ любителей Литовской старины Кс. Юцевичемъ.

1. Гѣгузѣ (Кукушка) дочь Литовскаго боярина имѣла трехъ братьевъ, которыхъ чрезвычайно любила, и посвятила всю жизнь на то, чтобы только угождать ихъ желаніямъ. Во время войны Кейстута съ Крестоносцами, всѣ три брата пали на полѣ битвы. Вѣрные ихъ кони прибѣжавъ безъ сѣдаковъ домой возвѣстили Гѣгузѣ объ участи ея братьевъ. Она забравъ вѣрныхъ спутниковъ, лицъ столь для нея милыхъ, оставила родительскій домъ, и удалилась въ глубину лѣса, чтобы въ пустынѣ окончить плачевную жизнь. Боги сжалились надъ нею и превратили ее въ кукушку. Съ тѣхъ поръ птица эта каждый годъ весною, именно въ то время, когда погибли три витязя, грустнымъ голосомъ своимъ оплакиваетъ ихъ кончину.

Въ Литвѣ до сихъ поръ существуетъ праздникъ въ честь кукушки, его празднуютъ въ 3-й день Пасхи. Все деревенское юношество

обоего пола собирается въ одинъ домъ. Тамъ выбираютъ самую пригожую дѣвушку, которую называютъ царицей-кукушкой. Завязавъ ей глаза сажаютъ на срединѣ избы, а около нея скачутъ парни, припѣвая:

„Царица кукушка, куку! куку!
Я твой братецъ, куку! куку!"

Сидящая угадывая по голосу тѣхъ, которымъ болѣе всего благопріятствуетъ, выбираетъ трехъ парней, и цѣлый этотъ день съ ними только пляшетъ. Въ продолженіи цѣлаго года она называетъ ихъ братьями, а они ее сестрой.

2. *Пѣвецъ Дайнасъ* влюбился въ прекрасную дѣвушку *Скайстой;* но она не отвѣчала его страсти. Онъ напрасно употреблялъ всѣ усилія, чтобы пріобрѣсть ея благосклонность; въ особенности онъ пѣлъ подъ окномъ ея по утрамъ и вечерамъ прекрасныя пѣсни; но она ихъ и слушать не хотѣла. Отчаянный Дайнасъ утопился въ рѣкѣ. Боги превратили его послѣ смерти въ соловья, чтобы своимъ голосомъ, которымъ немогъ тронуть своей возлюбленной, утѣшалъ несчастныхъ любовниковъ. Скайстой, почувствовала любовь къ Дайнасу уже тогда, когда его не было на свѣтѣ и умерла съ горести. Она превращена была въ столиственную розу, которая только тогда начинаетъ разцвѣтать, когда соловей перестаетъ пѣть.

3. Въ какомъ то Государствѣ жила царица любившая чрезвычайно сплетни. По возвращеніи братьевъ ея изъ похода, она выбѣжала имъ на встрѣчу и объявила имъ, что во время ихъ отсутствія, жены ихъ поумирали. Отчаянные братья, не подозрѣвая, что это былъ вымыселъ ихъ сестры, не входя въ домъ лишили себя жизни. Боги видя сколько зла дѣлаетъ сплетница, превратили ее *въ ласточку,* и велѣли ей въ продолженіи всей жизни быть вѣстницей новостей, а въ память ея преступленія изобразили *на перьяхъ ея хвоста пятно въ видѣ пламени.*

4. Въ древнія времена жилъ одинъ честный и трудолюбивый земледѣлецъ, который въ продолженіи всей жизни своей испытывалъ однѣ неудачи. Не смотря на то онъ былъ всегда веселъ, работалъ прилежно и никогда не роптал на волю боговъ, которые въ награду за то превратили его по смерти *въ жаворонка.* Съ тѣхъ поръ жаворонокъ всегда является весной, когда земледѣлецъ выходитъ въ полѣ, вьетъ гнѣздо на его нивахъ, и надъ ними всегда кружится и поетъ какъ бы въ ободрѣніе и утѣшеніе пахарей.

5. Сотваросъ, высочайшее божество по созданіи міра, примѣтилъ, что на землѣ помѣстилъ множество вредныхъ гадовъ. Желая очистить отъ нихъ свѣтъ, собралъ всѣ эти ядовитыя и отвратительныя твари, уложилъ ихъ въ огромный кожанный мѣшокъ, и велѣлъ одному сильному человѣку, *Стонелису,* утопить этотъ мѣшокъ въ ближайшемъ озерѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ ему заглядывать во внутренность мѣшка. Стонелисъ взявъ мѣшокъ на плечи и приближаясь къ озеру подумалъ:

что же тутъ будетъ дурнаго если я загляну въ мѣшокъ?— можетъ быть тамъ какія нибудь драгоцѣнности." и рѣшился преступить данное ему повелѣніе. Но лишь только развязалъ мѣшокъ, гады вырвались изъ него и разсѣялись по всей землѣ. Испуганный этимъ происшествіемъ и устыдясь своего преступленія, онъ возвратился къ Сотворосу и признался въ своей винѣ. Сотваросъ грѣлся въ то время у горящаго костра изъ еловыхъ вѣтвей. Разсердясь на ослушника, онъ схватилъ горящее полѣно, ударилъ имъ Стонелиса и превратилъ его въ *аиста*, приказавъ ему въ продолженіи всей жизни собирать пресмыкающихся, которыхъ по неосторожности онъ самъ разсѣялъ по землѣ. По этой то причинѣ аистъ до сихъ поръ ловитъ гадовъ, а черное пятно на его хвостѣ остается у него въ память того удара, который онъ получилъ горѣвшимъ полѣномъ.

6. Въ тѣ времена, когда богъ жилъ на землѣ, онъ ходилъ по селеніямъ и деревнямъ, чтобы ближе узнать свойства, склонности, добродѣтели и пороки людей. Въ одинъ день пришедъ въ избу къ какой-то женщинѣ, которая въ это время пекла хлѣбъ, просилъ у нея воды напиться. Женщина занятая работою, и будучи еще по какой-то причинѣ въ дурномъ расположеніи духа отвѣчала ему съ гнѣвомъ: „открой ротъ можетъ быть тебѣ дождь съ неба спадетъ; а у меня въ домѣ для такихъ бродягъ нѣтъ воды." Богъ разгнѣванный такимъ поступкомъ женщины превратилъ ее въ *канюка* и приказалъ ей пить только дождевую воду, но чтобы никогда не смѣла брать ее на землѣ.

7. Богъ въ видѣ старца проходилъ черезъ мостъ. Въ это время какой-то человѣкъ, по имени Балтрасъ, сидя за огромнымъ камнемъ, хотѣлъ испугать мнимаго старца и заревѣлъ ужаснымъ голосомъ. Но эта шутка дорого ему стоила. Богъ превратилъ его въ медвѣдя, оставивъ ему видъ заднихъ лапъ такой, какой онѣ имѣли въ то время, когда онъ еще былъ человѣкомъ.

8. Когда богъ приказалъ всѣмъ людямъ починять дороги, весь родъ человѣческій взялся охотно за эту работу. Одинъ только *Жабалосъ*, не хотѣлъ повиноваться. Въ наказаніе за то, богъ превратилъ его въ *крота*, приказалъ ему жить и ходить подъ землею, и присовокупилъ къ тому, что если онъ ступитъ только на дорогу протоптанную людьми, тотчасъ издохнетъ.

9. Въ древнія времена жила въ Литвѣ женщина, по имени Блинда, имѣвшая необыкновенный даръ рожденія дѣтей, которыхъ производила на свѣтъ съ необыкновенною легкостію, не только естественнымъ образомъ, но даже руками, ногами, головой и другими частями тѣла. Земля, самая плодовитая изъ матерей, позавидовала ей такого счастія, и приготовила ей западню. Когда Блинда шла черезъ топкій лугъ, ноги ея погрязли такъ глубоко, что она никакъ не могла освободить ихъ, и съ отчаянія превратилась *въ верьбу*.

10. Въ глубокой древности, еще прежде Кейстута, (какъ выражается простой народъ) въ одной приморской деревнѣ жилъ человѣкъ по

имени *Тейсусъ* (праведный). Литовцы въ каждомъ сомнительномъ случаѣ обращались къ нему, прося у него совѣта. Онъ рѣшалъ ихъ споры, мирилъ ссорившихся и всѣ вѣрили ему какъ оракулу и свято исполняли его распоряженія, потому, что его доброта души, честность и безкорыстіе слишкомъ хорошо были извѣстны. Смерть постигла его въ глубокой старости и въ награду за его добродѣтели боги превратили его по смерти *въ ясень*, которую Литовцы называютъ *деревомъ праведности* (*тейсибесъ-меджʼасъ*). Преданіе гласитъ, что сами боги, сходя на землю, чтобы ближе присмотрѣться дѣяніямъ людей, почитали любимымъ своимъ помѣщеніемъ подъ сѣнію развѣсистаго ясена, и оттуда изрѣкали свои приговоры. Подобное преданіе сохранялось и между Скандинавами. Въ ихъ сагѣ между прочимъ сказано, что совѣтъ боговъ для сужденія о дѣлахъ міра, собирается каждый день подъ огромнымъ ясенемъ. Впрочемъ, сходства Литовскихъ преданій, повѣрій и прочихъ подобныхъ предметовъ съ Скандинавскими, не должно казаться намъ удивительнымъ, если вспомнимъ, какое сильное вліяніе имѣли послѣдніе на первыхъ. Причину этаго мы покажемъ ближе, излагая историческія преданія Литовскаго народа.

Также сохранилось преданіе о Юрѣ, богинѣ моря, которая влюбясь въ простого рыбака, съѣдала вмѣстѣ съ нимъ рыбы, раздирая ихъ по поламъ. Отъ того произошли *камбалы*, изображающія, какъ бы, половину рыбы. Перунъ разсердясь на нее за страсть къ смертному, разгромилъ ея подводныя палаты. Обломки этихъ палатъ составляютъ куски *янтаря*, выбрасываемые, во время бури, на берегъ моря.

Исторія Литвы, также какъ и древнихъ обитателей Индіи, Египта и Греціи имѣетъ свой баснословный или героическій періодъ. Въ немъ выступаютъ на сцену существа миѳическія въ родѣ полу боговъ или героевъ древности. Лица поражавшія вниманіе народа необыкновенными подвигами, или научившія его какому либо полезному дѣлу, принимаемы были за существа сверхъ-естественныя, которымъ потомство оказывало особенную почесть. Подобно Египтянамъ и Грекамъ, Литовцы описывали дѣянія такихъ людей съ преувеличеніями, а иногда въ преданіяхъ объ нихъ, мы найдемъ сходство съ повѣствованіемъ о подвигахъ полубоговъ и героевъ Греціи.

Въ древней Литвѣ во все время существованія язычества, хранилось преданіе, что жители, первоначально, обитали на востокѣ, въ странѣ, изъ которой восходитъ солнце для освѣщенія земли. Предковъ своихъ они почитали исполинами и называли сынами мѣсяца. Старыя могилы въ Литвѣ часто именуемы были могилами исполиновъ. Между Литовцами существовало вѣрованіе, что души умершихъ возвращаются въ первобытное ихъ отечество. Переселеніе съ востока предковъ Литовцевъ подтверждается не только преданіями, но и языкомъ ихъ. Они имѣли на собственномъ языкѣ названія такихъ предметовъ, какіе никогда не встрѣчались въ новомъ ихъ отечествѣ, ни даже въ ближайшихъ сосѣдственныхъ странахъ, какъ напримѣръ: льва, леопарда, обезьяны, вер-

блюда, оливковаго и розоваго дерева и нѣкоторыхъ растеній, которыхъ никогда Литва непроизводила. Къ сему принадлежитъ также понятіе о землетрясеніи и названіе онаго, хотя оно почти никогда въ Литвѣ не случалось. Равнымъ образомъ, честь, воздаваемая огню, и боготвореніе рѣкъ, составляющія исключительные предметы Литовской религіи, не могли быть заимствованы нигдѣ въ Европѣ; происхожденія ихъ должно искать на востокѣ, въ Азіи, въ такъ называемой *Ауструма земе*, первобытномъ отечествѣ предковъ Литвы. Нельзя пропустить безъ вниманія преданія о богинѣ Круминѣ и дочери ея Нойолѣ, въ которомъ читатель найдетъ большое сходство съ Греческимъ преданіемъ о Церерѣ и Прозерпинѣ.

Царица Крумине господствовала надъ берегами рѣки Росси. Дочь ея, Нойола, дѣвица рѣдкой красоты, выбѣжала однажды собирать на берегахъ цвѣты. Одинъ изъ цвѣтковъ привлекалъ ее необыкновенною своею красотою; въ этомъ мѣстѣ рѣка была мелкая и дно песчаное. Нойола, сбросивъ обувь, вошла въ рѣку, но едва только вступила въ воду, какъ Поклусъ, богъ ада, который съ давняго времени слѣдилъ за нею, схватилъ ее и увелъ въ подземный *Прагарасъ*. Мать, которой принесли ея обувь, догадалась, что дочь ея похищена какимъ нибудь владѣтелемъ на берегахъ Росси. Она отправилась искать ее сначала въ сосѣднихъ странахъ, а потомъ по цѣлому свѣту. Она не могла отыскать своей дочери; но возвратясь изъ путешествія принесла въ Литву сѣмена разнаго рода хлѣба и способъ воздѣлывать землю, которому научила свой народъ. Когда начали истреблять лѣса, наполненные драконами, дабы приготовить землю для посѣвовъ, нашли камень, на которомъ Прамжимасъ (предопредѣленіе) начерталъ неизмѣнную судьбу Нойолы. Прочитавъ надпись, Крумине обратилась съ гнѣвомъ въ царство Поклуса. Тамъ вышла ей на встрѣчу дочь съ множествомъ внучатъ. Царица Крумине провела съ ними нѣсколько лѣтъ, а по возвращеніи въ отечество нашла на берегахъ Росси прекрасныя поля, засѣянныя хлѣбомъ, во всемъ довольство и благосостояніе. Народъ боготворилъ Царицу Крумине.

Къ баснословнымъ героямъ древней Литвы принадлежатъ два исполина Алцисъ и Витолъ, о которыхъ легенды нашелъ Г. Нарбуттъ.

Витолъ или Витольфъ былъ богатырь и вмѣстѣ волшебникъ. Онъ зналъ прошедшее, настоящее и будущее. Цари искали его дружбы и совѣтовались съ нимъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Онъ плавалъ по всѣмъ морямъ на своемъ кораблѣ, разговаривалъ съ мѣсяцемъ, зналъ имена многихъ звѣздъ, наконецъ имѣлъ коня называемаго *Іоджъ* (черный), на которомъ перегонялъ вѣтры. Голова этого коня служила ему иногда убѣжищемъ; однимъ ухомъ онъ входилъ въ нее, а другимъ выходилъ. На пиршествѣ у какого-то Кунигаса (царя), конь его сошелся съ неменѣе прекрасной царской кобылой; но боги, опасаясь, чтобы порода такихъ прекрасныхъ лошадей не размножилась, покрыли ихъ двумя горами, изъ которыхъ одна возносилась надъ другою. Отчаянный Витолъ ушелъ отъ кунигаса и вскорѣ

прибылъ съ войскомъ, чтобы завоевать его царство. Подъ горою покрывавшею его коня, онъ встрѣтилъ дракона *Пукиса*, сразился съ нимъ, убилъ его и забралъ огромныя сокровища, потомъ помирился съ кунигасомъ, потому, что они оба были волшебники.

Алцисъ, исполинъ огромнаго роста и сверхъ-естественной силы, путешествовавшій богатырь, прославился разбоями и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ много добра людямъ, смотря по ихъ заслугамъ. Онъ разрушалъ одинъ цѣлые города, вырывалъ съ корнями старыя и высокія деревья и употреблялъ ихъ вмѣсто жезла въ дорогѣ, бросалъ огромные камни раздробляя ими корабли и уничтожая толпы войскъ. Онъ сражался также съ *Стаубуномъ* или *Дидалисомъ*, то есть: дракономъ, подъ какою то горою, убилъ его и завладѣлъ собраннымъ имъ сокровищемъ. Влюбясь въ дочь какого то владѣльца, отдалъ за нее пріобрѣтенное сокровище и женился на ней. Жена его кромѣ необыкновенеой красоты, одарена была исполинскою силою. Схвативъ быка за рога, перебрасывала его черезъ себя. При всемъ томъ она была слаба въ сравненіи съ Алцысомъ. Онъ ее любилъ чрезмѣрно. Она чесала ему волосы и бороду такимъ большимъ гребнемъ, какъ крыло вѣтренной мельницы. Въ путешествіяхъ садилась ему на плечо. Въ самыхъ большихъ рѣкахъ вода доходила Алцису только до колѣнъ. Онъ путешествовалъ всю жизнь и прославился разными приключеніями.

Въ повѣствованіи о дѣяніяхъ сего Алциса находятъ изображеніе олицотвореній тѣхъ шатавшихся грабителей, которые въ древности нападали на Литву. Его характеръ, странствія, сила, опустошеніе слѣдовавшее за нимъ, все это, будтобы изображаетъ дикіе народы, дѣлавшіе нашествіе на Литву. Женитьба его въ Литвѣ могла означать водвореніе въ Литву какого нибудь дикаго воинственнаго племени, которое потомъ слилось съ побѣжденными въ одинъ народъ.

Съ другой стороны, какъ дѣянія, такъ и имя Алциса приводятъ на память Греческаго Алкида или Геркулеса и обстоятелства ихъ жизни также сходны между собою, какъ разсказъ о Круминѣ и Нойоле съ повѣствованіемъ о Церѣрѣ и Прозерпинѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на древней печати города Вильна изображенъ не Св. Христофоръ, какъ полагаютъ многіе, но именно баснословный Литовскій Алцисъ. Во первыхъ, надпись на сей печати свидѣтельствуетъ, что она дана была городу черезъ 7 лѣтъ послѣ его основанія, слѣдственно, во время язычества, когда Литовцы не могли имѣть никакого понятія о Св. Христофорѣ. Во вторыхъ, самое изображеніе лица и окружавшихъ его предметовъ, удостовѣряетъ, что на печати хотѣли изобразить не кого иного, какъ только Алциса. Въ рукѣ его огромное дерево, которымъ онъ подпирался согласно съ легендою; вода въ рѣкѣ, черезъ которую онъ проходитъ, недостигаетъ его колѣнъ, а между тѣмъ, вблизи, на тойже рѣкѣ, видѣнъ корабль съ мачтами. Св. Христофоръ не могъ бы пройти въ бродъ по такой рѣкѣ, по которой плаваютъ корабли. Ребенокъ сидящій на плечѣ его есть не кто иной, какъ жена его, о коей упоминается въ легендѣ, что она

казалась въ сравненіи съ нимъ ребенкомъ и что въ походахъ она садилась на плечо его.

Изовсѣхъ преданій Литовскаго народа, самымъ примѣчательнымъ, почитается преданіе о Вайдевутѣ и братѣ его Брутенѣ. Преданіе это въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ принимаемо было за неоспоримый фактъ, и древніе Литовскіе дѣеписатели, помѣщали его въ своихъ лѣтописяхъ рядомъ съ происшестіями не подверженными ни какому сомнѣнію. Теперь уже не вѣрятъ подвигамъ Брутена, ни Вайдевута, ни сына его Литво, сомнѣваются даже въ ихъ существованіи, а дѣянія ихъ приписываютъ цѣлымъ народамъ и плодамъ вѣковыхъ ихъ усилій и переворотовъ. Во всякомъ случаѣ это преданіе объясняющее соединеніе Литовскаго племени съ иноземными наѣздниками, переходъ изъ жизни дикой въ нѣкоторую степень гражданской образованности, введеніе религіи и учрежденіе іерархіи, наконецъ раздробленіе Литовскаго племени на 12-ть поколѣній, составляетъ предметъ, если недостовѣрный, то по крайней мѣрѣ, любопытный. Мы предлагаемъ это преданіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно помѣщено у древнѣйшихъ лѣтописцевъ Литовскихъ, съ нѣкоторыми объясненіями сдѣланными новѣйшими изслѣдователями Литовской старины.

Въ VI столѣтіи по Р. Х. предки Лотышей, слѣдственно и Литовцевъ, занимали страну на югъ отъ Балтійскаго моря, между рѣками Вислою и Нѣманомъ. Страна эта именовалась нѣкоторыми географами *Ульмигеріей*. Находясь въ сосѣдствѣ съ Мазовіей, Ульмигеры претерпѣвали отъ Мазуровъ частыя нападенія, и наконецъ будучи покорены ими, принуждены были платить имъ постыдную дань, состоявшую изъ нѣкотораго числа юношей. Въ тоже время Скандинавскіе выходцы поселились въ Ульмигеріи, слились въ одно цѣлое съ обитавшими тамъ Аутохтонами и построили на ихъ землѣ множество укрѣпленныхъ городовъ, или замковъ. Ульмигеры платили безъ ропота вынужденную Мазурами дань, и даже считали за честь, что иноземный Государь забиралъ у нихъ самыхъ красивыхъ дѣтей и уводилъ ихъ съ собою; но иначе на это смотрѣли прибывшіе Скандинавы. Они представляли Ульмигерамъ эту дань, какъ признакъ подданства и неволи и склоняли ихъ къ сокрушенію цѣпей наложенныхъ иноземцами. Между ними явились два мужа, Брутенъ и Вайдевутъ. Они созвали старѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей въ народѣ, на общій совѣтъ, въ которомъ опредѣлено выбрать одного вождя. Выборъ палъ сначала на Брутена, но какъ онъ жизнь свою посвятилъ служенію богамъ, то по его совѣту выбранъ былъ королемъ и начальникомъ Скандинавовъ братъ его Вайдевутъ, мужъ одаренный необыкновеннымъ умомъ и великими качествами. Любопытна рѣчь Вайдевута, приведенная Стрыйковскимъ въ разсказѣ, объ этомъ событіи, написанномъ съ свойственною сему Лѣтописцу плодовитостію. „Еслибы," говорилъ Вайдевутъ народу, „вы не были глупѣе вашихъ пчелъ, то меж-„ду вами не былобы никакого безпорядка. Вы знаете, что пчелы имѣ-„ютъ Короля, котораго приказаніямъ повинуются, который рѣшаетъ

„ихъ споры, и каждой изъ нихъ опредѣляетъ приличную работу, кото-„рый непослушныхъ, празднолюбцевъ, лѣнивыхъ и безполезныхъ выго-„няя изъ ульевъ,— наказываетъ, по приказанію котораго всѣ занимают-„ся своею работою, а свои дѣла и споры оканчиваютъ. Вы, которые „видите это каждый день, послѣдуйте ихъ примѣру! Выберите себѣ Ко-„роля, пусть онъ разбираетъ ваши споры, не допускаетъ до убійства, „наказываетъ за воровство, защищаетъ невинность! пусть будетъ одинъ „и тотъ же для всѣхъ безъ исключенія! пусть въ рукахъ его будутъ за-„коны, судъ и верховная власть." Вайдевутъ будучи избранъ вождемъ призналъ, вмѣстѣ съ народомъ, брата своего Брутена равно-сильнымъ начальникомъ и опредѣлилъ на всегда, чтобы ничего не предпринимать безъ его воли и совѣта, во всемъ повиноваться его велѣніямъ и быть ему покорнымъ, какъ богамъ. Какъ объявителю воли боговъ, ему дано титло *Криве-Кривейто*, то есть судья судей. Потомъ Вайдевутъ и Брутенъ постановили единогласно, чтобы ихъ народъ не былъ никому болѣе подвластенъ, не платилъ никакой дани и не давалъ даровъ, и былъ подчиненъ только однимъ богамъ. Вайдевутъ построилъ укрѣпленный городъ Найто или Нойнино находившійся между открытымъ моремъ и Фришгафомъ. Скандинавы, говоритъ Фогтъ, имѣя болѣе свѣдѣній въ военномъ искусствѣ, вскорѣ взяли верхъ надъ Ульмигерами, начали ихъ презирать, преслѣдовать и стѣснять ихъ свободу. Начались раздоры и междоусобія. Ульмигеры взбунтовались, напали на притѣснителей и сожгли болѣе ста ихъ городковъ или укрѣпленныхъ мѣстъ. Вайдевутъ хотѣлъ успокоить возмутившійся народъ, но когда и его перестали слушаться, онъ обратился къ Криве-Кривейту, который созвавъ народъ въ Балгу, успѣлъ наконецъ примирить враждовавшихъ. На будущее время сдѣлано было слѣдующее постановленіе: „никто никого презирать не-„имѣетъ права, ниже принуждать противу воли къ работѣ. Если кто бу-„детъ нуждаться въ помощи другаго, долженъ пріобрѣсти ее дружески „подаркомъ, просьбою, или инымъ какимъ либо кроткимъ средствомъ. „Благороднымъ будетъ почитаемъ только тотъ, кто отличится благо-„родными дѣйствіями,— опередитъ другихъ борзыми конями, и пріобрѣтетъ „славу на войнѣ; иначе, одни только имемена и прозванія будутъ раз-„личать Ульмигеровъ отъ Скандинавовъ."

Успокоивъ такимъ образомъ умы, Криве-Кривейто, на томъ же съѣздѣ въ Балгѣ, далъ народу законы, долженствовавшіе преобразить домашнюю жизнь, нравы и обычаи народа. Самое важнѣйшее изъ его постановленій клонилось къ утвержденію одной религіи въ народѣ, а потому опредѣлено: „чтобы никто безъ вѣдома Криве-Кривейта не покла-„нялся новымъ богамъ, и чтобы изъ чужихъ земель не приносили въ „Литву чужихъ боговъ. Народу опредѣлено поклоняться только тремъ „богамъ: Атримпосу, Перкуну и Поклусу" (нельзя не замѣтить здѣсь сходства этихъ божествъ, раздѣлившихъ между собою обладанія міромъ, съ Греческими: Нептуномъ, Юпитеромъ и Плутономъ). Именемъ этихъ божествъ предоставлена власть Криве-Кривейту и его преемникамъ, кото-

рые одни имѣли право объявлять волю боговъ и посвящать жрецовъ. Должно было имъ повиноваться и бояться ихъ. „Кто это исполнитъ можетъ „надѣяться въ будущей жизни богатой награды, а кто неисполнитъ, бу„детъ преданъ мученіямъ и несчастіямъ. Всѣ сосѣдніе народы покло„няющіеся однимъ съ Ульмигерами богамъ, должны быть любимы и по„читаемы; другіе же, презирающіе Литовскихъ боговъ, и оскорбляющіе „ихъ, должны быть преслѣдуемы огнемъ и мечемъ."

По обнародованіи законовъ и разпущеніи народа, Вайдевутъ и Брутенъ совѣтовались, какъ, посредствомъ религіознаго страха, сохранить единство и согласіе въ народѣ, и рѣшили основать *Ромове*. Брутенъ нашелъ на прекрасномъ лугу огромный толстый и развѣсистый дубъ, который, какъ говоритъ преданіе, былъ вѣчно покрытъ зелеными листьями. Тамъ онъ снова собралъ народъ и объявилъ, что боги выбрали это мѣсто для пребыванія между своимъ народомъ. Показаны были народу три истукана принесенные изъ Скандинавіи. Народъ, невидавшій никогда истукановъ, пришелъ въ удивленіе, и по приказанію Брутена поставилъ ихъ, съ великими почестями, въ трехъ нишахъ выдолбленныхъ въ дубѣ. Тогда Вайдевутъ объявилъ имъ волю боговъ, которая повелѣвала, чтобы новые пришельцы, и старые жители жили между собою въ согласіи, и обходились другъ съ другомъ братски. Онъ представилъ имъ, какъ слѣдствія братскаго согласія, побѣды надъ непріятелемъ, богатую добычу и славу; тѣмъ же, которые бы пренебрегали велѣніями боговъ, грозилъ страшными муками отъ злыхъ духовъ, войною, нашествіемъ сосѣдей, порабощеніемъ и проч. Потомъ приказалъ народу оставаться въ продолженіи ночи близь посвященнаго дуба, дабы, на другое утро, объявить ему волю боговъ. Ночью, густыя тучи покрыли небо, молнія и громъ устрашили народъ, утромъ однакожъ небо прояснилось и солнце взошло во всемъ блескѣ. Брутенъ, явясь къ народу, сказалъ: „Вы „слышали, какъ въ прошедшую ночь, наши боги, громовымъ голосомъ „Перкуна, разговаривали со мною, и приказали мнѣ объявить вамъ, что„бы впредь на этомъ мѣстѣ, только близь священнаго лѣса, вы призна„ли ихъ пребываніе и приносили имъ жертвы. Но только избранные „жрецы (Вайделоты) будутъ подносить богамъ предлагаемые дары, а по„тому они и будутъ жить вблизи этаго мѣста. Страна эта, которую „намъ дали боги, будетъ съ этихъ поръ именоваться моимъ именемъ, „то есть страною Брутеновъ, дабы такимъ образомъ новые пришельцы „вполнѣ слились со старыми обитателями, изгладилась въ народѣ всякая „разница между жителями и споры на всегда прекратились, наконецъ „боги повелѣваютъ, чтобы это мѣсто именовалось *Рикайта или Ро„мове*"

Эти-то дѣйствія, описанныя въ легендѣ, новые историки приписываютъ не одному лицу, а цѣлымъ народамъ, и заключаютъ, что они должны были совершиться не единовременно, а въ продолженіи многихъ лѣтъ и послѣ большихъ переворотовъ. Завоеваніе Скандинавовъ и первыя ихъ поселенія въ Литовскихъ земляхъ, нашествіе Мазуровъ, наложенная дань,

выборъ вождя, споръ Скандинавовъ съ Аутохтонами произошли не вдругъ, а соединеніе побѣдителей съ побѣжденными одними нравами, обычаями, вѣрою и именемъ немогло по ихъ мнѣнію совершиться приказаніемъ или волею одного человѣка, какою бы силою онъ непользовался въ народѣ, а совершалось съ теченіемъ времени, исподоволь, постепенно. Но обратимся къ легендѣ. Мѣсто на которомъ заложено Ромове недостаточно опредѣлено историками, одни полагаютъ его въ Надравіи, другіе въ Натангіи, иные въ Галиндіи, а нѣкоторые на берегу Самландіи. Всѣ эти области находились въ предѣлахъ нынѣшней Пруссіи, между рѣками Нѣманомъ и Вислою, гдѣ, въ то время, обитала самая значительная часть предковъ Литовскаго народа.

Между тѣмъ, Князь Мазовецкій не получая нѣсколько лѣтъ обыкновенной дани и безпокоясь о заведеніи новаго порядка вещей между Ульмигерами, или (какъ уже теперь будемъ ихъ называть) Брутенами, Пруссами, отправилъ къ нимъ посольство съ требованіемъ немедленнаго удовлетворенія; но получилъ отвѣтъ, что это не была дань, а добровольный даръ отъ сосѣдей, и что они, какъ народъ независимый, несчитаютъ себя обязанными платить ему дань; если же Мазовецкій князь считаетъ это за должную дань, то они требуютъ возвращенія подаренныхъ ему людей. Князь, котораго преданіе именуетъ Андзиславомъ (Венцеславъ, Владиславъ, у иныхъ Антоній) собралъ сильное войско, и вспомоществуемый Чимбехомъ, Королемъ Роксолановъ, вышелъ противу Пруссаковъ. Вайдевутъ вооружилъ народъ и сталъ на границѣ для защиты отечества. Произошло сраженіе, въ которомъ Пруссаки были совершенно побѣждены. Мазуры имѣли многочисленную конницу вооруженную мечами и луками, противъ которыхъ длинныя и тяжелыя палицы Пруссаковъ, немогли имѣть никакого дѣйствія. Мазуры вошли въ предѣлы Пруссіи, забрали множество прекрасныхъ юношей, увели стада и ограбивъ великую часть края, съ множествомъ плѣнныхъ и богатою добычею, возвратились въ отечество. Но между тѣмъ множество юношей, данныхъ прежде Мазурамъ, убѣжало къ Пруссакамъ. Изучивъ у Мазуровъ военное искусство и способы управлять оружіемъ передали оныя своимъ соотечественникамъ, и когда Пруссаки переняли ихъ совершенно, Брутенъ и Вайдевутъ собрали народъ въ Ромове и объявили ему, по принесенной жертвѣ, что боги повелѣваютъ ему отомстить Мазурамъ за нанесенный стыдъ ихъ оружію и вступить въ новую битву съ ихъ владѣтелемъ. Угощеніе въ Ромове усугубило мужество въ народѣ и ревность ко славѣ. Приготовивъ новымъ образомъ устроенное войско, Вайдевутъ вступилъ въ Мазовію, встрѣтился съ Княземъ ея Мазосомъ, которому также помагалъ Король Роксолановъ, разбилъ совершенно обоихъ союзниковъ, которые оба лишились жизни въ сраженіи, опустошилъ непріятельскій край, собралъ огромную добычу и увелъ множество плѣнниковъ. По возвращеніи побѣдителей въ отечество, Криве-Кривейто, созвалъ народъ у священнаго дуба и по принесеніи жертвы, сдѣлалъ постановленіе: чтобы каждая добыча пріобрѣтенная на войнѣ, раздѣляема

была всегда на четыре части. Одна изъ нихъ долженствовала быть отдаваема богамъ покровителямъ, другая Криве-Кривейтѣ и жрецамъ, молящимъ боговъ о низпосланіи побѣды, третья раздѣляема между воинами участвовавшими въ походѣ, а четвертая отдаваема остававшимся въ Государствѣ и защищавшимъ границы онаго.

Вскорѣ потомъ сынъ убитаго Мазоса видя разорѣніе своего Государства, обратился къ Брутену и Вайдевуту прося у нихъ мира. Онъ просилъ позволенія принести жертву ихъ богамъ, приказалъ загнать до утомленія коня, велѣлъ сжечь его на кострѣ, и далъ клятву почитать Прусскихъ боговъ на равнѣ съ своими. А потому заключили съ нимъ миръ. Оба народа, предали забвенію прежнюю вражду, вошли между собою въ торговыя сношенія, Мазуры выдавали дочерей своихъ за Пруссаковъ, и долгое время существовалъ въ той странѣ миръ. По заключеніи мира съ сосѣдями начались внутреннія безпокойствія. Вайдевутъ былъ уже старъ, а между двѣнадцатью его сыновьями возникли споры о наслѣдованіи верховной власти. Брутенъ и Вайдевутъ, имѣвшіе тогда первый 132 года, а второй 116 лѣтъ, созвали старѣйшинъ и народъ въ Ромове и объявили имъ волю боговъ, чтобы край раздѣленъ былъ на 12 частей, чтобы въ каждой назначенъ былъ правителемъ одинъ изъ сыновей Вайдевута и чтобы жители каждой части были вѣрны и послушны тому, подъ управленіемъ котораго будутъ находиться. Тогда Криве-Кривейто призвалъ старшаго сына Вайдевутова, Литво (иные называютъ его младшимъ) и приказалъ ему дать клятву въ повиновеніи первосвященнику и чествованіи боговъ. Клятву произнесъ Литво возложивъ правую руку на голову Вайдевута, а лѣвою прикасаясь къ священному дубу. Ему назначена страна отъ рѣкъ Бойко и Нѣмо (Буга и Нѣмана) до лѣсовъ Тансалю (темныхъ), неизвѣстно гдѣ находившихся. Литво царствовалъ въ этой странѣ, въ которой построилъ въ честь сына своего замокъ Гарто, а владѣнія его начали именоваться Литвою.

Сказка явная. Она свидѣтельствуетъ только, что въ глубокой древности произошло раздѣленіе на 12 частей края, коего цѣлости были представителями Вайдевутъ и Брутенъ.

Являющійся же здѣсь Литво служитъ только доказательствомъ преимущества Литовскаго племени передъ прочими, а можетъ быть и того, что Литва прежде всѣхъ отдѣлилась отъ другихъ единоплеменныхъ народовъ и составила особенное Государство. Повѣствованіе о построеніи *Гарто*, которое нѣкоторые почитаютъ *Гродномъ*, по мнѣніи Г. Крашевскаго, составлено позже, и вшито въ страницы преданія, потому что уже за подлинно извѣстно, что Гродно построено Русинами и несравненно позже.

Такъ точно по свидѣтельству преданія, или лучше сказать, по мнѣнію лѣтописцевъ, сдѣлавшихъ изъ него историческій фактъ, а можетъ быть и передѣлавшихъ его по своему, прочіе сыновья Вайдевута дали названіе остальнымъ областямъ составлявшимъ при отцѣ ихъ единство.

Самодалъ названіе Самогиціи 1), Судо, Судавіи, Надро, Надравіи, Шалявъ, Шалявіи, Натанго, Натангіи, Барто, Бартію, Галиндо, Галиндіи, и проч. преданіе говоритъ, что и по раздѣленіи Государства Вайдевутъ оставался еще верховнымъ правителемъ и вождемъ; но когда вмѣстѣ съ братомъ своимъ Брутеномъ онъ добровольно принесъ себя въ жертву богамъ и сгорѣлъ на кострѣ поставленномъ близь священнаго дуба, каждая область составила отдѣльное Государство и управляема была особеннымъ вождемъ. Можетъ быть это кратковременное существованіе Вайдевута по раздѣленіи Государства есть олицетвореніе воспоминанія о его первобытной цѣлости и одинаковомъ происхожденіи его жителей, которое сохраняло миръ и согласіе между отдѣльными Государствами, происшедшими отъ его раздробленія. Ослабленіе этаго воспоминанія, по видимому, изображаетъ костеръ Вайдевута и Брутена, на которомъ, какъ выразился Г. Крашевскій, сгорѣло духовное и политическое единство древней Литвы. Любопытно одно обстоятельство въ законодательствѣ приписываемомъ Вайдевуту и Брутену, въ которомъ встрѣчается сходство съ закономъ Ликурга объ увѣчныхъ, и громко вопіетъ противу нравственности и человѣколюбія тогдашнихъ Литовцевъ. Законъ этотъ предписывая хозяевамъ содержать такое только число работниковъ, какое нужно для приведенія къ окончанію хозяйственныхъ работъ, повелѣваетъ лишнихъ продать или перебить, а также истребить всѣхъ увѣчныхъ и неспособныхъ къ работѣ. А что всего оскорбительнѣе для человѣчества, дано было право сыновьямъ умерщвлять престарѣлыхъ и лишавшихся возможности работать родителей, чтобы напрасно хлѣба неѣли. Въ этомъ отношеніи Литовскіе законодатели простерли неумѣстную ревность свою къ мнимой пользѣ всего общества еще далѣе Ликурга. Ко времени ихъ существованія относятъ также законъ повелѣвающій каждому гражданину имѣть не болѣе одной жены.

Преданія историческія.

Изъ собственно Литовскихъ преданій самое древнѣйшее есть преданіе о Палемонѣ и Немонѣ, также о Геллонѣ, о которомъ повѣствованіе первый извлекъ Г. Нарбуттъ изъ рукописи XV вѣка. Полагаютъ, что это имя изобрѣтено для фамиліи Ягеллоновъ, тѣмъ болѣе, что и рукопись начитается панегирикомъ. Во всякомъ случаѣ повѣсть о Геллонѣ составляетъ предметъ любопытный. Въ древнія времена жили какіе-то людоѣды, которые нападали на Литовцевъ съ сѣвера и востока Раззореніе и опустошеніе знаменовали каждый шагъ этаго народа. Наѣздники забирали въ плѣнъ людей и загнавши ихъ на берегъ сѣвернаго озера, тамъ пожирали плѣнниковъ и кости ихъ укладывали въ огромныя

1) Мѣстные жители никогда не называли этой области Самогиціей, а Жомойтъ, Жемойтенъ, Жмудь; что значило низшій край. Слѣдственно названіе это очевидно не могло происходитъ отъ баснословнаго Само.

пирамиды въ честь своихъ боговъ. Наконецъ возсталъ богатырь сынъ Елоны или Иглины (Еловый лѣсъ) именуемый *Геллонъ*, онъ побѣдилъ и истребилъ совершенно людоѣдовъ. Преданіе говоритъ, что отецъ его былъ одинъ изъ боговъ, а мать жрица. Потомки Геллона жили въ приморской странѣ и пользовались необыкновеннымъ уваженіемъ. Когда Скандинавы овладѣли Жмудью, преемники славы Геллоновой погибли въ бояхъ на морѣ и сушѣ. Изъ нихъ остался одинъ только кунигасъ Иминусъ, котораго въ младенчествѣ отвезли къ союзнымъ Литвѣ Дреговичамъ. Онъ жилъ въ городѣ Игменѣ гдѣ пребывали и его потомки. Въ XII вѣкѣ, во время завоеваній Игора (?), внукъ Имина, Гланиминъ Дормимундовичъ переселился снова въ Литву. Сынъ его Сутинкъ имѣлъ владѣнія на Жмуди, сынъ Сутинка Лютаворъ былъ, какъ полагаютъ, дѣдомъ Гедимина.

Все это ничто иное какъ преданіе, и преданіе, темное, принявшее видъ повѣствованія подъ перомъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, желавшихъ польстить потомкамъ Гедимина, выводя родъ его отъ великаго человѣка, которому приписываютъ даже божеское происхожденіе, а по сему преданіе это неможетъ ни въ какомъ случаѣ служить историческимъ свидѣтельствомъ. Начало его составляетъ просто сказку, не смотря на объясненія новѣйшихъ лѣтописцевъ, ссылающихся на найденныя кучи человѣческихъ костей на берегахъ чернаго моря, которое иные именуютъ озеромъ. Повѣствованія же лѣтописцевъ о Гедиминѣ, такъ различны и такъ противурѣчатъ одно другому, что происхожденіе его отъ Лютавора невозможно почитать иначе, какъ натянутымъ или произвольнымъ.

Перейдемъ теперь къ главному Литовскому историческому преданію о *Палемонѣ*.

О времени прибытія Палемона въ Литву существуютъ три мнѣнія. Первымъ изъ нихъ полагается прибытіе Палемона съ 500 Римскихъ всадниковъ изъ Италіи въ Литву за 50 лѣтъ до Р. Х., вторымъ опредѣляется такое прибытіе его около 57 л. по Р. Х., а третьимъ уже въ V вѣкѣ во время нашествія Атиллы на Италію. Стрыйковскій выбралъ изъ нихъ первое, чтобы Литовскую шляхту сдѣлать какъ можно древнѣе. Воспользовавшись сказаніемъ Длугоша о Римлянинѣ Виліи, и повѣстію Флора и Публіѣ Либонѣ, прибывшихъ якобы изъ Италіи въ Литву, произвелъ отъ перваго названіе рѣки Виліи и города Вильна, а отъ втораго рѣки Либы и города Либавы, и подкрѣпляя мнѣніе свое догадками и натянутыми заключеніями составилъ повѣствованіе свое о Полемонѣ и прибывшихъ съ нимъ Римлянахъ. Нарбуттъ полагаетъ, что спутники Палемона были возвращавшіеся Герулы; въ другомъ же мѣстѣ находившемуся въ ихъ числѣ Немону приписываетъ Скандинавское происхожденіе. Въ Польшѣ, во времена Длугоша, преданіе это едва было извѣстно. Ни Длугошъ, ни Мѣховита непризнаютъ его достовѣрнымъ. Говоря о Литвѣ, они, упоминаютъ объ немъ, какъ о глухой вѣсти.

Въ послѣдствіи явился новый писатель, желавшій вымыслу Стрійковскаго дать болѣе вѣроятности,— это былъ Кояловичъ. Онъ несмѣлъ еще вовсе оспаривать похода Италіянцевъ въ Литву, котораго доказательство хотѣли видѣть въ языкѣ и религіи Литвы, необъяснялъ вліянія Римлянъ, происходившаго отъ сношеній съ ними Литовцевъ, по предмету торговли янтаремъ; несмѣлъ подставить вмѣсто Римлянъ Геруловъ возвращающихся къ одноплеменнымъ Литовцамъ, ни Норманновъ, которыми въ то время не много занимались; но предлагаетъ слѣдующій выводъ: такъ какъ третій преемникъ Палемо́на былъ Зивибундъ, жившій около 1200 года по Р. Х., а потому не можетъ быть, чтобы Палемонъ существовалъ за 50 лѣтъ до Р. Х., ни въ 57 л. по Р. Х., ни даже въ V столѣтій во время Атиллы; произшествіе это должно было случиться около 900 г. по Р. Х. Это могло быть вскорѣ послѣ 900 года, когда Италія раздираема была внутреннею войною Беренгера съ Лудовикомъ; когда Папа долженъ былъ искать пристанища въ Равеннѣ, а Ѳеодора располагала Италіею. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ предлагаетъ себѣ вопросъ: почему эти выходцы шли не въ иную страну, а именно въ Литву? на это онъ же отвѣчаетъ: потому, что туда вели ихъ Аланы, древніе выходцы изъ Литвы. Шлецеръ принявшій мнѣніе Кояловича, предлагаетъ также весьма важный вопросъ: такъ какъ въ 900 году Италія вся уже исповѣдывала христіанскую вѣру, то какимъ образомъ эти выходцы могли выйти оттуда идолопоклонниками, и принесли съ собою въ Литву языческіе обряды? но на это самъ же отвѣчаетъ, что въ дикихъ и неприступныхъ мѣстахъ Альпійскихъ горъ, могло сохраниться идолопоклонство и до 900 года (!!). Чтожъ бы тамъ дѣлали воинственные Аланы, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ? и кто, изъ этихъ неприступныхъ мѣстъ, могъ ихъ выгнать?— впрочемъ Шлецеръ согласился, отнести Палемона къ X вѣку, говоря, что какъ Палемону, такъ и Св. Владиміру, приписываютъ покореніе Ятвяговъ, около 970 года.

Нарушевичъ хотя напоминаетъ о Аланахъ, которые во времена Атиллы могли переселиться на прежнія мѣста жительства и принесли съ собою нѣкоторыя латинскія слова, обряды религіи, обычаи, но онъ говоритъ объ этомъ предметѣ съ величайшею осторожностію, представляетъ его невѣрнымъ преданіемъ, и по видимому, нехочетъ только оспаривать мнѣнія прежнихъ писателей.

Никто изъ нихъ не хотѣлъ видѣть въ упомянутыхъ выходцахъ Скандинавовъ, которыхъ слѣды завоеваній столь явны и которыхъ имена, такъ часто, такъ долго носили Литовскіе Князья. Скандинавамъ было легче нежели какому либо иному народу приплыть на лодкахъ вверхъ по Нѣману, Дубиссѣ и Виліи въ глубину Литвы. Именно въ X. вѣкѣ они славились отважными и отдаленными походами, нападеніями и завоеваніями. Скандинавы были въ то время язычники, и такое же язычество сообщили завоеванному народу. Самъ Криве-Кривейто выбранъ былъ, по замѣчанію новѣйшихъ писателей, по образцу Упсальскаго первосвященника. Образъ правленія князей или кунигасовъ, удѣльная си-

стема, престолонаслѣдіе старшаго въ родѣ, были точно такіе, какъ и въ сосѣдственной Россіи, гдѣ царствовавшая династія была Скандинавскаго происхожденія. Однимъ словомъ, все, что осталось вѣрнаго по сему предмету въ исторіи Литвы, свидѣтельствуетъ неоспоримо въ пользу Скандинавовъ, а не Римлянъ, ни Алановъ и даже Геруловъ, которые не могли ничего подобнаго внести съ запада въ Литву, въ особенности въ X. столѣтіи.

Въ XV. столѣтіи лѣтописцы начали составлять изъ преданій отдѣльныя повѣсти, чтобы польстить тщеславію князей и знатныхъ выводя древность ихъ рода. Длугошъ хотя и упоминаетъ о Италіянскихъ выходцахъ, но говоритъ о семъ предметѣ, какъ о темномъ народномъ преданіи, не сказавъ ни однаго слова о Палемонѣ. Еслибы до XV вѣка существовала вѣрная вѣсть о Палемонѣ, то Длугошъ непремѣнно помѣстилъ бы ее въ своей лѣтописи. Видно, что уже не прежде, какъ въ XV. вѣкѣ какой нибудь лѣтописецъ произвелъ на свѣтъ Палемона, Довшпрунга и другихъ, дабы произвести отъ нихъ родословные выводы для Литовской шляхты. Стрыйковскій нашелъ это сказаніе въ лѣтописи, принялъ его по своему за фактъ неподверженный сомнѣнію, а примѣшавъ къ нему неосторожно еще кое что свое, ввелъ все это въ исторію.

Писатели старавшіеся ввести въ исторію Палемона и его товарищей, присоединили къ повѣствованію объ нихъ обстоятельсто, явно обнаруживающее натяжку ихъ выводовъ и составляющее совершенный анахронизмъ. Они даютъ Палемону, Довшпрунгу и даже Геллону— гербы (!!). Если время прибытія ихъ опредѣляютъ въ X. вѣкѣ, то и тогда появленіе гербовъ въ Литвѣ былобы необыкновеннымъ событіемъ; ибо они вошли въ употребленіе въ западной Европѣ гораздо позже. Что же сказать о гербѣ Палемона если отнесемъ его ко временамъ Августа или Нерона и даже Атиллы, когда о гербахъ ни кто еще неимѣлъ понятія? Употребленіе гербовъ въ Литвѣ началось съ Городельскаго акта (1413). Видно не прежде, какъ около того времени и обработано было преданіе о Палемонѣ, когда Литовцы почувствовали важность гербовъ и древняго дворянства, и когда хотѣли чѣмъ нибудь сравниться съ Польскою шляхтою, выказывая свои собственные гербы и древность дворянства, а не заимствуя ихъ отъ Польши. Нарбуттъ собравши въ своей исторіи все, что когда нибудь сказано было о Палемонѣ, обясняется слѣдующимъ образомъ: существованіе Палемона кажется неоспоримо. Близь устья Дубиссы находится круглый холмъ, на которомъ видна насыпь или слѣдъ, древняго городища называемаго *Палемоніи-Калнасъ*, (Палемонова гора). Находили также (это впрочемъ сомнительно) имя Палемона на монетахъ на Литовскомъ языкѣ. Можно было бы объяснить это имя, но не легко, и при томъ съ перемѣною буквъ. Кажется, что это имя будучи Нормандскаго происхожденія, передѣлано, а прежде совершенно иначе было произносимо.

Существуетъ еще Самогитское преданіе о приплывшихъ завоевателяхъ, но странно, что этимъ пришельцамъ влагаютъ въ уста Литовскій языкъ.

Пловцы прибыли изъ за моря, и плыли вверхъ по Нѣману, достигши устья Дубиссы узнали о прорицалищѣ находящемся въ этомъ мѣстѣ, и радуясь, что отыскали къ нему путь, запѣли: *„Шерадомъ!"* (здѣсь нашли)— это возклицаніе было причиною названія того мѣста Шерадзѣ, что нынѣ мѣстечко Средники.

Проплывши мимо, вверхъ по Дубиссѣ, вышли на берегъ для отдохновенія, сказавъ: *Чекишкомъ знока* (воткнемъ знамена) это подало поводъ къ названію мѣстечка Чекишки, существующаго по нынѣ. Потомъ поплывъ далѣе Дубиссою вошли въ неизмѣримыя пустыни, гдѣ встрѣчая множество препятствій къ дальнѣйшему путешествію, говорили *Ей ирагаласъ* (нѣтъ конца). А потому это мѣсто названо *Ейрогола*, гдѣ нынѣ мѣстечко того имени. Но когда доплыли наконецъ до мѣста, гдѣ надѣялись достичь предначертанной цѣли, запѣли пѣснь, означавшую, что уже есть конецъ: *Бетъ ира галасъ*, отъ чего получило названіе выстроенное тамъ мѣстечко *Бетыгола*. Вождь этихъ плавателей былъ, по преданію, Немонъ. Говорятъ, что ему воздаваемы были божескія почести и что имени его посвященъ былъ храмъ въ Немонайцяхъ, по видимому, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится село того же имени, въ Трокскомъ уѣздѣ, и гдѣ видны слѣды насыпей и кургановъ. Справедливо заключаетъ Г. Нарбуттъ, что Немонъ могъ дать свое имя рѣкѣ, такъ какъ, можетъ быть, онъ первый изъ иноземцевъ проплылъ по ней. Имя Немона Скандинавское, и встрѣчается въ послѣдствіи между потомками Палемона.

Изовсего сказаннаго заключить должно, что Немонъ и Палемонъ составляли одно и тоже существо, тѣмъ болѣе, что путь Немона вполнѣ сходенъ съ путемъ совершеннымъ, по сказанію лѣтописцевъ, Палемономъ, и что Немонъ, какъ показываетъ его имя, былъ происхожденія Скандинавскаго, какъ видно изъ приведеннаго отрывка: „Немонъ прибылъ съ товарищами въ Литву, покорилъ ее, построилъ укрѣпленныя мѣста и далъ начало роду Литовскихъ кунигасовъ, или владѣтелей." Такимъ образомъ соединяются въ одно и подтверждаются два преданія, что Норманны или Скандинавы были основателямя первыхъ укрѣпленныхъ городовъ въ Государствѣ и ввели новый общественный порядокъ. Тоже самое подтверждаетъ вышеприведенное преданіе о Вайдевутѣ.

Эти то Скандинавы подвигаясь на лодкахъ по теченію рѣкъ во внутренность края, поселились въономъ, распространяя свои завоеванія. Они основали сначала укрѣпленные замки на прибрежныхъ высотахъ. Многіе кунигасы, такъ называемые Прусскіе Ройксы, и удѣльные владѣтели, были ихъ потомки. Въ продолженіи многихъ лѣтъ имена Рингольдовъ, Витольдовъ, Миндовга, Ольгерда, Гедимина (Едимана), свидѣтельствовали о несомнѣнномъ ихъ норманндскомъ происхожденіи. Конечно, это относится не къ народу; но только къ его владѣтелямъ.

Кромѣ Немона и Палемона, которымъ, по древнему Литовскому обыкновенію, воздаваемы были божескія почести, удостоивали таковыхъ же почестей и другихъ кунигасовъ, ихъ потомковъ. Такимъ образомъ бого-

творили Сперу, Пояту, Кѣрнуса и Куковойтиса; а въ позднѣйшее время чтили какъ божество Бируту, жену Кѣйстута, на горѣ близь Полонги, гдѣ она умерла, и погребена. Наконецъ о самомъ Кѣйстутѣ сохранилось преданіе, что подъ костромъ его разверглась земля, и поглотила его остатки.

Преданія миѳологическія.

Прибавимъ еще нѣсколько *миѳологическихъ* преданій, которыя сохранились до сихъ поръ въ Литвѣ и на Жмуди.

Разсказываютъ о богинѣ *Лаумѣ*, которая, сидя въ своемъ алмазномъ крѣслѣ на небесахъ, увидѣла на землѣ прекраснаго юношу и спустивши свой поясъ (радугу), сошла къ нему. Вслѣдствіе этаго свиданія богиня родила сына, который назывался *Мейтусъ* и каждый день сходила по три раза съ неба, чтобы накормить его своею грудью. Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ богъ *Окопирнасъ* открылъ убѣжище дитяти, и негодуя на то, что оно было плодомъ любви Лаумы къ смертному, схватилъ его за ноги и забросивъ въ самую отдаленную высоту небесъ, помѣстилъ между звѣздами въ созвѣздіи *Sietinas.* У самой же Лаумы отрѣзалъ сосцы и изрѣзавъ ихъ въ мелкія части, разсѣялъ по землѣ. По этому Литовцы и Жмудины называютъ *Белемниты* сосцами Лаумы. Радуга, какъ сказано выше, именовалась поясомъ Лаумы. Простой народъ увидя радугу говоритъ, что Лаума на небесахъ прельщаетъ боговъ. Она поступаетъ также предательски и съ людьми, блеститъ издали своимъ поясомъ передъ ихъ глазами, но коль скоро кто нибудь къ нему приблизится, она тотчасъ его скрываетъ.

Съ Лаумою не должно смѣшивать *Лаймы*, которую почитали богинею изобилія. Она показывается людямъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ: въ зеленой, красной и черной. Въ первомъ случаѣ предзнаменовываетъ урожай, во второмъ войну, а въ третьемъ моровую язву.

Каралуни богиня свѣта, была прекрасная дѣва, которой голову украшало солнце. Она носила плащъ усѣянный звѣздами, и застегнутый на плечѣ мѣсяцемъ. Ея улыбка— была утренняя заря, а слезы-алмазы. Когда дождь идетъ при свѣтѣ солнца, то, это значитъ, говорятъ простолюдины, что „*Каралуни плачетъ.*"

Дивевитисъ богъ моря, покровитель плавателей. И теперь еще рыбаки отправляясь въ тихую погоду ловить рыбу въ Балтійскомъ морѣ поютъ пѣсню въ честь Дивевитиса, прося его, чтобы не дозволялъ вѣтрамъ волновать моря и охранялъ ихъ ладьи.

Чельтицы (родъ Греческихъ сиренъ) были тоже морскія богини. Онѣ являлись въ видѣ прекрасныхъ женщинъ одѣтыхъ въ платьѣ тканое чешуей и жемчуговъ, а на головахъ имѣли янтарныя короны. Старшая изъ нихъ называлась Юрата. Всего опаснѣе были онѣ для молодыхъ и красивыхъ мущинъ. Онѣ приманивали ихъ къ себѣ пѣніемъ, а потомъ задушали въ своихъ объятіяхъ и увлекали на дно морское. Что-

бы умилостивить ихъ, рыбаки приносили имъ ежегодно въ жертву по одной изовсѣхъ родовъ рыбъ наловленныхъ въ морѣ.

Кауки были маленькіе домашніе боги, приносившіе чтителямъ своимъ изобиліе. Хозяйки желая приманить ихъ къ своему дому, дѣлали плащикъ изъ одной нитки и закапывали его въ землю подъ угломъ дома. Божества эти обыкновенно надѣвали эти плащики и съ тѣхъ поръ дѣлались слугами дома. Они приносили своимъ чтителямъ въ даръ разныя мелочи, которыя укладывали въ сѣняхъ на приготовленныхъ для сего полкахъ. Хозяева находили часто на этихъ полкахъ деревянныя ложки, перья, а иногда и сухія щепки. Кто принималъ ихъ съ благодартостію, могъ надѣяться всего лучшаго; а кто презиралъ ихъ приношенія, того домъ, Кауки зажигали и сами улетали отъ него. На жертву приносили имъ Литовцы свиныя кишки, начиненныя мукою, смѣшанною съ кровію. Эти дары они выносили имъ ночью и укладывали на томъ мѣстѣ гдѣ зарытъ былъ плащикъ.

Ундины (Славянскія русалки) были водяныя богини обитавшія на днѣ рѣкъ. Въ лунныя ночи онѣ выплывали на поверхность рѣкъ, играли, рѣзвились, пѣли и приманивъ къ себѣ молодыхъ мущинъ помрачали ихъ умъ, а потомъ топили. Сохранилось повѣрье, что молодыя дѣвицы, бросавшіяся въ рѣку отъ отчаянной любви, превращаемы были богами въ ундинъ, дабы отомщать мущинамъ за свою нещастливую любовь и преждевременную смерть.

Медзіойма, дѣвица исполинскаго роста, съ мужскою головою, въ одеждѣ изъ медвѣжьей кожи, съ лукомъ за плечами, почиталась богинею охоты. Мѣсто пребыванія ея было близъ мѣстечка Крожъ, Россіенскаго уѣзда, на горѣ Мѣдзіокалная (гора мѣдзіоймы). Жмудины увѣряютъ, что она и теперь иногда показывается на этой горѣ,— грустная, плачущая, но уже безъ медвѣжьей кожи и безъ лука, и взываетъ къ прохожимъ: „Литва заключается въ лѣсахъ. Истребите лѣса— не будетъ Литвы! истребляйте! истребляйте!"

Ишминтасъ, былъ человѣкъ, одаренный необыкновенною мудростію. Онъ научилъ Литовцевъ стрѣлять изъ лука, сѣять хлѣбъ, и далъ имъ полученныя имъ съ неба законы. Пока они исполняли ихъ, до тѣхъ поръ были счастливы; но вмѣстѣ съ забвеніемъ правилъ, или законовъ Ишминтаса, счастіе ихъ оставило. Неизвѣстно въ чемъ состояли эти законы; но предлагаемъ нѣсколько выраженій сего мудреца, которыя имѣютъ большое сходство съ помѣщенными въ Скандинавской Эддѣ, а можетъ быть оттуда заимствованы.

„Дурное сѣмя всходитъ и безъ посѣву, а доброе, хотябы и посѣянное, не всегда приноситъ плодъ."

„По лицу можно узнать человѣка: узкій лобъ, означаетъ глупца; сквозь широкій лобъ и изъ глазъ налитыхъ кровью, выглядываетъ злость и сладострастіе. Кроткое лице не всегда бываетъ вывѣскою кротости; чаще всего оно бываетъ личиной, подъ которой кроются величайшія злодѣйства."

„Пиво безъ хмѣлю, масло безъ соли, лошадь безъ хвоста, женщина безъ добродѣтели,— ничего не стоятъ."

„Распутство одно только бездѣтно."

„Скорѣе выпьешь воду цѣлаго моря, нежели узнаешъ нравъ женщинъ."

„Хвали день,— ввечеру, женщину,— по смерти, мечь,— испытавъ его, а свою невѣсту,— на другой день послѣ свадьбы." (въ Скандинавской Эддѣ прибавлено: „ледъ— когда по немъ пройдешь; пиво— когда его выпьешь)."

„Не вѣрь женщинамъ, потому что имѣютъ сердца слабыя, а языкъ лживый, готовый всегда произнести клятвопреступныя обѣты" (въ Эддѣ прибавлено: „невѣрь ясной погодѣ, ни усыпленной змѣѣ, ни переломленному мечу, ни сыну богача, ни недавно засѣянному полю)."

„Дружба между прекрасными, но злыми женщинами, тоже, что замки видимыя въ облакахъ."

„Дурака и труса, могутъ любить однѣ развратныя женщины."

„Мудрость, мужество и добродѣтель составляютъ основаніе небеснаго и земнаго блаженства."

Не возможно неупомянуть о Литовскихъ Паркахъ. Ихъ было семь. *Верпантѣй* пряла нить жизни, *Метантѣй* наматывала нитки, *Аудѣтай*, ткала полотно изъ этихъ нитокъ, *Гадютой* пѣснями и разсказами обворажала своихъ сестеръ, и когда онѣ заслушивались, она портила ихъ работу. По этому постигали разныя нещастья того, чья ткань жизни попадалась въ ея руки. *Саргѣтой* вела съ нею безпрерывную брань и препятствовала ей дѣлать зло. Люди избѣгавшіе опасностей и нещастій обязаны были покровительству этой богини. *Нукирптой* пресѣкала ткань жизни, а *Искалѣтой* мыла отрѣзанную ткань и отдавала высочайшему божеству. Изъ этой ткани дѣлаемы были рубашки, которыя умершіе носили по смерти. Этимъ богинямъ посвящены были каменья на берегахъ рѣкъ и ручьевъ. Каждый житель имѣлъ свой отдѣльный камень, на которомъ приносилъ имъ дары. Онѣ чаще всего собирались въ лунныя ночи, садились на каменьяхъ на берегу рѣки и занимались своей работой.

Нельзя еще пропустить безъ вниманія сказки Литовцевъ о происхожденіи кошки. По ихъ преданію одна женщина, которую чрезвычайно безпокоили мыши, и дѣлали большой вредъ въ ея хозяйствѣ, долго и усердно молилась богинѣ Лаумѣ, прося у нея помощи. Лаума тронувшись ея горемъ и молитвою, бросила ей перчатку, которую она обернувши своимъ передникомъ принесла домой. Развернувъ передникъ она уже не нашла перчатки, но вмѣсто ея, явился маленькій звѣрокъ, который тотчасъ кинулся на мышей, и въ короткое время очистилъ отъ нихъ весь домъ. Съ тѣхъ поръ Литовцы называли кошку *перчаткою лаумы*, а современи введенія христіанской вѣры, чтобы неупоминать имени языческаго божества, называютъ ее перчаткою Пресвятой Дѣвы.

ОБЫЧАИ, ПОВѢРЬЯ, ПРЕДРАЗСУДКИ, ПЛЯСКИ, ОБРЯДЫ, ПѢСНИ И ПОСЛОВИЦЫ ЛИТОВЦЕВЪ.

Народонаселеніе Великаго Княжества Литовскаго состояло преимущественно изъ двухъ племенъ, — собственно Литовскаго и Русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что по завоеваніи Литовцами Русскихъ сопредѣльныхъ Княжествъ, завоеватели приняли отъ побѣжденныхъ множество такихъ предметовъ, которые усиливали безпрерывно связь между двумя поколѣніями и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ могли бы слить ихъ въ одинъ народъ. Литовцы усвоили себѣ русскія письмена, чиноположеніе, и многія формы управленія. Русскій языкъ сдѣлался въ Литвѣ *дипломатическимъ*. Но съ другой стороны и то не подвержено никакому сомнѣнію, что между природными Литовцами, въ особенности между простолюдинами, собственный ихъ языкъ никогда не выходилъ изъ употребленія. Неоспоримымъ тому доказательствомъ служитъ то, что этотъ языкъ сохранился до нашихъ временъ и теперь еще великою частію жителей Литовскихъ губерній употребляется въ общежитіи, молитвахъ, проповѣдяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и т. п. Равнымъ образомъ въ обычаяхъ, обрядахъ, повѣрьяхъ, играхъ и другихъ подобныхъ предметахъ у Литовцевъ находится много оригинальнаго, собственнаго, вовсе несходнаго съ сохранившимися у Русскихъ. Каждое изъ двухъ поколѣній имѣетъ въ этомъ случаѣ много своего собственнаго, отличнаго отъ другаго, происходящаго отъ вліянія совершенно иныхъ обстоятельствъ, однимъ словомъ, изъ другого источника. Здѣсь мы займемся собственно Литовцами, какъ кореннымъ народомъ *собственной Литвы* 1).

Обычаи, повѣрья, предразсудки, игры, пляски, обряды, описаны въ такомъ видѣ, какъ они существуютъ нынѣ; но что касается до пѣсень, то невозможно пропустить безъ вниманія и тѣхъ, которыя вышли уже

1) Въ будущемъ году мы представимъ читателямъ описаніе обрядовъ, повѣрьевъ, пѣсень и пр. *Славянскаго племени* населяющаго б. В. К. Литовское.

изъ памяти народной, и сохранены учеными любителями старины въ ихъ сочиненіяхъ. Пѣсня, есть историческій памятникъ, не говоря о пѣсняхъ героическихъ, составленныхъ на особые случаи, передающихъ потомству подвиги знаменитыхъ людей, а иногда и цѣлаго народа, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ общихъ народныхъ пѣсняхъ, такъ же какъ и въ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ, предразсудкахъ остаются неистертые слѣды, по которымъ безъ-ошибочно можно дѣлать изслѣдованія о характерѣ народа, и его домашнемъ бытѣ, родственныхъ отношеніяхъ, чувствахъ и нравственности. Справедливо замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей Литовской исторіи 1), что древніе лѣтописцы говоря о Литвѣ, не основательно представляютъ жителей ея дикими варварами, темною и безбожною толпою. Литва дала себя знать сосѣднимъ народамъ одною только войною; а во время войны каждый народъ, въ особенности въ прежніе вѣки, являлся дикимъ и жестокимъ. Основываясь на оставленныхъ намъ Литовцами фактахъ, которые дѣлаются достойными вѣроятія не прежде, какъ съ XIII вѣка, не можно вывести вѣрнаго заключенія не только о нравахъ, обычаяхъ, нравственности народа, но даже о самомъ образѣ правленія, власти Кревовъ, Кунигасовъ, вліяніи на дѣла Князей, правѣ наслѣдства, судѣ, расправѣ и проч.? Иные вспоминаютъ о какой то воображаемой республикѣ въ тѣ времена, когда исторія свидѣтельствуетъ о неограниченномъ самодержавіи; другіе толкуютъ о ѳеократическомъ правленіи, въ такое время, когда уже остатки угасающаго язычества мало оставляютъ жрецамъ политическаго вліянія, и когда частое принятіе крещенія и почти безпрерывные брачные союзы съ христіанками показываютъ видимое ослабленіе древней языческой іерархіи. Если бы жажда крови, отмщенія и любовь къ битвамъ дѣйствительно господствовали въ сердцахъ древнихъ Литовцевъ; то эти чувства долженствовали бы непремѣнно отозваться въ памятникахъ народныхъ страстей, добродѣтелей и слабостей, т. е. въ пѣсняхъ. Въ готическихъ или Скандинавскихъ сагахъ видѣнъ въ полной мѣрѣ народъ страстный къ войнѣ. Тамъ на всякомъ шагу бой, кровопролитіе, стукъ оружія, стоны раненыхъ и умирающихъ. Въ Литовскихъ пѣсняхъ видно совершенно противное. Тамъ вѣютъ теплые вѣтры, поютъ дѣвы, цвѣтутъ луга, лиліи и розы; на могилахъ плачутъ осиротѣвшія дѣти; родители — дочери, братъ — брату, подаютъ руки и благословляютъ другъ друга. Любовь необезображена нигдѣ не только безстыдствомъ, но даже неприличіемъ, и ни одна изъ древнихъ пѣсень не оскорбляетъ цѣломудреннаго уха.

---

1) Крашевскій, Litwa T. I. стр. 288.

ОБЫЧАИ, ПОВѢРЬЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ ЛИТОВЦЕВЪ.

Со времени соединенія Литвы съ Польшею обычаи Литовцевъ во многомъ измѣнились. Къ этому еще болѣе содѣйствовало введеніе Христіанской вѣры. Духовенство старалось всѣми силами истребить все то, что только приводило на память древнее язычество Литвы, котораго весьма незначительные слѣды остались еще въ нѣкоторыхъ обрядахъ, играхъ и забавахъ въ извѣстные дни года. Мы упомянемъ въ этомъ мѣстѣ только о немногихъ обычаяхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ имѣющихъ мѣсто исключительно въ одной Литвѣ. Но и въ нихъ встрѣтимъ отчасти сходство съ существующими въ смежныхъ съ Литвою,— Руси и Польшѣ.

Въ день Новаго-года, простолюдины занимаются гаданіемъ, стараясь узнать будущее. Въ числѣ многихъ, существуетъ въ Литвѣ предлагаемый здѣсь особенный способъ гаданія, который употребляютъ обыкновенно дѣвушки, а иногда и женщины. Стараются взять тайно у мужщины какую нибудь вещь, и ложась спать кладутъ ее у себя подъ подушки. Если такую вещь увидять во снѣ, то это считается самымъ благопріятнымъ предсказаніемъ.

Предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воткресеньемъ стараются очистить обыкновенно внутренность избы. Но если этого не успѣютъ сдѣлать до Страстнаго четверга, то съ того дня до самой Пасхи уже не начинаютъ этой работы, боясь, чтобы лежащему во гробѣ Христу не засыпать глазъ. Въ этотъ день охотники стараются застрѣлить какую нибудь дичь изъ новаго ружья, чтобы потомъ не давать промаху. Въ продолженіи трехъ дней предъ Пасхою женщины не занимаются пряжею, и старательно прячутъ веретена и прялки, чтобы ихъ кто нибудь не увидѣлъ, въ противномъ случаѣ это бы вредило во весь годъ скоту.

Въ первый день Свѣтлаго Воскресенья никто изъ дому не долженъ выходить въ гости. Каждый посѣтитель въ этотъ день принимается очень сухо, особенную же непріятность составляетъ для хозяина, когда пожилая женщина пріидетъ просить какой нибудь вещи, или за огнемъ. Зато на другой день начинаются посѣщенія и угощенія.

Св. Георгій почитается покровителемъ охотниковъ. Старая легенда твердитъ, что вмѣсто собакъ онъ употреблялъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей. А потому занимающіеся охотою приносятъ въ день Св.

Георгія въ церковь разныя пожертвованія состоящія изъ домашнихъ животныхъ. Чтобы и бѣдные могли участвовать въ такихъ приношеніяхъ, Настоятели нѣкоторыхъ Костеловъ заказываютъ восковыя фигуры лошадей, коровъ, овецъ и т. п., которыя церковные сторожа продаютъ у входа въ костелъ. Каждый купившій такую фигуру, обноситъ ее сначала нѣсколько разъ около Костела съ молитвою и потомъ кладетъ на Олтарь. Въ день Св. Георгія не должно сучить нитокъ приготовленныхъ для тканья, иначе волки цѣлый годъ будутъ бродить около дома. Также, въ этотъ день дѣвки не должны скакать на доскахъ, чтобы ржаные колосья не припали къ землѣ.

Болѣе всего бдительности должны имѣть хозяева на канунѣ Рождества-Предтечи. Ввечеру этого дня колдуньи отнимаютъ у коровъ молоко. Чтобы воспрепятствовать тому, втыкаютъ въ щели стѣнъ коровника посвященныя вѣтки или прилѣпливаютъ сложенныя крестообразно свѣчки, а иногда варятъ ситко отъ молока, въ святой водѣ, взятой изъ трехъ Костеловъ. Это послѣднее средство подвергаетъ колдунью ужаснымъ мученіямъ. Немогши перенести ихъ, она приходитъ въ домъ, гдѣ варили ситко, и проситъ, чтобы ей дали какую нибудь вещь. Получивъ отказъ, проситъ прощенья и возвращаетъ коровамъ молоко.

Въ самый день Рождества-Предтечи смѣльчаки выходятъ прежде восхожденья солнца въ поле, ложатся на траву, и когда солнце подымается, смотрятъ не выходитъ-ли гдѣ нибудь изъ земли паръ столбомъ. Въ этомъ мѣстѣ несомнѣнно долженъ быть зарытъ кладъ. Ночью ищутъ цвѣта папороти. Объ этомъ подробнѣе сказано будетъ въ описаніи обычаевъ жителей Русскаго происхожденія.

На Жмуди особенное чествованіе воздается Св. Іоанну Непомуцену и Св. Агаѳіи. Нѣтъ почти ни однаго селенія и даже деревни, въ которыхъ не было бы ихъ деревянныхъ изображеній. Св. Агаѳія преимущественно спасаетъ отъ огня. Въ день ея посвящается въ Костелахъ хлѣбъ, который тщательно хозяева сохраняютъ. Во время пожара, кусокъ такого хлѣба обносятъ около горящаго строенія, а потомъ бросаютъ въ огонь, отъ чего пожаръ прекращается. Св. Агаѳія изображается обыкновенно съ хлѣбомъ въ рукѣ.

Въ день благовѣщенія нельзя ни чесать волосъ, ни очищать головы, иначе нельзя будетъ сохранить отъ куръ молодой капусты на грядахъ, которую они всю выклюютъ. Если гусь снесетъ яйцо въ этотъ день, не должно подкладывать его съ прочими, потому что выклюется уродъ.

Въ день Св. Тройцы не оставляютъ разложеннаго на травѣ для бѣленія полотна; въ противномъ случаѣ оно все будетъ въ дырахъ.

Въ день Рождества-Предтечи нельзя идти ни въ лѣсъ за ягодами, ни на луга за травами и цвѣтами. Обыкновенно эти предметы приготовляются на канунѣ этого праздника. Но по захожденіи солнца, парни разбѣгаются по лѣсамъ и лугамъ, откуда приносятъ Свѣтящихся жуч-

ковъ, дѣвушки же не смѣютъ ни на шагъ выйти за ограду двора своего дома, что бы лѣсныя и полевыя страшилища ихъ не перепугали.

Если въ праздники Рождества-Христова, какая нибудь хозяйка, просматривая свои запасы огородныхъ сѣмянъ, похвалилась передъ кѣмъ нибудь; то сѣмена эти, будучи посѣяны дадутъ совершенно иной плодъ: напр. вмѣсто капусты родится рѣпа.

Въ день Рождества-Христова стараются топить печи прежде появленія зари, чтобы воробьи не видѣли выходящаго изъ избы дыму; иначе причинятъ большой вредъ посѣвамъ того хозяина.

До этихъ поръ говорили мы о повѣрьяхъ или предразсудкахъ относящихся къ извѣстнымъ днямъ въ году. Мы найдемъ ихъ несравненно болѣе въ частной жизни Литовцевъ, которой каждое важное обстоятельство, какъ то: рожденіе, крестины, сговоръ, свадьба, похороны, сопровождаются особенными обычаями и окружены множествомъ предразсудковъ. Напримѣръ 1):

Если мать выкупаетъ маленькое дитя передъ ночью, то не должно выливать воды; но поставить ее на всю ночь въ избѣ и уже на другой день утромъ вылить,— иначе это повредитъ ребенку.

Вымывая дѣтскія пеленки, не должно ихъ катать въ каткѣ, но перетирать въ рукахъ; иначе ребенка будутъ часто мучить желудочная боль и вѣтры.

Мокрыхъ пеленъ не должно вывѣшивать для просушки на дворѣ; потому что дурной вѣтеръ можетъ закрасться въ нихъ и повредить дитяти.

Послѣ крещенія ребенка, кума привезши его изъ церкви, передаетъ отцу, который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогѣ. Это называется *освятить дитя черезъ порогъ*.

Когда дитя не перестаетъ плакать ночью, то это значитъ, что оно не накормлено досыта молокомъ матери; а потому надобно положить его за спиною матери; тогда невидимая покровительница дѣтей, которой названіе неизвѣстно, докормитъ его и усыпитъ. Но когда дитя уснетъ, должно его тотчасъ положить въ люльку, иначе, можетъ заспаться до смерти.

Если мать положитъ не осторожно дитя въ ногахъ поперегъ своей постели, то отъ этого можетъ приключиться ребенку рожа, сыпь или другая тому подобная болѣзнь.

Примѣтивъ страданія ребенка, и полагая, что они произошли отъ того, что его сглазили, мать беретъ пальцами правой руки щепотку соли, и обведя рукою три раза около дитяти, плюетъ, а соль бросаетъ въ огонь.

---

1) Ниже означенные повѣрья и предразсудки сообщены Стат. Комитету знаменитымъ историкомъ Литвы, Ѳедоромъ Нарбуттомъ.

Если кто нибудь взглянетъ на ребенка дурными глазами, мать должна надъ малолѣтнимъ три раза чмокнуть, и послѣ каждаго раза плюнуть въ ту сторону, въ которую обратится подозрительный человѣкъ.

Когда дитя умретъ, то дѣлая ему гробъ, не должно употреблять желѣзныхъ гвоздей, потому что въ такомъ случаѣ, въ томъ семействѣ дѣтей уже не будетъ. Также должно собрать щепки оставшіеся отъ сдѣланнаго гроба, и выбросить на улицу, остерегаясь при томъ, чтобы кто нибудь не развелъ ими огня; въ противномъ случаѣ будутъ часто умирать въ томъ домѣ.

При возвращеніи съ похоронъ никто не долженъ оглядываться. Если оглянется изъ проважавшихъ покойника одинъ, то чрезъ недѣлю непремѣнно будетъ другой покойникъ; если двое, то черезъ двѣ недѣли; а если по какому либо нечаянному случаю всѣ оглянутся, то черезъ день или два прійдется опять кого либо хоронить.

Когда беременная женщина тянетъ изъ колодца воду, должна стараться, чтобы вода не вылилась изъ ведра, потому что въ такомъ случаѣ дитя родится калекою.

Если беременная женщина проситъ чего нибудь отъ другой; а та не даетъ ей, то должна бросить въ противную отъ себя сторону камень; иначе мыши прогрызутъ ея одежду.

Если беременная женщина съѣстъ ласточку, то родится слѣпое дитя; если же толкнетъ ногою собаку или свинью, то родившійся ребенокъ будетъ имѣть волоса подобные шерсти этихъ животныхъ.

Чтобы колдунья не отняла у коровы молока, надобно просверлить ей рогъ, залить его ртутью, и отверстіе залѣпить воскомъ.

Если корова въ первый разъ родитъ бычка, то будетъ много давать молока, а если телку, то мало; потому что въ послѣднемъ случаѣ, она задержитъ молоко для дочери.

Когда погаснетъ свѣча горящая передъ больнымъ, надобно примѣчать куда пойдетъ дымъ отъ ней. Если пойдетъ за двери, то больной умретъ, а если разойдется по комнатѣ,— то выздоровѣетъ.

Выгоняя первый разъ на пастбище весною овцы, надобно на порогѣ овчарни положить нѣсколько яицъ. Если овцы ихъ разобьютъ, то стадо уменшится въ продолженіи лѣта, а если яйцы останутся цѣлы, то стадо сохранится и умножится.

Если мышь съѣстъ кусокъ посвященной пасхи, то превратится въ летучую мышь.

Когда чешутъ волосы или очищаютъ голову, то надобно потомъ зачесать волоса къ верху, иначе встрѣтишся съ волкомъ.

Бросая въ землю сѣмена огородныхъ овощей; не должно пересыпывать ихъ изъ правой руки въ лѣвую; въ противномъ случаѣ родится совсѣмъ не то, что посѣяно, а что нибудь иное.

Увидѣвъ первый разъ въ году ходящаго по землѣ аиста, надобно тотчасъ сѣсть на томъ мѣстѣ черезъ которое онъ проходилъ; иначе, въ

продолженіи цѣлаго года, будетъ происходить большой безпорядокъ къ хозяйствѣ.

Когда сова отзывается плачливымъ голосомъ, то кто нибудь захворяетъ; если стонетъ протяжно, предсказываетъ похороны; а если голосъ ея уподобляется плачу дитяти, это значитъ, что скоро незамужная женщина будетъ имѣть потомка.

Когда сорока отзывается сидя на заборѣ, надобно ожидать пріятнаго гостя, когда щебечетъ пролетая мимо оконъ, предсказываетъ не милаго гостя. Иногда сорока насылаетъ домовыхъ, которые по ночамъ ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ. Для предупрежденія этого, надобно убить сороку и повѣсить ее въ конюшнѣ надъ лошадьми. А чтобы шерсть на лошадяхъ не сжилась и чтобы зудъ около хвоста, ихъ не безпокоилъ, надобно такимъ же образомъ употребить убитаго крота.

Крикъ филина считается предвѣстникомъ урожая ржи. Литовцы увѣряютъ, что сколько разъ онъ крикнетъ, по столько талеровъ продаваться будетъ бочка ржи въ продолженіи года.

Воробьи превращаются въ мыши, а мыши въ воробьевъ, судя по времени года и перемѣнѣ въ воздухѣ.

Если пѣтухъ запоетъ въ необыкновенное время, то это предсказываетъ или дурную погоду или несчастіе.

Если услышатъ, что куры заводятъ необыкновенный шумъ, тотчасъ стараются прекратить его; иначе въ домѣ возникнетъ шумъ и ссора.

Если курица отозвется голосомъ подобнымъ пѣтушьему, непремѣнно воспослѣдуетъ какой нибудь убытокъ въ домѣ. Чтобы предупредить бѣду, берутъ курицу и измѣряютъ ею пространство отъ лавки стоящей у стола до порога, перекидывая ее черезъ голову. Если наконецъ она встрѣтится головой съ порогомъ, отрѣзываютъ ей голову, а если хвостомъ, отсѣкаютъ хвостъ.

Если какой нибудь хозяинъ увидитъ весною въ первый разъ трясогуску, обращенную къ нему хвостомъ, то у него въ полѣ выростетъ длинный ленъ, а если головой, то крупная капуста.

Не должно сожигать старой метлы, иначе ястребъ будетъ душить куръ.

Недолжно никому подавать напитка черезъ порогъ, чтобы не возникла ссора.

Обрѣзывая ногти должно обрѣзки бросать въ огонь, чтобы такимъ образомъ сохранить ихъ для важной надобности, когда послѣ смерти прійдется вдираться на крутую и скалистую гору блаженства. Разбросанные не осторожно обрѣзки ногтей сбираютъ злые духи и дѣлаютъ себѣ изъ нихъ шляпки, въ которыя нарядясь смѣются потомъ надъ душами, которыя не сохранивши своихъ ногтей, не будутъ имѣть возможности вдираться на вожделенную гору (явной остатокъ язычества). Въ древнія времена при похоронахъ, сожигали съ тѣломъ умершаго рысьи когти, чтобы облегчить ему путь на гору блаженства.

Невѣста передъ вѣнчаніемъ не должна ни ѣсть, ни пить у себя дома; иначе мыши будутъ дѣлать большой убытокъ въ кладовой, а гус-

ницы въ огородѣ. Если которая нибудь преступитъ это правило, должна на другой день послѣ свадьбы пойти къ сосѣдкѣ, и просить у ней чего нибудь въ займы. Если просьба ея будетъ удовлетворена, то мыши и гусеницы перейдутъ къ сосѣдкѣ. Богобоязливыя женщины, не желая наносить вреда сосѣдямъ, идутъ въ лѣсъ, въ которомъ находится много сухихъ вѣтвей, и громко повторяютъ просьбу свою до тѣхъ поръ, пока какая нибудь сухая вѣтвь не задѣнетъ ихъ за одежду. Тогда уже мыши и гусеницы перейдутъ въ сухой лѣсъ.

Если въ беременную женщину броситъ кто чѣмъ нибудь, то родившееся отъ нее дитя будетъ имѣть непреодолимую охоту брать такую вещь въ ротъ. Всего вреднѣе въ этомъ случаѣ уголь и глина.

Кто разводитъ въ печи огонь не долженъ говорить, ни оглядываться, хотя бы его звали; иначе огонь будетъ выходить изъ печи, и можетъ возникнуть пожаръ 1).

Во время грозы не должно пускать собакъ въ комнату, а въ полѣ не должно укрываться подъ стоящія отдѣльно деревьями,— потому, что громъ есть стрѣла Божія преслѣдующая злыхъ духовъ, которые прячутся отъ нея подъ нечистыхъ животныхъ или упомянутыя деревья.

Если молнія разобьетъ дерево, такъ, что оно засохнетъ, не должно къ нему прикасаться, потому что подъ его пнемъ пригвожденъ молніей злой духъ. Тронувъ такое дерево можно освободить его. Но если дерево разбитое молніей не засохнетъ, то можно употребить его на свои надобности; потому что въ такомъ случаѣ злой духъ ускользнулъ отъ громовой стрѣлы.

Когда отъ молніи загорится домъ, утверждаютъ, что злой духъ спасся и зажегъ строеніе. Если же молнія не сдѣлала пожара, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ побѣды одержанной надъ злымъ духомъ.

Разставленныя въ Костелахъ березки въ день Св. Тройцы, или въ праздникъ Тѣла-Господня тщательно собираютъ, обламываютъ вѣтви и водятъ ими по капустѣ на грядахъ, а потомъ кладутъ въ овинѣ подъ снопами. Это средство предохраняетъ капусту отъ гусеницъ, а хлѣбъ отъ мышей.

Если крестьянинъ собирается на торжище, а кто нибудь попроситъ, чтобы ему купилъ мыла, то ни за что не пойдетъ не посовѣтовавшись съ какимъ нибудь извѣстнымъ знахаремъ или знахаркой; потому, что, какъ преданіе гласитъ, Заблоцкій разорился торгуя мыломъ. Этого правила держатся также нѣкоторые, живущіе въ Литвѣ, Евреи.

ПЛЯСКИ.

Литовцы отъ природы болѣе вялые, чѣмъ живые, и болѣе склонные къ грусти, чѣмъ веселію,— любятъ однакоже пляску, безъ которой, въ иные годовые праздники, а еще болѣе во время свадьбы и въ день

1) Срав.: Dziennik Wil. 1826. I., 188.

окончанія жатвы, ни какъ обойтись не могутъ. Изъ Польши перешли къ нимъ Мазурка и Полонезъ. Послѣдній называютъ Литовцы пляскою *умнаго обмана*. Отъ Нѣмцевъ переняли они Вальсъ, а отъ Русскихъ козачка и бычка. Но сохранились еще собственныя, народныя Литовскія пляски. Какъ то:

Ласточка. Пляска происходитъ на открытомъ мѣстѣ. Парни съ дѣвками становятся попарно въ рядъ. Начинается пѣсня, въ продолженіи которой первая пара повертѣвшись на мѣстѣ проходитъ подъ поднятыми руками второй, третьей и далѣе, за нею слѣдуютъ такимъ же образомъ другія пары. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько разъ пляшущіе образуютъ острый уголъ, котораго одинъ бокъ составляютъ мужчины, а другой женщины, и въ разныхъ направленіяхъ, не измѣняя однакоже формы угла, пляшутъ каждый по своему.

Топоръ (также на открытомъ мѣстѣ). Парни и дѣвки, стоя попарно, образуютъ кругъ. Посрединѣ одна дѣвка стоитъ съ топоромъ въ рукѣ. Коль скоро начнутъ пѣть, пары начинаютъ быстро обращаться около топора. Стоящая посрединѣ дѣвка бросаетъ вверхъ топоръ и кто поймаетъ его въ воздухѣ входитъ въ кругъ и танцуетъ съ самою пригожею дѣвкой. Обернувшись нѣсколько разъ, поймавшій топоръ цѣлуется со своей парой. Потомъ входитъ въ кругъ другая дѣвка; принимаетъ топоръ и пляска начинается по прежнему. Происхожденіе этой пляски должно относиться къ глубокой древности, потому что въ сопровождающей ее пѣснѣ упоминается о языческихъ божествахъ.

Припѣвъ къ этой пѣснѣ:

Станемъ, станемъ плясать,
Сегодня благопріятное время.
Кто пляшетъ, кто забавляется—
Тотъ наше дитя.
Богинь Валдитой
Будемъ просить, о! о!
А богини намъ помогутъ—
Если не сегодня, то завтра.
Сегодня мы пьемъ, гуляемъ,—
Потому что сегодня наше время,
А завтра, кто можетъ предвидѣть—
Куда каждый изъ насъ пойдетъ?—
Смѣло только парни!
Съ дѣвушкой выскочить,
Прижать къ сердцу, сердечку,
Потомъ украсть поцѣлуй.
Ты дѣвушка самая пригожая
Выбери однаго изъ насъ!
Кто самый смѣлый парень,—
Тому брось топоръ!

Съ окончаніемъ послѣдняго стиха стоящая въ кругу дѣвка бросаетъ вверхъ топоръ.

Битва. Эта пляска есть тоже памятникъ древности и составлена вѣроятно во время частыхъ войнъ Литовцевъ съ Крестоносцами. Парни и дѣвки становятся въ кругъ, только не попарно, и начинаютъ плясать живо и шумно, подъ слѣдующую пѣсню:

Плясалъ чертъ
Засучивъ штаны,
Чертовскія подтяжки оборвались,
И штаны опали.
А этотъ чертъ—
Былъ изъ Рижской псярни:
Гадкій ястребъ Нѣмецъ,
Нашей земли врагъ.
Гопъ, гопъ! го, го!
Куятай, балабай!—
Врагъ.
Мы этого Нѣмчика,
Мы этого врага,
Разтрясемъ, разотремъ,
Сдѣлаемъ чистой глиной.
Гопъ, гопъ! го, го!.. и проч.

При восклицаніи гопъ, гопъ! пляшущіе разбѣгаются въ разныя стороны стуча сильно ногами о полъ, и добѣжавъ кто до стѣны, кто до печки бьютъ ихъ сильно кулаками. Наконецъ одинъ добравшись до склада лучинъ забираетъ ихъ сколько можетъ обнять руками и разсыпываетъ по избѣ.

Сапожникъ. Два парня и одна дѣвка, или двѣ дѣвки и одинъ парень, взявшись за руки, пляшутъ перекидывая безпрестанно, то справа, то слѣва находящихся на краяхъ, въ середину промежду другихъ двухъ. Эта пляска неимѣетъ опредѣленнаго времени и продолжается до совершеннаго утомленія пляшущихъ, которыхъ потомъ замѣняютъ другія три лица.

Кукушка. Двѣ пары становятся насупротивъ одна другой. Съ одной стороны впереди дѣвка и съ зади парень; а съ другой впереди парень, а съзади дѣвка. Стоящія на зади высовываютъ подъ тактъ головы изъ за плечъ переднихъ, нѣсколько разъ, потомъ ударивъ въ ладоши бросаются въ середину, хватаютъ другъ друга за руки и повертѣвшись на одномъ мѣстѣ становятся впереди другой пары, которая въ свою очередь повторяетъ туже фигуру.

Подушечка. Порядокъ пляски и смыслъ пѣсни при ней совершенно такіе, какъ у жителей русскаго происхожденія. А потому мы опишемъ эту пляску, когда будемъ говорить о славянскихъ плясках.

Заячекъ. Тоже, что русская *Перепелка.* Пары становятся вкругъ и пляшутъ. Находящаяся въ серединѣ дѣвушка, называемая зайчикомъ, старается вырваться изъ круга, но окружающіе не должны пускать ее, заграждая ей дорогу руками. Кто не осторожно выпуститъ зайчика становится на мѣсто его.

ОБРЯДЫ.

Во время рожденія дитяти и крестинъ. Коль скоро родится дитя, повивальная бабка обмываетъ его самою холодною водою. Это называется обмываніе потомъ Лаумы. На другой день, а чаще всего тогоже самаго дня, отецъ передаетъ дитя кумовьямъ, которые тотчасъ отправляются съ нимъ въ приходскій Костелъ для совершенія обряда крещенія. Пока они возвратятся изъ Костела, родители новорожденнаго приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ на угощеніе, на которое каждый приходящій хозяинъ приноситъ водку, а хозяйка яичницу и жаренныя въ маслѣ булки съ творогомъ. Если кто прійдетъ изъ не женатыхъ и недастъ ничего бабкѣ, то отбираютъ у него шапку или другую какую либо вещь, которую онъ долженъ выкупить. Собираемыя такимъ образомъ деньги предназначены, будтобы, на мыло для ребенка.

Прежде истеченія года современи рожденія, не вкладываютъ рубашки на ребенка, говоря, что ему *довольно еще будетъ времени свой вѣкъ износить,* а окутываютъ его кусками холстины.

Когда у дитяти покажется первый зубъ, родители его сзываютъ гостей на пирушку, въ продолженіи которой молятся и поютъ духовныя пѣсни, дабы возблагодарить Бога сократившаго страданія дитяти, и даровавшаго свѣту трудолюбиваго человѣка.

Кому зубы прорѣзываются безъ боли, тотъ будетъ трудолюбивъ и воспользуется успѣшно плодами трудовъ своихъ.

Родильница должна беречься, чтобы никто не зналъ о постигающихъ ее боляхъ, потому что, по мнѣнію Литовцевъ, она должна страдать за всѣхъ присутствующихъ при рожденіи и знающихъ о ея состояніи.

Въ первые дни послѣ рожденія ребенка, стараются какъ можно менѣе показывать его постороннимъ, въ особенности пригожимъ посѣтителямъ. Красавцы и Красавицы съ давняго времени почитаются между Литовцами болѣе всѣхъ способными къ чародѣйству. Существуетъ даже пословица: „старому лгать, богатому красть, а пригожему колдовать.”

Сватовство и обрученіе. Желающій жениться на какой либо дѣвкѣ, посылаетъ свата къ родителямъ, который обыкновенно приноситъ съ собою водку. Послѣ привѣтствія сватъ садится за столъ, вынимаетъ изъ за пазухи бутылку съ водкой и проситъ подать рюмку. Потомъ пьетъ самъ и потчиваетъ хозяина и все его семейство. Если будущая невѣста узнаетъ о прибытіи свата, то уходитъ изъ избы, чтобы сватъ

не засталъ ея праздною, потому что трудъ составляетъ главнѣйшее достоинство крестьянки. Сватъ приступаетъ къ дѣлу слѣдующею рѣчью: „У стараго Жвирблиса изъ Бутеновъ, есть молодой голубь, ясный какъ мѣсяцъ, жаль только, что нѣтъ для него голубки. Но какой голубь! какой голубь! За горами, за морями, слышали мы, что вы имѣете голубку. Нельзя-ли спустить этихъ голубковъ? Сколько былобы голубочьковъ бѣлыхъ, золотыхъ и алмазныхъ."

Если родители или опекуны дѣвки соглашаются на его требованіе, отвѣтствуютъ: *хорошо! Боже благослови!* а если нѣтъ, то говорятъ: „у насъ нѣтъ никакой голубки." Когда согласятся, выпиваютъ привезенную сватомъ водку, а если нѣтъ должны ему возвратить ее. Въ случаѣ согласія уговариваются со сватомъ, когда онъ долженъ пріѣхать съ женихомъ для назначенія дня свадьбы. По отъѣздѣ свата судьба невѣсты считается рѣшенною. Какова бы она ни была, дѣвка покорятся ей безъ ропота, повинуясь волѣ родителей.

Спустя нѣсколько дней сватъ пріѣзжаетъ съ женихомъ и нѣсколькими молодыми его товарищами. Въѣхавши на дворъ и несходя съ лошадей, пьютъ привезенную водку и поютъ слѣдующую пѣсню:

Когда я ѣхалъ черезъ поле
    И черезъ зеленую рощу,
Черезъ серебряный заборъ,
Черезъ рутяный садикъ.
    Въѣзжая на дворъ
Проводя гнѣдаго коника черезъ ограду,
Стиснувъ его шпорами,
    Стянувъ уздечкой,
Идетъ мать въ коморку
Несетъ пеструю рюмку;
    Прошу гостя въ коморку,
Тамъ увидимся—
Вступая въ коморку,
    Привѣтствуя отца
Отдашь ли мнѣ дочь
    Этой милой осенью?
Отецъ обѣщалъ,
    Мать сказала:
Вотъ сундукъ дочери,
И эта шелковая ткань.
Идетъ дѣвица черезъ дворъ,
Идетъ молодая въ садикъ,
Отпирая дверь,
Обращаясь къ рутѣ:
Когда я сѣяла ее, была весела,
Когда полола, еще веселѣе,

Срывая— загрустила,
Сплѣтая— горько плакала.

Невѣста, примѣтивъ подъѣзжающихъ, одѣвается, украшаетъ голову лентами, и выходитъ пригласить сосѣдей на *запоины;* такъ называютъ окончательный уговоръ. Когда соберутся гости, входитъ невѣста, и примѣтивъ жениха, спрашиваетъ: *какой это врагъ сидитъ?* Тогда женихъ съ товарищами вмѣсто отвѣта поютъ:

Ахъ морозъ, морозикъ!
Холодная зима!
Братъ сѣдлалъ
Гнѣдаго коника.
Ахъ конь мой! коникъ!
Мой вѣрногнѣдой!
Выплывемъ-ли мы,
Изъ Неры, изъ моря!
Коникъ выплылъ,
Изъ Неры, изъ моря,
А братъ тонулъ—
На берегу Юры.
Онъ утопая—
На берегу Юры,
Ухватился,
За зеленую черемху.
О черемха, черемха!
Зеленое деревцо!
Почему ты не зеленѣешь
Зимою и лѣтомъ?—
Когда меня хотятъ срубить
И вѣтви обрубить.
А что вы сдѣлаете
Изъ моихъ вѣтвей?
Что думаете сдѣлать,
Изъ самаго дерева?
Изъ твоихъ вѣтвей
(Будетъ) Зеленая люлька,
А изъ самаго дерева
Пестрая кроватка.
А кого будете качать,
Въ зеленой люлькѣ?
А кого уложите,
Въ пестрой кроваткѣ?
Я самъ лягу,
Въ пестрой кроваткѣ!
Дѣвицу качать буду
Въ зеленой люлькѣ,

На это невѣста отвѣчаетъ тоже пѣснею:

Я не прошу тебя о томъ
Молодой работникъ!
Меня выкачала,
Старая маменька;
Меня выносила
На бѣлыхъ рученкахъ;
Меня забавляла
Золотымъ кольцемъ;
Меня она вымыла,
Чистою водой;
Меня она обтерла,
Шелковымъ платочкомъ.

Потомъ отецъ невѣсты беретъ ее за руку и сажаетъ подлѣ жениха, благословляетъ обоихъ знаменьемъ креста и приказываетъ имъ обмѣняться кольцами. Послѣ этого всѣ встаютъ и поютъ гимны Богоматери. Этимъ оканчивается обрядъ обрученія. На канунѣ свадьбы женихъ еще разъ пріѣзжаетъ въ домъ родителей невѣсты, и привозитъ ей въ подарокъ башмаки. Невѣста приходитъ изъ коморки одѣтая какъ на свадьбу, съ множествомъ лентъ на головѣ имѣя въ двѣ косы заплетенные волосы. Вступивши въ избу, кланяется низко всѣмъ по очереди и принимаетъ отъ каждаго изъ присутствующихъ благословеніе, потомъ садится за столъ подлѣ жениха на первомъ мѣстѣ. По окончаніи трапезы, отецъ невѣсты беретъ деревянный сосудъ наполненный пивомъ, и предъ всѣми присутствующими объявляетъ какое даетъ приданое дочери. Потомъ напившись пива передаетъ чашу жениху, который поклонясь тестю въ ноги, и отвѣдавъ пива отдаетъ сосудъ слѣдующему за нимъ гостю, а тотъ своему сосѣду и т. д. Такое раздѣленіе чаши съ пивомъ служитъ, какъ бы утвержденіемъ заключеннаго договора. Почему въ случаѣ нарушенія условій, Литовцы говорятъ: „я опорожнилъ съ нимъ чашу, а онъ измѣнилъ клятвѣ самой священной для честнаго человѣка.”

Свадьба. Ввечеру на канунѣ свадьбы сбираются въ домахъ жениха и невѣсты родственники и сосѣди ихъ. Жениху сопутствуютъ къ вѣнцу нѣсколько молодыхъ товарищей (дружба), которыхъ число должно быть неменѣе четырехъ и не болѣе двадцати. Онъ сажаетъ ихъ за столъ, потомъ поклонившись отцу и матери и получивъ ихъ благословеніе, самъ съ ними садится. Опорожнивъ нѣсколько чарокъ водки, они встаютъ изъ за стола, и женихъ получивъ снова благословеніе отца и матери, отправляется въ домъ родителей невѣсты. Ему сопуствуетъ дружба, музыкантъ и сватъ, который на этотъ разъ принимаетъ титло маршала. Иногда передъ отъѣздомъ кто нибудь изъ присутствующихъ старцевъ говоритъ рѣчь жениху.

Зимою молодежъ отправляется въ саняхъ, а лѣтомъ верхомъ. Голо-

вы лошадей украшаются павлиновыми перьями, а къ уздечкамъ привязываютъ множество маленькихъ колокольчиковъ. По прибытіи къ дому, гдѣ находится невѣста, они подходятъ къ дверямъ, которыя, на этотъ случай, всегда бываютъ заперты. Тогда маршалъ три раза стучитъ въ двери своей палочкой обвитой лентами, а изъ избы голосъ спрашиваетъ: „*кто тамъ?* Маршалъ отвѣчаетъ: *незваные гости.*

—Сколько васъ тамъ?—

—Сколько лучей имѣетъ заря, сколько песку въ морѣ, сколько капризовъ у барина,— столько насъ молодыхъ, бойкихъ парней, богато одѣтыхъ, сидящихъ на прекрасныхъ коняхъ, говорящихъ сладкія рѣчи.

—А чегожъ вамъ нужно, какого угощенія, чтобы достойно принять такихъ знатныхъ гостей?—

—Намъ нужны: ночлегъ, забава, сладкія рѣчи, кушанье;— и мы и лошади измучены; а потому нужны: для насъ бѣлыя постели, мягкія подушки, тонкія простыни, мягкія перины, снѣжныя полотенца,— для лошадей— конюшни, для шапокъ— гвозди, для кафтановъ— стульчики, для блестящихъ сапожковъ,— чистый вымытый полъ.

- Если ничего болѣе не требуете, все это у насъ найдете,— войдите, во имя Божіе!—

Дверь отворяется и всѣ пріѣхавшіе входятъ въ избу, гдѣ ихъ встрѣчаютъ пѣснею:

Благодаримъ Бога,
За гостей,—
Принесенныхъ съ неба—
Намъ на радость.

Женихъ кланяется каждому низехонько и отъ всѣхъ принимаетъ благословеніе, потомъ совсѣми спутниками садится за столъ. Чрезъ нѣсколько минутъ дружки приводятъ невѣсту одѣтую къ вѣнцу, которая кланяется сперва родителямъ, потомъ каждому гостю, наконецъ проходя мимо пріѣхавшей молодежи и кланяясь каждому изъ нихъ раздаетъ имъ подарки: дружбѣ платочки, а свату и музыканту полотенца. Жениху не кланяется и не даетъ никакого подарка, потомъ садится возлѣ него по правую сторону, а вслѣдъ за нею, рядомъ, дружки. Невѣста должна имѣть въ своей свадебной свитѣ нѣсколькихъ парней, и замужнюю женщину (сватью), которую обыкновенно одѣваютъ въ богатую шапку. Обыкновенный подвѣнчальный нарядъ невѣсты составляютъ: шелковая фалдистая юбка и синій суконный кафтанъ съ красными отворотами. Голова не прикрывается ничѣмъ, кромѣ маленькаго рутянаго вѣнка величиною въ голландской талеръ. Передъ выѣздомъ къ вѣнцу, молодыя кланяются въ ноги родителямъ и принимаютъ отъ нихъ благословеніе На дорогѣ въ Костелъ молодежь поетъ разныя пѣсни и иногда стрѣляетъ изъ пистолетовъ.

Двое изъ дружбы жениха ведутъ невѣсту къ вѣнцу, а жениха двое

изъ спутниковъ невѣсты. По совершеніи вѣнчальнаго обряда женихъ со всею своею свитою возвращается въ свой домъ, а невѣста въ свой.

Ввечеру новобрачный пріѣзжаетъ къ своей женѣ еще съ большимъ числомъ спутниковъ. По прибытіи его маршалъ и двое изъ дружбы выводятъ молодую въ противо-положную сторону избы и принуждаютъ ее снять рутяный вѣнокъ, потому, что она никогда къ нему добровольно не прикоснется и когда другіе хотятъ снять его, противится имъ всѣми силами.

По снятіи вѣнка приводятъ ее къ гостямъ, сажаютъ за особенный столъ, и дружки начинаютъ ей расплетать косы. Въ продолженіи этого дѣйствія она поетъ:

Дочка моя,
    Лилія моя,—
Иди въ рутяный садокъ!
    Тамъ себѣ нарвешь,
    Тамъ себѣ сплетешь
Вѣночекъ изъ зеленой руты.
    Вѣночикъ мой!
    Зеленый мой!
Нѣтъ уже тебя на головѣ.
Снимутъ вѣночикъ
    Надѣнутъ шапочку,
Бремя на головку.
    Бремя для головки
Горесть для сердца,
И всякія заботы.
Вѣночикъ мой,
Зеленый мой
Легокъ на головѣ,
Веселіе въ сердце,
Нѣтъ никакихъ заботъ.

Тутъ каждый изъ присутствующихъ обязанъ дать какой нибудь подарокъ новобрачной. По собраніи подарковъ, кладутъ ей на голову шапочку и сажаютъ подлѣ мужа, на котораго она во весь этотъ вечеръ не смотритъ. Во многихъ мѣстахъ Литвы и Жмуди, во время свадьбы, въ числѣ предметовъ угощенія является коровай. Это обыкновеніе видимо заимствовано у сосѣдней Руси.

На другой день новобрачные уѣзжаютъ въ домъ мужа, и забираютъ съ собою всю движимость молодой. Родственники ея, какъ будто не позволяютъ ей забирать своихъ вещей, и она должна смягчать ихъ подарками. Передъ самимъ отъѣздомъ молодая садится на порогѣ и плачетъ. Окружающія женщины увидя это поютъ:

Почему сидишь сестрица? почему плачешь?
Отчего грустишь молодая? отчего плачешь?

Не твои-ли дни молодые?
Не твой-ли рутяной вѣнокъ?

Молодая отвѣчаетъ:

Хоть мои молодые дни,
Хоть мой рутяной вѣнокъ,
Но жаль, сердечно, жаль
Оставить мою матушку.

Женщины.

Почему сидишь (и проч. первые три стиха)
Не твой-ли перстень золотой?

Молодая.

Хоть и мои молодые дни
Хоть и мой золотой перстень,
Но жаль, сердечно, жаль
Отца оставить.

Женщины.

Отчего сидишь и проч.
Не твои-ли пестрые сундучки?

Молодая.

Хоть и мои пестрые сундучки
Но жаль, сердечно, жаль
Оставить сестру.

Женщины.

Отчего сидишь и проч.
Не твои-ли тонкія полотна.

Молодая.

Хоть и мои тонкія полотна;
Но жаль, сердечно, жаль
Оставить брата.

Женщины.

Отчего сидишь и проч.
Не твое-ли сегоднешнее утро?

Молодая.

Хоть мое сегоднешнее утро?—
Но я простилась съ днями молодости.
Меня молодую уже оплакали.
—Гдѣ наша сестра сидѣла
Гдѣ наша молодая плакала,
Тамъ выросла бѣлая лилія,
А слезъ земля не подняла.
Выходитъ наша сестра изъ садика,
Несетъ вѣночикъ въ рукѣ,
Вѣночикъ зеленый мой
Пойдешъ-ли со мною вмѣстѣ?

Я привыкъ съ тобою быть вмѣстѣ,
Прывыкъ сопутствовать тебѣ въ дорогѣ,
Подуетъ на меня сѣверный вѣтеръ,
Увянутъ мои зеленые листки.

Новобрачные садятся со сватьею въ одну повозку, и окутываются огромной простыней, чтобы колдунъ ихъ не околдовалъ.

Выѣзжая изъ воротъ поютъ:

О чемъ грустишь сестрица?
О чемъ грустишь лилія?
Ты выросла у матери,
Ты складывала полотно съ сестрами,
О чемъ грустить?

Молодая отвѣчаетъ:

Отъ того грущу, сестрица,
Отъ того грущу, милая,
Выгоняютъ меня молодую,
Вывозятъ мою движимость—
Отъ того грущу.

Въ дорогѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ахъ ты хмѣлекъ,
Зеленая шишка!
Пока ты былъ одинъ,
Не начиналъ битвы.
А какъ ты смѣшался
Съ чистымъ ячменемъ,
Ты хмѣлекъ—
Завелъ битву.
Ахъ ты сестрица,
Бѣлая лилія!
Пока ты была одна,
Не знала бѣды.
А какъ соединилась—
Съ молодымъ парнемъ,
Ты ее сестрица
Узнала бѣду.
Ой вы деверы,
Бѣлые братцы!
Тихонько везите,
Пестрые сундучки.
Ой тихонько везите
Пестрые сундучки!
Не расколите,
Подножекъ сундучковъ.—

Если испортите
Подножки сундучковъ,
Ужъ не исправите,
Безъ столяря.—
—Мы наймемъ—
Въ Тильзитѣ столяря,
И починимъ
Подножки сундука.—
Ой тихонько везите,
Пестрые сундучки!
Чтобъ не испортить,
Желѣзныхъ петель.
Если испортите
Желѣзныя петли,
Не почините,
Безъ слесаря.—
—Мы наймемъ
Въ Ригѣ слесаря
И починимъ,
Петли у сундука.—
Ой тихонько везите
Пестрые сундучки!
Не разбросайте,
Тонкія полотна,
Если разбросаете
Тонкія полотна,
Не сдѣласте ихъ
Безъ ткача.
—Мы наймемъ
Ткача въ Вильнѣ,
И сдѣлаемъ новыя,
Тонкія полотна,—

Въѣзжая въ ворота дома молодаго, вся свита его поетъ:

Заря занялась,
Солнце выходитъ,
Встань сестрица, моя гостья!
Не ужели ты еще не выспалась?
Сплети себѣ вѣнокъ,
Укрась имъ голову,
Твои гости, бѣлые братцы,
Сѣдлаютъ бѣлыхъ кониковъ—
Мы ѣхали черезъ поле матери
Черезъ поле матери,
Подлѣ ѣхали братцы,
Сестрицу утѣшали.—

Мы ѣхали черезъ поле свекрови
Черезъ поле свекрови,
Подлѣ ѣхали шурины,
Золовку доводили до слезъ.
Мы пріѣхали во дворъ,
Въ ворота дома свекрови
Я увидѣла мое горе,—
При воротахъ свекровъ.
Еслибъ вышелъ братецъ,
И вынесъ саблю
И вырубилъ мое горе
Изъ воротъ свекрови!
И вышелъ братецъ,
Вынесъ саблю,
И вырубилъ изъ воротъ дощечку,
Но не мое горе.

Спустя нѣсколько дней родители новобрачной посѣщаютъ дочь свою, которая встрѣчая ихъ, какъ бы жалуясь на дурной нравъ свекрови, поетъ пѣсню, о зимней веснѣ и лѣтнемъ снѣгѣ 1). Хоть смыслъ этой пѣсни весьма непріятенъ для свекрови, невозбуждаетъ однако же никакихъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, и считается одною только формою привѣтствія, которымъ дочь встрѣчаетъ родителей своихъ.

Похороны. Въ языческой Литвѣ похороны сопровождаемы были многими обрядами, бывшими слѣдствіемъ тогдашняго вѣрованія жителей. Древніе Литовцы вѣрили въ безсмертіе души, посмертную награду праведныхъ и наказаніе порочныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ были увѣрены, что переселившіеся въ вѣчность, занимали въ ней такія мѣста, и находились въ такомъ же состояніи, въ какомъ боги помѣстили ихъ на землѣ. Кто былъ на этомъ свѣтѣ дворяниномъ, или крестьяниномъ, богатымъ или бѣднымъ, вельможею или простолюдиномъ, такимъ останется и въ будущей жизни. Но чтобы облегчить ему путь къ блаженству, требовалось исполненія многихъ обрядовъ на землѣ, въ особенности во время похоронъ. Это составляло священную обязанность оставшихъся родственниковъ умершаго, и они выполняли ее съ величайшею точностію и усердіемъ.

На случай своей кончины каждый приготовлялъ бочку пива или болѣе, судя по возможности и, чувствуя приближеніе роковой минуты, приказывалъ пригласить въ домъ свой всѣхъ жившихъ въ одномъ съ нимъ селеніи;— коль скоро собрались званные, больной прощался съ ними и просилъ у нихъ прощенія, если кого умышленно или неумышленно оскорбилъ. Когда умеръ, тѣло его обмывали въ банѣ, одѣвали въ бѣлую

---

1) См. Литовскія пѣсни N 1.

длинную рубаху и сажали на стулъ, а собравшіеся гости пили приготовленное на этотъ случай пиво, обращая къ нему рѣчь:

„Пью къ тебѣ милый другъ! Для чего ты умеръ? Развѣ у тебя не было милой супруги, дѣтей, скота, друзей и всякаго достатка?"

Спустя нѣсколько времени пили другой разъ желая ему доброй ночи какъ живому, а между тѣмъ просили его, чтобы на томъ свѣтѣ привѣтствовалъ ихъ родныхъ и друзей, съ которыми смерть ихъ разлучила, чтобы онъ съ ними обходился также благосклонно, какъ они съ нимъ обходились на землѣ. Потомъ одѣвали покойника въ его лучшее платье, привязывали къ боку топоръ, обвязывали шею полотенцемъ, въ которое завертывали деньги, по своему состоянію, а въ гробѣ помѣщали съ нимъ хлѣбъ, соль и сосудъ съ пивомъ, чтобы онъ могъ удовлетворить своимъ надобностямъ и въ другой жизни. Когда умирала женщина, клали вмѣстѣ съ нею нитки и иголки, чтобы она могла зашить ими одежду если она разорвется на томъ свѣтѣ. Когда везли покойника на погребеніе, друзья его, сопровождая тѣло, махали въ воздухѣ ножами, крича: „бѣгите! бѣгите злые духи!" Обрядъ этотъ сохранился до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Жмуди; но употребленіе его случается часъ отъ часу рѣже. Сожигая на кострѣ тѣло Князя или знатнаго человѣка сожигали вмѣстѣ съ нимъ слугу, лучшую его одежду, лошадь, собакъ, оружіе, и другія вещи, которыя умершій болѣе любилъ, полагая, что все это, въ будущей жизни, будетъ служить къ умноженію его выгодъ. Съ тѣломъ ремесленника или земледѣльца сожигали тѣ орудія, которыми онъ снискивалъ себѣ пропитаніе. Также бросали въ огонь рыси и медвѣжьи когти, чтобы они облегчали умершему средства вцарапаться на гору блаженства.

Жена на могилѣ мужа являлась съ восхожденіемъ или при захожденіи солнца и оплакивала его въ продолженіи тридцати дней. Роственники умершаго дѣлали въ честь его угощенья на третій, шестой, девятый и сороковой день со времени его погребенія. Во время такихъ пиршествъ, собесѣдники не употребляли ножей и сидѣли за столомъ не говоря ни слова. Отъ каждаго кушанья частицу бросали подъ столъ, и выливали на полъ напитки, полагая, что душа умершаго пользуется ими. Если что нибудь нечаянно упало на полъ, не поднимали, а оставляли для душъ покинутыхъ, не имѣвшихъ въ живыхъ ни родственниковъ, ни друзей, которые моглибы ихъ пригласить на пирушку. По окончаніи обѣда, Жрецъ предводившій на пиршествѣ, вставалъ отъ стола, и заметая избу, произносилъ слова: „Души! вы ѣли и пили,— теперь удалитесь!" Послѣ этого начинали уже полные кубки переходить изъ рукъ въ руки и праздненство оканчивалось пьянствомъ. Въ древности существовалъ праздникъ *Ильги* (2-го Ноября). Въ этотъ день Литовцы творили общее поминовеніе покойныхъ. Жмудины приглашали умершихъ изъ гробовъ въ баню, и за обѣденный столъ, и сколько лицъ который изъ нихъ приглашалъ, столько долженъ былъ приготовить ру-

башекъ и стульевъ, которыя ставили въ приготовленно́мъ для сего мѣстѣ. Приготовляемы были разныя кушанья, которыя обливали напитками, выносили на могилы и тамъ оставляли.

Обрядъ поминовенія покойныхъ сохранился въ Литвѣ до нашихъ временъ и извѣстенъ подъ названіем *Дзяды*. Этотъ обрядъ, какъ самое его названіе показываетъ, совершается въ память умершихъ предковъ. Въ древности назывался онъ пиршествомъ козла, котораго распорядителемъ былъ *Козлярѣ*? (Гусляръ) жрецъ и вмѣстѣ поэтъ.

Въ нынѣшнее время какъ духовенство, такъ и просвѣщенные помѣщики стараются искоренить все, что приводитъ на память язычество, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ суевѣріе, а потому ревностные защитники Дзядовъ, совершаютъ свои обряды тайно въ оставленныхъ часовняхъ, или пустыхъ домахъ близь кладбища. Тамъ ставятъ различныя кушанья и напитки и вызываютъ души умершихъ, которыя, само собою разумѣется, не являются. Простой народъ до сихъ поръ еще убѣжденъ, что яствами, напитками и пѣснями принесутъ облегченіе душамъ страждущимъ въ чистилищѣ.

Нынѣшніе обряды при похоронахъ мало уже имѣютъ сходства съ древними. Остались еще нѣкоторые предразсудки, которыхъ, сила и чистота Христіанской вѣры,— не могли до сихъ поръ истребить. Какъ только примѣтятъ въ домѣ, что больной умираетъ, тотчасъ выносятъ изъ избы всѣ сѣмена, полагая, что онѣ не взойдутъ если останутся въ одной комнатѣ съ умершимъ. Если предсмертныя муки больнаго продолжительны, и онъ долго не можетъ умереть, вынимаютъ изъ подъ головы его подушку, а въ потолкѣ надъ нимъ вырубливаютъ отверстье, чтобы душа свободнѣе могла взлетѣть на небо. Коль скоро увидятъ, что больной умеръ, тотчасъ закрываютъ ему глаза, чтобы онъ не заманивалъ другихъ на тотъ свѣтъ. Надъ мертвымъ безпрерывно одна изъ родственницъ плачетъ и изчисляетъ его достоинства. Если въ семействѣ нѣтъ искусной плакальщицы, то приглашаютъ такую изъ чужой семьи. Жена, плача надъ тѣломъ мужа, выражаетъ скорбь свою слѣдующими словами: „Куда ты дѣвался мой бѣлый голубокъ? Въ какую сторону улетѣлъ? Ты былъ мнѣ милѣе всѣхъ, ты меня лелѣялъ, ты меня укачивалъ, а теперь нѣтъ тебя. Куда я теперь дѣнусь? Къ кому прильну? я бы прильнула къ углу— уголъ жестокъ; прильнула бы къ дереву— дерево гнется, прильнула бы къ камню— камень холоденъ. Нѣтъ тебя, мое Божіе деревцо зеленое, нѣтъ тебя молодой дубокъ, украшеніе нашей деревушки."

Прочіе обряды при погребеніи непредставляютъ ничего особеннаго.

ПѢСНИ.

Древніе Литовцы чрезвычайно любили пѣніе. Пѣсня сопровождала всѣ случаи жизни и радостныя, и горестныя, и торжественныя. Пѣсня во время работы, а можетъ быть при религіозныхъ обрядахъ называлась

Гѣдоіймасъ (т. е. торжественная, важная). Пѣснь любовная, грустная — *Дайновимасъ*, послѣдняя сопровождалась хоромъ и въ такомъ случаѣ называлась *Сокимасъ*, отъ *Сокъ*, что значило хоръ. При хозяйственныхъ работахъ начинала пѣніе начальница хора, прочія присоединялись къ ней и вторили. Есть пѣсни составленныя въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, для чего, вѣроятно, хоръ раздѣленъ былъ на двѣ части.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ сопровождавшихъ пѣніе, извѣстны были Литовцамъ разнаго рода свирѣли (Вождисъ, Швильпинне, Туртукле, Тутурче), а также дудочки сдѣланныя изъ соломы или пера (Бирбине), на охотѣ употребляемъ былъ рогъ,— на войнѣ труба. Изъ инструментовъ со струнами въ большомъ употребленіи былъ родъ арфъ или лиръ (Канклисъ). Скрыпка перешла къ нимъ отъ Русскихъ. У Литовцевъ извѣстны были также бубны и цымбалы. Но преимущественнѣйшее орудіе музыки у древнихъ Литовцевъ было пѣнье. У нихъ — пѣли Жрецы, дѣвушки, странствующіе нищіе, и гадатели. Пѣли во время свадьбы, похоронъ, угощеній и, безъ сомнѣнія, выступая въ походъ. До насъ дошелъ одинъ только родъ Литовскихъ пѣсень — *Дайносъ*. Въ этихъ пѣсняхъ изображаются чувства спокойныя, любовныя, семейныя. Въ иныхъ пробиваются темныя преданія, о какомъ либо печальномъ происхожденіи и съ необыкновенною нѣжностію изображена скорбь о утратѣ милыхъ лицъ и горе сиротства. Кромѣ называемыхъ Дайносъ, существовали и другія относящіяся къ случаямъ, на которые составляемы были пѣсни. Такими были *Веркемо Гѣснѣ* — пѣсни плача, *Мылеймо-Дайна* — любви; *Марчю Гесме* — свадебныя; *Джаукемо Гѣсме* — веселыя пѣсни. Въ такъ называемыхъ Раудахъ воспѣваемы были скорбь о милыхъ лицахъ при ихъ погребеніи 1). Литовцы имѣли также историческія пѣсни, въ которыхъ изображались славныя событія. Стрыйковскій упоминаетъ о такихъ пѣсняхъ въ честь Поэты, Довмонта, Гурда Гинвилловича (сражавшагося съ Крестоносцами во время разорѣнія Ковна), Куковойтиса, также о битвѣ при Каулишкахъ Но ни одна изъ сихъ пѣсень не дошла до насъ въ цѣлости. Пѣснь о встрѣчѣ Кѣйстута съ Бирутою сочинена уже около 1820 года помѣщикомъ Ковенской губерніи Пашкевичемъ. Прелесть древнихъ Литовскихъ пѣсень обратила на себя вниманіе ученыхъ иноземцовъ. Въ первый разъ явились они въ описаніи путешествія въ Москву Агасвера Бранда въ 1689 году. Въ послѣдствіи Филиппъ Руикъ и Докторъ Реза издали собранія Литовскихъ пѣсень, которыхъ достоинству отдавали справедливость знамѣнитѣйшіе Нѣмецкіе Литераторы Лессингъ и Гердеръ. Предлагаемъ сохранившіяся Литовскія Дайносъ въ переводѣ и въ такомъ видѣ въ какомъ они собраны новѣйшимъ изслѣдователемъ Литовскихъ древностей Крашевскимъ. Пословицы и поговорки представлены будутъ тоже въ переводѣ.

---

1) Рауды воспѣваемыя жрецами при погребеніи витязей заключали въ себѣ повѣствованіе о ихъ подвигахъ, побѣдоносномъ походѣ на гору вѣчности и будущую ихъ жизнь вмѣстѣ съ отцами въ обществѣ добрыхъ духовъ.

I. Послала меня, послала меня любезная свекровь,
За зимнею весной, за лѣтнимъ снѣгомъ.
Пошла я бѣдная, горько плача,
И встрѣтила молодца, милаго пастушка.
Куда идешъ красная дѣвица,
И о чемъ такъ горько плачешъ, милая?
Послала меня, послала любезная свекровь,
За зимнею весной, за лѣтнимъ снѣгомъ.
Иди милая дѣвица въ зеленый лѣсъ, иди на берегъ моря!
Тамъ найдешъ зеленую сосну,
Обломи у ней вѣтку, почерпни рукой морской пѣны,
Принеси любезной свекрови,
Зимнюю весну и лѣтній снѣгъ.
II Кто мнѣ теперь согрѣетъ руки и ноги?
Кто причешетъ и заплететъ волоса головы моей?
Кто обмоетъ лице мое?
Кто скажетъ мнѣ сладкое слово?
III. Для чего ты умерла?
Развѣ не было у тебѣ матери?
Для чего ты умерла?
Развѣ не было у тебѣ любезныхъ сестеръ?
IV. Послали меня въ лѣсъ.
Въ лѣсъ за ягодами,
Въ лѣсъ за черникою—
Я не собирала ягодъ.
Я не искала черники,
Я взошла на холмъ—
На могилу матери,
Я плакала горькими слезами
По любезной матери.
„Кто тамъ на верху обомнѣ плачетъ."
„Кто вошелъ на мою могилу?"
—„Это я, я любезная мать,
Я, оставленная сирота—
Кто мнѣ волосы расчешетъ?
Кто мнѣ омоетъ лице
Кто мнѣ скажетъ сладкое слово?"
„Иди домой, о дочь моя!
Тамъ тебѣ другая мать
Расчешетъ волосы на головѣ,
И омоетъ твое лице —
Тамъ тебѣ милый юноша
Скажетъ сладкое слово."—
V. Я бѣдная дѣвица
Оставленная сирота

Привыкла переносить
Горькую бѣдность.
О еслибъ я имѣла
Родную мать!
Покровительницу!
Давно ужъ спитъ она
На высокомъ холмѣ
Въ своей могилѣ.
А на ней дрожитъ, блеститъ,
Ясно какъ серебро,—
Роса въ листьяхъ руты.
VI. Надъ моремъ, надъ пристанью,
Возносится бѣлая гора,
На горѣ, на холмѣ—
Стоитъ зеленый дубъ.
Я, бѣдный, туда поплылъ,
Обнялъ его руками—
О любезный мой дубъ!
Не превратился ли ты въ отца моего?
Зеленыя твои вѣтви
Не превратятся ли въ бѣлыя руки?
А зеленыя твои листья
Въ дружескія слова?
Ахъ! я бѣдный, отошелъ отъ туда
Плача горькими слезами
Потому что дубъ непревратился
Въ любезнаго отца;
Ни зеленыя листы,
Въ дружескія слова.
VII. Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Я думаю, что мелю не одна.
А мелю одна,
Пою одна,
Одна обращаю жернова.
За чемъ ты попалъ,
Молодой юноша
На меня бѣдную дѣвицу?
Вѣдь ты видѣлъ
Сердечный юноша
Что я не сижу во дворѣ
Но по колѣна—
Въ грязи;
По плечи—
Въ водѣ:

Тяжки дни мои...”

VIII. Жаворонокъ!
Пѣвецъ!
Для чего не спрячешься на лугу?
Для чего не веселишься въ полѣ?
—Какъ мнѣ спрятаться на лугу?
Какъ мнѣ тѣшиться на поляхъ—
Всѣ гонятъ меня бѣднаго,
Всѣ стращаютъ меня бѣднаго,
Пастухи пасутъ стада,
Пахари пашутъ на поляхъ,
Эти гонятъ меня бѣднаго,
Тѣ стращаютъ меня бѣднаго.

IX. Выплыли, выплыли,
Изъ деревни Русни
Два молодые рыбака.—
Забросили, забросили,
Двѣ тонкія сѣти
По среди пристани,
И нашли, ловивъ рыбу,—
Большое диво:
Въ сѣти два морскіе тѣленка.
Товарищъ, товарищъ
Соучастникъ мой!
Что это за чудныя рыбы?
Разгнѣвался богъ—
Богъ воды,
Вѣтръ повѣялъ съ полуночи
Товарищъ, товарищъ—
Соучастникъ мой!
Выбрось якорь золотой
Пусть стоитъ, пусть качается,
Отъ шумящей волны—
Лодка на золотомъ якорѣ.
Товарищъ, товарищъ,
Соучастникъ мой!
Войди на вершину мачты.
Можетъ быть увидишъ
Гору на берегу,
Кудравыя сосны.—
—Не видно берега
Ни горъ на немъ
Ни сосенъ кудравыхъ.—
Вижу только одну
Мою любимую

На краю бора.—
На ней темный вѣнокъ,
Золотые у ней волосы,
Шитый зеленью передникъ.
Еслибъ я могъ
Хотѣлъ бы разодрать
Шитый зеленью передникъ.
Одну половину
Въ нашу будку,
А другую на флагъ.
—Товарищъ, товарищъ,
Соучастникъ мой!
Куда направляешъ лодку?
Или на Пакальню?
Или на варусню?
Или на деревню Кусню
Ни на Пакальню
Ни на варусню,
Ни на деревню Русню,
Потому что деревня Русня
Какъ прекрасная Клайпеда,—
Къ ней плывутъ суда.
Въ деревнѣ Руснѣ
Растетъ мой цвѣтокъ,
Туда тянетъ меня сердце.
X. Спѣши лодка, спѣши
По быстрому Нѣману!
Спѣши туда къ холму
Гдѣ стоитъ зеленый дубъ.
Тамъ спитъ въ зеленой могилѣ
Любезный мой отецъ.
Пожалуюсь моему отцу,
Какъ мучитъ меня вотчимъ.
Терзаетъ меня бѣднаго,
И выгоняетъ изъ дому.
Спѣши лодка, спѣши
По быстрому Нѣманку!
Пристань къ зеленому подворью!
Въ зеленомъ подворьѣ,
Три прекрасные дѣвушки.
Одна разставляетъ пяльцы.
Другая прядетъ тонкую нить,
Третья вышиваетъ шелкомъ.
Та, что вышиваетъ шелкомъ,
Будетъ моей милой.

А если ея мнѣ не отдадутъ
Вѣрно умру съ горя.—
Гдѣжъ вы меня похороните
Когда горе уморитъ меня!
Здѣсь въ лилейномъ садикѣ,
Подъ кустомъ розы.
Прійдутъ молодыя дѣвушки,
Утромъ каждое воскресенье,
Рвать для себя цвѣты.
Свивайте вѣнки дѣвушки
Сколько хотите.
Только, вотъ съ этаго кусточка
Не срывайте розы.
Прійдетъ младшая сестра
Въ воскресное утро,
Она сорветъ пучекъ
Съ розоваго куста,
А! хорошо пахнетъ цвѣтокъ,
Пучекъ милой розы.
Мать скажетъ ей со слезами:
Это не цвѣтокъ розы,
Это духъ юноши,
Который умеръ съ горя.
XI. Позволь мнѣ дорогая мать,
Позволь итти съ ними,
Съ солдатами, съ братьей.
—Милая дочь, дѣвица!
Не иди съ солдатами.
Хлѣбъ солдата тяжелъ,
Сегодня здѣсь, завтра далѣе.
—Мать моя дорогая!—
Это ничего; я хочу итти,
Воевать съ солдатами.
—О дочь моя милая
Чтожъ будетъ съ вѣнкомъ,
Съ зеленымъ вѣнкомъ изъ руты?
—Вѣнокъ мой, мать дорогая,
Вѣтеръ развѣетъ, лента на головѣ
Будетъ у меня сіять какъ солнце.
—О дочь! дочь милая!
Гдѣ будешъ ночевать?
Гдѣ будешъ ночью отдыхать?
—Мать моя милая!
На зеленомъ лугу,
На высокомъ холмѣ.

—Дочь моя милая!
Что себѣ подстелешъ?
Чѣмъ прикроешься?
—Мать моя дорогая
Подстелю себѣ росу,
А мглою прикроюсь.

XII. Пѣтухъ запѣлъ вставай мой сынъ!—
Надобно тебѣ ѣхать къ войску.
Когда я ѣхалъ улицей
Чрезъ родимую деревню;
Будьте здоровы отецъ и мать!
Братья, сестры будьте здоровы!
Только что проѣхалъ я половину дороги,
Слышу пальбу изъ орудій,
Конь мой становится на дыбы, ужъ вижу братью:
„Здравствуйте, мои товарищи!"
Хотябъ на насъ обрушалась земля,
Всѣ цари валялись въ крови,
Будемъ стоять и не дрогнемъ,
А межетъ быть и побѣдимъ.—

XIII. Пошелъ отецъ
На красное крылечко,
Зазвенели золотые ключи,
Рано разбудилъ сыновей:
—Вставайте дѣти
Вставайте сыновья!
Уже наше крылечко
Окружило войско.
Сестеръ увели,
Поздно выѣдемъ
Рано ихъ догонимъ,
И войско разсѣемъ,
И сестеръ тамъ нашихъ—
Найдемъ посреди войска.
На ихъ головѣ
Золотыя волоса,
Въ золотыхъ волосахъ
Зеленая повязка,
На повязкѣ
Темный вѣночекъ,
На вѣночкѣ
Золотый цвѣточикъ,—
Любезныя сестры,
Милыя дѣвушки!
Гдѣ вы достали

Золотой цвѣточикъ?
—На большой войнѣ
Между нашей братьей,
Тамъ мы достали—
Желтый цвѣтокъ.

XIV. На что жаловался отецъ
Отправилъ сына въ полѣ,—
Сынъ мой молодой,
И неопытный!
Стой стѣной,
Не дрогни,
Смотри на знамя!
А если падешъ
Падешъ со славой,
И память о тебѣ прославятъ въ гробѣ.
Поѣхали братья и товарищи наши.
Что дѣлаетъ сынъ мой на войнѣ?
Бой ужасный, стрѣляютъ и рубятъ
Лежатъ разбросанное оружіе и мечи,
Стой стѣной
Не дрогни и проч.
Здѣсь лежитъ, здѣсь спитъ сынъ мой въ гробѣ,
А на его могилѣ блеститъ роса.

XV. Теперь уже намъ не бѣда.
Завтра снова пойдемъ въ бродъ черезъ кровь.
Ахъ мой конь, мой конекъ
Дрогнешъ ли ты подомной?
Мы прошли польскую землю,
Мы осмѣяли польскихъ людей,
Мы прошли прусскую землю,
Мы поцаловали прусаковъ.
Красна дѣвица польская,
Красна дѣвица прусская.
Когда мы шли въ городъ Гданскъ
Дрожали Гданскія стѣны;
Когда мы вошли въ городъ Гданскъ
Задрожали Гданскіе господа.—

XVI. Поѣзжай братецъ не медли,
Пусть твой конь далѣе нейдетъ!
Пусть твой конь въ землю не врастаетъ!
На листья не падаетъ, ни дождь, ни роса.
Не время уже, не время, братецъ,
Слушать отца и матери
И насмѣхаться надъ сестрами—
Дали тебѣ мечь— онъ жена твоя!

А когда выйду въ полѣ къ войску
Кто пойдетъ сомной, кто меня утѣшитъ?
—Звонкіе бубны выведутъ тебя въ полѣ
Веселыя трубы тебя утѣшатъ.—

XVII. Летѣлъ черный воронъ
И несъ бѣлую руку
А на ней золотое кольцо.
Спрашиваю тебя, милая птица:
Гдѣ ты, черный воронъ,
Досталъ бѣлую руку,
И гдѣ золотое кольцо?
Я былъ на большой войнѣ:
Тамъ бились большею битвой,
Тамъ слеталиcь лѣса мечей,
Тамъ вырыли стрѣлы ямы,
Тамъ кровь текла рѣками,
Тамъ лежалъ не одинъ сынъ,
Плакалъ не одинъ отецъ.
О горе! это мое кольцо!
Уже мой юноша не возвратится
Пусть льются мои слезы.

XVIII. Пришелъ Мишка (Медвѣдь)
Съ бочкой алусу (пива);
Волчку,
Бѣдняжкѣ,
Сыгрядь свадьбу.
Ежъ— дружка,
Лисица— сватъ
А зайчикъ,
Бѣдняжка!
Долженъ возъ тянуть.
Тхоръ варитъ алусъ,
Воробей мѣшаетъ солодъ,
А кукушка,
Бѣдняжка!
Носитъ хмѣль туда.
Быкъ рубитъ дрова,
Собака моетъ горшки
А мацюсь (?) 1).
Бѣдняжка!
Собираетъ въ кучу мясо.
Журавль щипалъ струны,
Медвѣдь игралъ на дудкѣ.

---

1) *Мацюсь*— уменьшительное Мишка.

А волчекъ,
На веселѣ,
Просилъ плясать съ нимъ козу.
Если согласишься
Потанцую съ кумой,
А если будешъ спорить
То разтерзаю тебя.—
Будетъ изъ твоей кожи
Тулупъ для пастушка,
Который остерегается меня
На лугу
На полѣ.—

XIX. Живѣс малыя птички я хочу жениться
Щегленокъ будетъ сѣдлать коней потому, что имѣетъ сѣрый плащъ.
Боберъ въ мѣховой шапкѣ, будетъ намъ возницей;
Легконогій заяцъ, будетъ намъ гонцомъ;
Соловей звучнымъ голосомъ будетъ пѣть пѣсенки,
Сорока, что вѣчно скачетъ, будетъ распоряжатъ пляской;
Волкъ, съ большой трубой, будетъ играть на дудкѣ;
Мѣдвѣдь толстолапый, будетъ рубить дрова;
Воронъ съ кривою шеей, можетъ носить воду.
Ласточка, съ черным передникомъ— мыть посуду.
Бѣлка длиннымъ хвостомъ— вытирать столъ;
Лисица въ ясномъ платьѣ, сама сядетъ возлѣ невѣсты.—

XX. Воробей варитъ пиво для гостей.
Дамъ, дамъ, дали дамъ,
Воробино пиво.
Просилъ всѣхъ птицъ въ гости.
Дамъ, дамъ, дали дамъ
Всѣхъ птицъ!
Воробей пошелъ плясать съ совою.
Дамъ, дамъ, дали дамъ
Плясать съ совою.
Наступилъ воробей совѣ на палецъ.
Дамъ, дамъ, дали дамъ
Совѣ на палецъ!
Сова въ судъ, воробей на заборъ.
Дамъ, дамъ, дали дамъ,
Воробей на заборъ.

XXI. Течетъ въ источникѣ
Чистая вода.
Надъ источникомъ,
Надъ водою
Очемъ грустишь дѣвица?

—Какъ мнѣ не грустить?
Какъ мнѣ нежаловаться?
Я неимѣла
Ни чего отъ того,
Кого ношу въ сердцѣ!
По среди безсонной ночи
Я сказала словцо:
На всегда!
И никогда—
Съ нимъ неразстанусь.
Я желалабъ лучше,
Чтобъ съ душею тѣло,
Разсталось—
Чѣмъ я съ нимъ,
Съ моимъ любезнымъ юношей.

XXII. Куда мнѣ идти, гдѣ остаться и гдѣ ее увижу?
Какъ мнѣ это бѣдное сердце успокоить?
Думая о ея любви, такъ горько заплачу,
Что мое бѣдное сердце отъ нея отниму,
Я истопталъ лугъ ходя по немъ безпрестанно
И ручей высохъ, такъ я ходилъ чрезъ него въ бродъ
О дѣвица, сердечишко! я еще посѣщу тебя,
И возвращусь опять вспомнивъ твою любовь.

XXIII. По чему печальныя сестры не поете пѣсень?
Думаете ли, что я не имѣю горя?
—Мнѣ быть веселой, для меня нѣтъ пѣсни,
Вѣдь я къ маменькѣ болѣе не возвращусь,
О кто мнѣ согрѣетъ руки и ноги!
Кто скажетъ мнѣ теперь одно милое слово?—
—Анита (свекровь) согрѣетъ тебѣ руки и ноги,
А юноша скажетъ тебѣ милое слово.
—Когда Анита меня согрѣетъ— заплачу;
Заговоритъ юноша,— успокоюсь.

XXIV. Тамъ въ саду цвѣтетъ
Тамъ въ саду цвѣтетъ тиміянъ,
А куда обратилась наша сестра,
Тамъ цвѣли прекраснѣйшіе цвѣты.
—Отъ чего ты туда обращаешся дѣвица!
Отъ чего такъ печально облокотилась?
Не первая ли молодость твои лѣта?
И легко и свѣжо въ твоемъ молодомъ сердцѣ.
—Правда, что дни мои, дни веселой юности,
На сердцѣ у меня легко и свободно,
Но о молодыхъ лѣтахъ я начинаю уже жалѣть,
Завтра они окончатся на всегда.

Черезъ зеленый лугъ проходитъ дѣвица,
Дѣвичій вѣнокъ держитъ въ бѣлыхъ рукахъ.
Вѣнокъ мой темный, вѣнокъ мой изъ руты
Далеко со мною, далеко пойдешь отъ сюда.
Будь здорова моя милая мать!
Будь здоровъ мой дорогой отецъ!
Будьте здоровы братья мои!
Будьте здоровы мои сестры!

XXV. Вотъ одна изъ древнѣйшихъ пѣсенъ. Начало ея напоминаетъ слова произносимыя во время приношенія въ жертву, божеству земли осенняго пива.

Земля мать! земля родительница цвѣтовъ!
Гдѣ мнѣ посадить розовую вѣтку?
—Здѣсь на высокомъ холмѣ,
Надъ пристанью, надъ моремъ
Земля мать! земля родительница цвѣтовъ!
Гдѣ найду я отца и мать?
—Оставленное бѣдное дитя!
Иди на высокій холмъ.
Надъ пристанью, надъ моремъ,
Тамъ выросло изъ розовой вѣтки
Высокое розовое дерево,
Съ вѣтвями подъ самыя облака.
Я взобралась высоко,
По розовымъ вѣтвямъ
Тамъ встрѣтила я милаго юношу,
На божескомъ коникѣ.
—Ахъ юноша! милый витязь!
Не видѣлъ ли ты моихъ: отца и мать?
—О дѣвица! милая дѣвица!
Сойди внизъ, въ бездну!
Тамъ твои отецъ и мать
Празднуютъ свадьбу сестры.
Сошла я въ бездну:
—Добрый день! ясный день, отецъ мой!
Добрый день! ясный день, матушка!
Зачѣмъ вы меня маленькую,
По среди чужихъ оставили?
Я стала взрослою дѣвицей,
А теперь нашли люльку,
Въ которой играла будучи ребенкомъ.

Въ слѣдующихъ пѣсняхъ заключаются слѣды миѳологическихъ понятій древнихъ Литовцевъ. Онѣ принадлежатъ къ образцамъ древнѣйшихъ произведеній воображенія народа.

XXVI. Большое чудо!
По среди лѣта
Замерзло озеро.
Ахъ! гдѣже я напою,
Моего гнѣдка?
Гдѣ липовое ведро,
Погружу въ воду?
Лайма (сóлнце) подарила,
Одинъ солнечный день
Отъ тепла ледъ
Разтаялъ въ воду,
Теперь я напою,
Моего гнѣдка
Теперь я обмою
Липовос ведро.

XXVII. Пѣснь эта не полная, вѣрно составляетъ отрывокъ, или окончаніе иной:
У бояръ купилъ
Братецъ конька,
Изъ ада освободилъ,
Братецъ дѣвицу.
Чегожъ ржетъ еще
Конекъ гнѣдой?
Чего плачетъ
Милая дѣвица?
Конекъ ржетъ
(Вспоминая) о зеленомъ лугу:
Дѣвица плачетъ
О дняхъ молодости.

XXVIII. Одно изъ самыхъ странныхъ произведеній народной фантазіи:
Мѣсяцъ женился на солнцѣ,
То была первая весна.
Солнцѣ встало очень рано
Мѣсяцъ устыдясь сокрылся,
Мѣсяцъ блуждалъ одинъ
Влюбясь въ денницу,
И разсердился Перкунъ—
И разсѣкъ его мечемъ.
—За чѣмъ ты оставилъ солнце?
За чѣмъ влюбился въ денницу?
За чѣмъ таскаешся одинъ по ночамъ?

XXIX. Денница приготовляла свадьбу (пиръ.)
Перкунъ въѣхалъ чрезъ ворота
И разбилъ зеленый дубъ

—Кровью, что брызнула, изъ дуба,
Замаралось мое платье
И запятнался вѣнокъ.
Плакала дочь солнца,
Три года листья сбирала,
Изсохшія листья.
—Гдѣ я, любезная мать,
Платье вымою?
Гдѣ выполощу эту кровь?
—Иди моя милая дочь
Къ тому озеру,
Въ которое вътекаетъ девять ручьевъ.
—Гдѣ я, любезная мать,
Высушу мое платье?
Гдѣ его развѣшаю на вѣтрѣ?
—О милая дочь моя!
Въ саду, въ садикѣ,
Гдѣ ростетъ девять розъ.
—Когда я, любезная мать,
Надѣну свое платье
Когда будетъ чисто?
—О дочь моя милая!
Въ тотъ день, когда на небѣ
Засвѣтитъ девять солнцъ.

XXX. Пой сестрица!
Почему не поешъ?
Почему на руки
Оперлась грустя?
—Какъ же мнѣ пѣть,
Какъ мнѣ быть веселой?
Въ садикѣ бѣда,
Садикъ разоренъ—
Рута истоптана
Розы вырваны,
Лиліи разсыпаны,
Роса отряхнута.
—Не вѣтеръ ли подулъ съ полуночи?
Не рѣка ли вышла изъ береговъ?
Не Перкунъ ли загремѣлъ?
Не молнію ли сбросилъ?
—Вѣтеръ не вѣялъ съ полуночи,
Ни рѣка не выходила изъ береговъ,
Ни Перунъ не гремѣлъ.
Ни молнія не спадала.
Бородатые люди,

Люди отъ моря,
Вышли на берегъ
Садикъ разорили,
Руту истоптали,
Розы общипали,
Лиліи разсыпали,
И росу отряхнули.
И я— я сама
Съ трудомъ укрылась
Подъ вѣтвями,
Подъ темнымъ вѣночкомъ.

XXXI. Два послѣдніе стиха сей пѣсни кажется несоотвѣтствуютъ смыслу цѣлаго. Можетъ быть она составляетъ отрывокъ чего нибудь обширнѣйшаго.

Лайма зоветъ, Лайма кричитъ
И бѣжитъ босикомъ по берегу.
Я взобрался на гору,
Увидѣлъ трехъ рыбаковъ
Трехъ, на морѣ пловцевъ.
—Не видали-ль вы брата
На высокомъ морѣ?
—О дѣвица! о лилія!
Братъ твой утонулъ.
Лежитъ въ морѣ на днѣ
Песокъ омываетъ ему лице,
Волна играетъ съ его волосами.
—О рыбаки! о друзья!
Не вытащите ли мнѣ брата
Изъ глубокаго моря?
—Что намъ дашъ если вытащимъ?
—Одному шелковой поясъ,
Другому золотое колечко,
Третьему мнѣ не чего дать,
Буду служить у него
У молодаго кормчаго.
Кормчій хорошій человѣкъ
Умѣетъ править судномъ
По вѣтру и противъ вѣтра.
Какъ уйдешь какъ увернешся
Отъ своихъ непріятелей? (?)

XXXII. Милое солнышко, божеская дочька!
Гдѣ ты такъ долго бывало?
Гдѣ такъ долго замѣшкалось?
Куда отъ насъ удалилось?
За морями, за горами,

Я стерегло дѣтей сиротъ,
Грѣло бѣдныхъ пастушковъ.
Милое солнышко, божеская дочка!
Кто тебѣ утромъ
Раскладываетъ огонь? Кто тебѣ покрываетъ—
Твое ложе вечеромъ?
Денница и вечерница, (утренняя и вечерняя звѣзды)
Денница разкладываетъ огонь
Вечерница стелетъ ложе.
Я имѣю много дѣтей
И большія богатства.

XXXIII. Вчера вечеромъ, вчера
Пропала у меня овечка.
Ахъ! кто мнѣ поможетъ сыскать ее,
Мою единственную овечку?
Я ходила къ денницѣ;
Денница мнѣ сказала:
—Я должна солнцу, утромъ,
Огонь раскладывать.
Я пошла къ вечерницѣ;
Вечерница мнѣ сказала:
—„Я должна солнцу, ввечеру,
Постилать ложе."
Я пошла къ мѣсяцу
Мѣсяцъ мнѣ отвѣчалъ:
—„Я мечемъ разсѣченъ
Имѣю грустное лице."
Я пошла къ солнцу,
Солнце сказало:
—„Девять дней буду искать
Въ десятый не найду."

XXXIV. Поплывемъ братецъ, поплывемъ
Въ юру, въ море,
Въ холодную воду!
Дзивевитисъ помоги намъ!
Рыбъ комбалъ наловить!
По береги нашу лодку!
Когда станемъ среди моря
И бросимъ въ глубину якорь,
Пусть вѣтеръ намъ недуетъ,
Самъ подержи якорь,
Боже Дзивевитисъ!
Береги нашу лодку!
Дзивевитисъ, Дзивевитисъ!

XXXV. Гоняюсь за тобой Пильвите (божество богатствъ),
И на сушѣ, и на морѣ,
Я неимѣю пышныхъ лодокъ,
Ни крыльевъ мнѣ недано;
Гоняюсь за твоей славой.
О Пильвите! Кто имѣетъ твою
Дорогую для человѣка милость;
Тотъ имѣетъ столько золота, сколько камней,
Житницу полную хлѣба,
И въ чести у цѣлаго свѣта.

XXXVI. Миленькая Летува,
Дорогая свобода,
Ты скрылась въ пространствѣ небесъ,
Гдѣжъ тебя искать?
Развѣ только на лонѣ смерти?
Пусть смотритъ куда хочетъ несчастный!
Взгляни на востокъ
Взгляни на западъ:
Бѣдность, принужденіе, притѣсненіе
Потъ отъ труда, кровь отъ ударовъ
Залили пространную землю!
Миленькая Лѣтува,
Дорогая свобода
Сойди съ неба— сжалься!

XXXVII. Дай намъ цвѣтовъ, дай Грубите, (богиня цвѣтовъ)
Надѣли красными вѣнками!
Дай намъ святыхъ даровъ твоихъ
Которыхъ любятъ ранніе сады,
Предвозвѣстники твоего счастія.
Пусть невѣста украситъ волоса!—

О каунисъ Литовскомъ Амурѣ.

XXXVIII. Летѣлъ Каунисъ изъ далека
Гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто,
Сказалъ мнѣ миленькій карликъ,
Что тамъ воюетъ мой милый.
Пріѣдетъ на сивомъ конѣ,
Съ богатою добычею.
О возвратись мой малый божекъ!
Возьми его на крылья свои!
Отнеси мнѣ его здороваго
Я нехочу дорогихъ камней;
Довольно мнѣ его объятій.

XXXIX. *Пѣснь о Пуцысѣ Литовскомъ зефирѣ.*
Садила зеленую руту,
Поливала своими слезами,
Заборъ былъ для ней оградой,
За тѣмъ, чтобъ славилась вѣнками.
Ты будешъ для меня украшеньемъ.
Рости веселая на грядѣ!
Напейся моими слезами и потомъ,
Пока непріѣдетъ мой милый!
Пусть не вредятъ тебѣ злые вѣтры!
Пусть дождь тебя не наклонитъ къ землѣ!
Пусть прохлаждаютъ тебя Пуцисъ съ Пуцятами,
Милые друзья цвѣтовъ!

XL. Куда дѣвались божіи кони?
Божіи сыны на нихъ поѣхали.
Куда поѣхали божіи сыны?
Искать дочерей солнца.
Солнце само сказало:
Дѣти мои милые!
Приданое ихъ скудное.

XLI. *Пѣснь о Гониглисѣ божкѣ пастуховъ стадъ.*
Гониглисъ божекъ!
Паси мою корову,
Паси моего бычка,
Не пускай волка вора!
Пасу, пасу мои овечки,
Тебя волкъ не боюсь;
Богъ съ солнечными кудрями
Вѣрно тебя не допуститъ.
Ладо, ладо солнце,
Бей его деревянною ложкою по головѣ.

XLII. *Пѣснь алегорическая о лебедяхъ.*
Я ѣхалъ черезъ мостъ
Конь мой испугался,
Я упалъ съ коня;
Тамъ я нашелъ
Бѣлую постель
Въ чистой прозрачной водѣ.
Я поднялся,
Оглянулся кругомъ,
Товарищъ мой изчезъ,
Я смѣшался,
Конь мой грустенъ;

Что съ нами будетъ?
Вдругъ прилетѣли—
Три бѣлые лебеди,
Изъ королевскаго сада.
Спустились низко
Бѣлые лебеди
На братнюю могилу,
Одинъ лебедь у ногъ,
Одинъ лебедь у головы,
Одинъ лебедь у бока.
Невѣста у ногъ,
Сестра у головы,
А мать у бока.
Невѣста плакала
По немъ три недѣли,
А сестра— три года,
А его мать,
Милая мать!—
Пока жила голова ея.

Свадебныя и любовныя дѣвичьи пѣсни.

XLIII. У моей милой матери
Я была одна дочь.
Не лѣнилась работать,
Не боялась тяжкихъ трудовъ,
Какъ другія дѣвицы.
Велѣла мнѣ милая мать,
Вставать рано по утру;
Я слушала и вставала,
Чтобъ разводить огонь,
Готовить завтракъ.
Велѣла мнѣ милая мать,
Прясть тонкія нити;
Я слушала.— Пряла скоро
Крутя тонкія нити
На тысячи мотковъ.
Велѣла мнѣ милая мать
Ткать тонкое полотно;
Я ткала и собрала
Много тонкаго полотна
Въ крашенный сундукъ.—
Вотъ везутъ мое приданное
Въ далекую чужбину
На двухъ, на трехъ возахъ

Пять, шесть лошадей,
И съ проводниками.

XLIV. Что за чудо! большое чудо!
Я сѣяла руту,— цвѣтутъ розы.
Плети дѣвица, плети вѣночикъ,
Вѣнокъ изъ зеленой руты,
Иди дѣвица къ водѣ.
Я подошла къ водѣ,
Поднялся сѣверный вѣтеръ
Сорвалъ мнѣ вѣнокъ съ головы,
Занесъ на высокое море.
Трое юношей на зеленомъ лугу,
Сѣно косили на зеленомъ лугу.
—Кто изъ васъ хочетъ быть моимъ милымъ?
Кто поплыветъ за моимъ вѣнкомъ?
—Я буду твоимъ милымъ,
За вѣнкомъ поплыву
На высокое море.
Вѣнокъ приплылъ къ берегу,
Юноша погибъ въ глубинѣ.
Вѣночекъ лежалъ на рукахъ,
Юноша на доскахъ.

Роза, которая такъ часто встрѣчается въ пѣсняхъ восточныхъ народовъ, составляетъ также одинъ изъ любезныхъ цвѣтовъ Литовскихъ пѣсень. Но какъ роза встрѣчалась не такъ часто на Литовской землѣ и не имѣла такой красоты, какъ растущія въ тепломъ климатѣ, а потому не могла до такой степени поражать взоры, чтобы оправдать частыя о себѣ воспоминанія; то изслѣдователи Литовскихъ древностей догадываются, что роза, въ этомъ отношеніи, оживляетъ только память о востокѣ.

XLV. Гдѣ только остановилась наша прекрасная сестра,
Тамъ цвѣли рута и лиліи.
А сестра наша грустно жаловалась:
—О сестра! зачѣмъ такъ грустно жалуешься?
Развѣ дни твои не первой молодости?
Не милый ли юноша твой возлюбленный?
—Правда дни мои— дни первой молодости,
Милый юноша мой возлюбленный;
Но сердце мое тоскуетъ по молодости.
Я должна отъ сюда идти въ чужую сторону,
Оставить любезную мать.
Не пойте черныя пѣтухи,
Пусть сегодня продлится ночь,
Чтобъ я еще здѣсь осталась

Сказала матери словцо!
Черныя пѣтухи не пѣли
Я могла здѣсь долѣе остаться,
И матери сказать словцо.

Черные пѣтухи и курицы, обыкновенная жертва Литовскимъ богамъ, часто упоминаются въ пѣсняхъ. Къ вѣщимъ птицамъ принадлежатъ также кукушка, которой въ древнія времена, народъ приписывалъ особый даръ предвѣщаній.

46. Въ саду растутъ клены,
Жалуется рута въ саду
Жалуется, жалуется, грустить
О дѣвичьихъ дняхъ.
—Или тебѣ жаль отца твоего?
Или тебѣ жаль матери твоей?
Или тебѣ жаль, о дѣвица!—
Дѣвичьихъ дней твоихъ?
—Не жаль мнѣ отца моего,
Не жаль мнѣ матери моей
Жаль мнѣ только, жаль
Дѣвичьихъ дней моихъ
Иди маменька отсюда далеко!
Отнеси отъ меня вѣнокъ!
Онъ самъ хорошо знаетъ, маменька,
Что я его уже носить небуду.

Вѣнокъ, символическое украшеніе дѣвичьяго чела безпрестанно покрываетъ ея волоса, и составляетъ отличительный уборъ дѣвицъ вмѣстѣ съ блестящею повязкою, зелено-шитымъ передникомъ, бѣлымъ поясомъ и золотымъ кольцомъ. Въ пѣсняхъ волоса всѣхъ дѣвицъ— золотые, у однихъ только дочерей рыбаковъ темные; за то прославляютъ ихъ бѣлые ручки. Отзывающаяся въ пѣсняхъ безпрерывная тоска, по дняхъ молодости доказываетъ, что женщины осужденные на безпрерывную и тяжкую работу, болѣе всего наслаждались свободою, щастіемъ и покоемъ въ продолженіи краткихъ дней до своего замужества;— хотя изъ пѣсень же видно, что мать не щадила дочери своей, что заставляла ее вставать рано, разводить огонь, готовить завтракъ, прясть, ткать, шить свое приданое; но при всемъ томъ, этотъ трудъ не составлялъ для дѣвицъ ничего въ дняхъ веселой молодости.

47. Всѣ бранятъ меня
Никто за меня не вступится
Бранитъ теща, бранитъ молодой
Бьютъ безъ милосердія
Не брани мужъ мой!—
Пожалуюсь отцу.

Шелъ отецъ черезъ деревню
Держалъ узду въ рукахъ.
Брани зять! учи
Дочь мою исполнять твою волю.
—Всѣ меня бранятъ,
Никто за меня не вступится.
Бранитъ теща, бранитъ молодой,
Бьютъ безъ милосердія.
Не брани меня, мужъ мой—
Пожалуюсь сестрѣ.
Шла сестра черезъ деревню,
Несла вѣнокъ въ рукѣ.
Что ты дѣлаешъ сестрыца?
Я также вышла изъ первыхъ дней,
Всѣ меня бранятъ
Ни кто за меня не вступится.
Шелъ братъ мой черезъ деревню,
Держалъ въ рукѣ мечъ
Смотри мой деверь!
Что ты дѣлаешъ съ сестрой?
Голова тебѣ слетитъ
Какъ капустянная,
Бризнутъ капли крови,
Какъ листья руты.

Слѣдующую, относящуюся также къ изображеніямъ дѣвичьей жизни, причисляютъ къ одной изъ древнѣйшихъ пѣсень.

48. Изъ подъ клена ключь течетъ,
Прозрачной воды,
Дочери солнца, рано,
Шли умыть въ немъ лица.
Подъ кленъ къ источнику
Шла я умыть лицо
Упало въ воду мое колечко.
Пришли божіи сыны
Съ шелковою сѣтью,
Добыли мнѣ дорогое кольцо,
Изъ глубокаго источника.
Пріѣхалъ юноша
На гнѣдомъ конькѣ,
А гнѣдой конекъ имѣлъ
Подковки золотыя.
—Сойди, сойди дѣвица!
Подойди милая дѣвушка!
Я скажу тебѣ словечко,

Подумаемъ думку,
Что глубже воды?
Милѣе молодости?
—Не пойду юноша,
Мать будетъ бранить—
Будетъ бранить сѣдая,
Когда поздно возвращусь.

49. Вѣтеръ ли завылъ?
Лѣса ли зашумѣли?
Лиліи поколебались?
—Не вѣтеръ вылъ,
Не лѣсъ шумѣлъ,
Не лиліи колебались.—
Сестра плакала,
Милая дѣвица!
Вѣнокъ ея колебался.
Не плачь сестрица
Милая дѣвица!
Завтра хуже заплачешъ,
Когда вмѣсто вѣнка
Вдѣнутъ на тебя чепецъ;
Завтра хуже заплачешъ,
Когда обрѣжутъ волосы
Шелковой косы
Достояніе твое.
Когда снимутъ перстень,
Съ бѣлой руки твоей,
Украшеніе твое.

50. Милая мать, старая мать!
Я хочу сладко уснуть,
Дочь моя, милая дочь!
Иди въ новую клѣть,
Милая мать, старая мать!
Тамъ нельзя сладко уснуть.
Дитя мое, милая дочь!
Иди въ садикъ рутяный.
Мать моя! тамъ не могу—
Уснуть, сладко спать.
Смотри! идетъ мой возлюбленный,
Начинаетъ шутить.
Милая дѣвица, любезная дѣвица
Не желай сладко спать!
Будешь спать дѣвица
Ночью передъ праздниками

А отдохнешъ моя дѣва,
Когда будешь ткать за пяльцами.

51. *Пѣснь Сироты.*

—Для чего обратился взоръ твой,
Любезный юноша,
На дѣвицу сироту?
Когда я неимѣю
Отца ни матери
Ни родныхъ нигдѣ.
Ростетъ въ лѣсу,
Зеленый дубъ;
Но то не мой отецъ,
О, еслибъ онъ былъ мой отецъ!
Вѣтви его— руки
Листья— слова!
—Тише, не плачь дѣвица,
Милая лилія
О грустныхъ дняхъ твоихъ!
Умѣешъ ли прясть,
Въ пяльцахъ ткать?
На зеленомъ лугу (сѣно) грабить?
—Умѣю хорошо прясть,
Въ пяльцахъ ткать,
На зеленомъ лугу грабить.

Пѣснь эта не требуетъ объясненія. Въ ней явственно выражено, что трудъ и знаніе дѣла можетъ замѣнить имѣніе и родительскія попеченія. Сравненіе дуба съ отцомъ, вѣтвей его съ руками, а листьевъ со словами, повторяется неоднократно въ Литовскихъ пѣсняхъ. Дубъ дерево почитаемое въ Литвѣ священнымъ, дерево отца боговъ, кромѣ поэтическаго сравненія, вѣрно имѣетъ еще какое нибудь другое значеніе.

Прилагаемъ еще нѣсколько старыхъ Литовскихъ пѣсень относящихся къ разнымъ предметамъ, между прочимъ, изображающихъ бытъ Литовскихъ земледѣльцевъ, или крестьянъ.

52. Я пошелъ въ сосновой боръ,
Срубилъ въ сосновомъ бору дерево
И построилъ лодку.
Когда я построилъ
Темную лодку—
Осьми угольную,
Въ каждомъ углу,
Поставилъ я липу
Съ дѣвятью вѣтьвями.
На каждой вѣтви

Двѣ милыя птички
Весело распѣвали.

53. Докторъ Реза присовокупляетъ слѣдующую пѣсню, какъ продолженіе предъидущей, но ясно, что это совершенно отдѣльная.

Ой братья, братья!
Братья мои милыя!
Куда въ лодкѣ ѣдете?
Или въ подворьѣ?
Или въ деревню?
Въ малой деревушкѣ
Малыя дѣвушки,
Но большая любовь.
А если не получу
Той, которую желаю
Подожду младшей.
Когда младшей—
Не отдадутъ—
Возьму рыболовку.
Рыболовка дѣвица
Черноброврвая
Незнаетъ трехъ вѣщей:
Ни тонко прясть
Ни тонко ткать
Ни разставлять пяльцы;
Только рано встать
Сѣсть въ лодку
Умыть бѣлыя руки.

54. Сегодня пьемъ алусъ,
Завтра отправимся въпуть
Въ землю Венгерскую.
Тамъ рѣки вина текутъ,
Золотыя яблока висятъ,
А лѣсъ— сады.
Чтожъ мы будемъ дѣлать,
Въ Венгерской землѣ?
Построимъ города
Изъ дорогихъ камней,
Съ солнечными стеклами.
А когдаже возвратимся,
Изъ Венгерской земли?
Когда позеленѣютъ заборы,
Разцвѣтутъ каменья,
Изъ моря выростутъ деревья.

55. *Крестьянская пѣсня.*

Кто хочетъ жить среди горя
Проливать горькія слезы;
Пусть идетъ и сдѣлается
Женою барщинника.
Пойдетъ на барщину
Въ красный дворъ,
Гдѣ ее въ слезахъ
Поставятъ за жернова,
Возвратится съ барщины
Назадъ изъ двора
Неся милыя слова
И горькія слезы.—
Которая не хочетъ въ горѣ,
Проливать горькихъ слезъ
Пусть будетъ невѣстою,
Женою лѣсничаго.
Онъ пойдетъ въ зеленый лѣсъ
Въ березовую рощу;
Оставитъ ее сладко спящую,
Покрытою periною.
Онъ возвратится изъ лѣсу,
Изъ зеленой рощи,
Принесетъ дичь
И милое словечко.

56. Милая дочка Симононе!
Откуда взяла ты мальчика?
Мать моя, мать дорогая!
Пришелъ комнѣ восиѣ.
Милая дочка Симононе!
Чѣмъ ты его обовьешь?
Мать моя, мать дорогая!
Листкомъ тиміана.
Милая дочка Симононе!
Гдѣ ты его положишъ?
Мать моя, мать дорогая!
На постель росы.
Милая дочка Симононе!
Чѣмъ ты его покормишъ?
Мать моя, мать дорогая!
Солнечнымъ пирогомъ.
Милая дочка Симононе,
Куда ты его понесешъ?
—Мать моя, мать дорогая
Къ войску бояръ

—Милая дочка Симононе!
Чѣмъ же онъ тамъ будетъ?
Мать моя, мать дорогая
Будетъ Гетманомъ.

Что касается до размѣра древнихъ Литовскихъ пѣсень, то въ семъ отношенiи чаще всего встрѣчаются *ямбы.* Стихи бываютъ двустопные, трехъ-стопные, и четырехъ-стопные. Попадаются иногда и хореи, а рѣже всего амфибрахiй. Чаще всего стихъ пѣсни написанъ смѣшеннымъ размѣромъ. Въ древнѣйшихъ Литовскихъ пѣсняхъ не было во все риѳмъ; они являются уже въ позднѣйшихъ, какъ подражанiе инымъ языкамъ. Изъ числа новыхъ пѣсень находящихся по нынѣ въ употребленiи у Литовцевъ, нѣтъ ни одной безъ риѳмъ.

ЛИТОВСКIЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ 1).

Въ изложенiи Литовскихъ пословицъ трудно различить древнiя отъ новѣйшихъ. Тѣ только, въ которыхъ приводятся на память религiозныя идеи языческой Литвы, могутъ, по справедливости, отнестись къ древнѣйшимъ. Въ прочемъ, тѣ и другiя, какъ памятники народнаго остроумiя и плоды опытности и наблюденiя составляютъ одинаково занимательный предметъ. Въ предлагаемомъ здѣсь собранiи читатель найдетъ множество такихъ, которыхъ смыслъ сходенъ совершенно съ сохранившимися у Славянскихъ народовъ, но выраженныя только другими словами. Нѣтъ впрочемъ сомнѣнiя, что большая часть пословицъ составлялась въ древнiя времена. О томъ явственно свидѣтельствуетъ народное выраженiе, повторяемое предъ каждой почти пословицей: „такъ было въ старину! Такъ говорили наши отцы или дѣды!" Литовскiя пословицы, также какъ и пѣсни сего народа предлагаются въ переводѣ:

1. Пестръ дятелъ, а жизнь человѣческая еще пестрѣе.
2. Пестро плетется на свѣтѣ.
3. Бѣлаго свѣта не много 2).
4. Небо высоко, а на землѣ жестко.
5. Высокаго неба не достанешъ, твердой земли не пробьешь.
6. Богъ сохраняетъ все.
7. Кому Богъ обѣщаетъ, тому сдержитъ слово.
8. Съ Богомъ шутить нельзя.
9. Богъ не смотритъ на состоянiе человѣка.
10. Все одинаково въ Его власти.
11. Кто бывалъ на верьху (на небѣ)?
12. Ты Богу пальцевъ не пожалъ 3).

1) См. Литовскiя пословицы: Литва, соч. Крашевскаго, Т. I. стр. 353.

2) Литовскаго бѣлаго свѣта не должно смѣшивать съ Славянскимъ. У Славянъ бѣлый свѣтъ значитъ вообще весь мiръ, а у Литовцевъ это свѣтъ населенный людьми праведными, избранными, которыхъ какъ говоритъ пословица не много.

3) Не заключилъ съ нимъ уговора; Онъ тебѣ ничего необѣщалъ.

13. Головой камня не розобьешъ 1).
14. Такъ хотѣла счастливая судьба.
15. Божіи сады еще невыпасены 2).
16. Гдѣ не мило— тамъ двѣ три ночи, а гдѣбы хотѣлъ остаться— тамъ ни одной.
17. Трудно дуть противу вѣтра.
18. Уноситъ какъ вампиръ невѣсту.
19. Сичытъ какъ ужь безъ козьяго молока.
20. Зажги змѣиную свѣчу и соберутся змѣи.
21. Айтваросъ сыплетъ ему богатство.
22. Айтваросъ убираетъ ему волоса 3).
23. Прикрылся своей сермягой.
24. Смерть зубовъ не считаетъ.
25. Смерть и дня неподождетъ.
26. Противу смерти нѣтъ лѣкарства.
27. Какова говядина такова похлебка.
98. Не тронется безъ вѣтра.
29. Гдѣ сѣютъ рѣпу, часто вырастаетъ хрѣнъ.
30. Медъ сѣютъ, перецъ выростаетъ.
31. Малыя собачки подожгутъ (къ злу и большихъ).
32. И на маломъ пнѣ возъ опрокинется.

Теперь слѣдуютъ пословицы въ которыхъ остался слѣдъ сужденія Литовцевъ о себѣ, своихъ соотечественникахъ, иноземцахъ, сосѣдахъ, качествахъ народа и провинціальныхъ обычаяхъ.

Удивительно, что въ то время, какъ почти въ пословицахъ каждаго народа мы находимъ духъ національнаго самолюбія или даже хваставства; Литвинъ отзывается о себѣ, какъ о старомъ лаптѣ валяющемся на кучѣ сору.

33. *Лѣтувинко ужъ выжіо Лапко.*

Безпрерывные набѣги сосѣдей, начиная отъ Скандинавовъ, а потомъ притѣсненія простаго народа шляхтою, можетъ быть были причиною униженія въ которомъ пословица представляетъ Литовца. Въ прочемъ, существуетъ другая пословица, которой смыслъ совершенно противу положенъ предъидущей.

34. Литовцу пристало ѣсть мясо, а господамъ сосать кости.

Литовцы приписывали разныя качества и давали разныя названія и своимъ и чужимъ. Напримѣръ:

35. Жмудзинъ пѣвецъ.
36. Тельшанинъ пьяница.
37. Ошмянинъ буянъ.

---

1) Подобна Славянской— лбомъ стѣны не прошибешь.

2) Очевидно принадлежитъ къ древнимъ пословицамъ и представляетъ источникъ милостей боговъ въ видѣ пастбища.

3) Обѣ эти пословицы отзываются язычествомъ.

О Нѣмцахъ отзывается въ пословицахъ невыгодное мнѣніе.

38. Слѣпой немецъ людей непонимаетъ.

39. Нѣмецкій посолъ 1).

Въ позднѣйшія времена Нѣмчикомъ называютъ черта, вѣроятно заимствуя это употребленіе отъ Поляковъ. Къ новѣйшимъ также поговоркамъ относятъ восклицанія:

40. Тонемъ Нѣмчикъ!

Общія пословицы.

41. День проходитъ, время летитъ.
42. Вчерашняго дня пальцемъ не задержишъ.
43. Завтре (существительное) съ наступленіемъ дня принесетъ свой насущный хлѣбъ.
44. Молодость— барство. Молодость— глупость.
45. Молодое пиво дойдетъ до старости.
46. На гору идти весело, а подъ гору летишъ сломя голову.
47. Старикамъ (прилично) совѣтовать, молодымъ быть.
48. Старость-бѣдность; старость не барство 2).
49. Пьянымъ спать, старымъ умирать.
50. Веселіе перевеселится, а грусть перегрустится 3).
51. Каждое полѣ имѣетъ границу, каждая яма дно.
52. Блага міра стоятъ не болѣе снопа соломы 4).
53. Кто знаетъ что кроется подъ бѣлыми зубами (улыбной)?
54. Однаго дня мать, другаго мачиха.
55. Лучше мѣра, нежели вѣра (довѣренность).
56. Не вѣрь волку хоть онъ убитъ.
57. Это еще трещитъ 5).
58. Изъ большей тучи можетъ быть малый дождь.
59. Въ началѣ можетъ быть хорошо, а подъ конецъ все пропадетъ.
60. Не хвали дѣвушки предъ утромъ, а дня— предъ вечеромъ.
61. Далеко отъ лучины до вербы.
62. Кто обжегъ палецъ боится огня.
63. Одинъ день бываетъ учителемъ другаго.
64. Я изношенъ и брошенъ 6).
65. Я былъ на возѣ и подъ возомъ (выраженіе опытнаго).

---

1) Такъ Литовцы называли порывистый вѣтеръ крутящій песокъ, говоря, что онъ приходитъ осматривать урожай на Жмуди.

2) Напоминаетъ Славянскую: старость не радость.

3) Оригинальное это выраженіе объясняетъ мысль, что все въ мірѣ проходитъ.

4) Пословицу эту относятъ ко временамъ Христіанской Литвы,

5) Эта пословица внушаетъ осторожвость, какъ бы имѣя въ виду слабый ледъ могущій треснуть подъ ногами.

6) Выраженіе испытавшаго превратность счастья.

66. По работѣ лучше всего познается работникъ, а по поступку виновникъ его.
67. Не всякій тотъ охотникъ кто кривый рогъ носитъ.
68. Инной по видимому, третъ ленъ, а между тѣмъ выдѣлываетъ кожи.
69. Одна бѣда гонитъ другую безпрестанно.
70. Когда нѣтъ одной бѣды, то другая найдется на ея мѣсто.
71. Злой сонъ приходитъ легко.
72. Не надобно стоя на мѣстѣ ожидать бѣды.
73. Щастіе дѣлаетъ смѣлымъ, бѣда угнетаетъ.
74. Бѣда можетъ приключиться и лежащимъ на боку (спящему).
75. Бѣда имѣетъ ноги; когда уйдешъ отъ нея, поймаетъ тебя въ другомъ мѣстѣ.
76. Еслибы собака имѣла деньги, не сталабы выть.
77. Рубашка на тебѣ не держится.
78. Изворачивайся какъ можешъ.
79. Бѣды идутъ гуськомъ одна за другой.
80. Ушелъ отъ волка, попалъ на медвѣдя.
81. Клинъ клиномъ выгоняется 1).
82. Медвѣдь реветъ когда упадетъ на него жолудь, а когда большая вѣтвь, молчитъ.
83. Гусь машетъ крыльями летя вверхъ брюхомъ (напрасный ропотъ).
84. Кто умнымъ родился, съ умѣетъ и гусемъ орать.
85. Мать кормящая грудью дитя не передаетъ ему съ молокомъ ума.
86. Поѣхалъ глупый, возвратился не разумный.
87. Вырастая переросъ свой разумъ.
88. На что дуракамъ разумъ?
89. Одной матери дѣти часто не сходны между собой.
90. Голова управляетъ человѣкомъ.
91. Разумъ вождь остроумія.
92. Слѣпой видитъ слѣпаго.
93. Растетъ, а не созрѣваетъ.
94. Рѣчь глупца есть рѣчь; но не голова.
95. Пойди съ дуракомъ ловить раковъ, онъ будетъ ловить лягушки.
96. Гдѣ мило душѣ, тамъ растетъ тѣло.
97. Поступокъ идетъ за словомъ.
98. Такія рѣчи не пробьютъ головы.
99. Слушай много, говори мало.
100. Лучше молчать, нежели болтать.
101. Въ злыхъ устахъ слова колки.
102. Не говори (того что) не (относится) къ дѣлу, но къ дѣлу, (о томъ что) на столѣ.
103. Мелетъ языкомъ безъ мысли.

---

1) Подобно Словянской, а можетъ быть у Славянъ занята.

104. Точно Ворнянскій колоколъ, который слышенъ въ Лукштѣ 1).
105. Хотябы стараго лаптя не стоилъ 2).
106. Приходи когда ждутъ, уходи пока любятъ.
107. Не званный подъ столъ.
108. Пока пиво на столѣ сонъ не клонитъ.
109. Кусокъ возбуждаетъ жажду.
110. Гдѣ лежитъ ячмень, тамъ нѣтъ мѣста для ржи.
111. За чужимъ столомъ выгоднѣе сидѣть и вкуснѣе ѣсть.
112. Что за угощеніе безъ принужденія 3)?
113. Быть бы только сыту.
114. Первое послѣдняго не пускало 4).
115. Начали на головахъ ходить (послѣ попойки).
116. Пьяный ѣхалъ на возѣ, тогда, какъ будучи трезвъ и пѣшкомъ не двинулся.
117. Голые на сухо и на тощакъ видѣли во снѣ достатки.
118. Пьянаго подарокъ дураку потѣха.
119. Шишки (на лбу) и трезвили и поили 5).
120. Палка всегда лежитъ при собакѣ 6).
121. На дурную ногу наступилъ.
122. Крикнулъ какъ ястребъ.
123. (Начали драться) Какъ чайки за дѣтей.
124. Облупилъ слабѣйшаго какъ ворону съ перьевъ.
125. Воду только можно пить безопасно.
126. Вода не дѣлаетъ пьянымъ (бѣдность не возбуждаетъ гордости).
127. Ихъ (обжоръ) брюхо всегда готово къ праздничному пиру.
128. Умеръ медвѣдь, попрячьте трубы.
129. Вежливостью и горшка не слѣпишъ.
130. Безъ челяди не сладишъ.
131. Коза не скотъ, дѣвка не челядь.
132. Служба тяжела.
133. Сами хозяева крадутъ, а обвиняютъ челядь.
134. Волка ноги кормятъ.
135. Къ каждому строенію есть тропинка.
136. Кто гонитъ тотъ догоняетъ.
137. Что слово, то дѣло.
138. И сего-дня будетъ вечеръ.
139. Днемъ трудиться веселѣе.

---

1) Ворнѣ— мѣсто пребываніе Р. К. Епископа на Жмуди. Лукшта мѣстечко.

2) Пословица эта относится къ чествованію гостя, какъ бы онъ ничтоженъ не былъ.

3) Какъ бы не было изобильно угощеніе, Литовцы почитали его не достаточнымъ, когда хозяинъ не понуждаетъ гостей пользоваться онымъ.

4) До такой степени Литовцы пользовались угощеніемъ.

5) Обыкновенно послѣ попойки доходило до драки.

6) То есть, кто захочетъ, въ каждомъ случаѣ можетъ ударить.

140. Одна береза— одинъ кусокъ хлѣба; двѣ березы— два куска.
141. За чѣмъ бить мякину, когда изъ ней и пыли добиться нельзя.
142. (Трудящійся долженъ) Не (съ одной) иглой (браться) за работу.
143. Когда лопаетъ дерево, забивай желѣзо.
144. Гдѣ трудъ, тамъ заплата.
145. Богъ поднялъ хлѣбы высоко.
146. Ранняя ворона зубы моетъ, поздняя глаза протираетъ.
147. Черезъ заборъ въ свой садъ.
148. Курица роясь (въ землѣ) всегда что нибудь себѣ найдетъ.
149. Дворъ безъ собаки.
150. Береги себя какъ горшекъ.
151. Что стоитъ человѣкъ безъ гроша?
152. И черный хлѣбъ не голодъ.
153. Лучше толстая рубашка, нежели (когда нѣтъ) никакой.
154. Лучше воробей въ рукѣ, нежели олень въ лѣсу.
155. Чего не съѣшь, тѣмъ не налижешься.
156. Запасъ никогда не вредитъ.
157. Клятвой и молитвой (пріобрѣталось желаемое).
158. Что отецъ собралъ вздыхая, то сынъ разтратилъ крича (веселясь).
159. Учился когда глаза вылѣзли.
160. Чѣмъ выше стоишь, тѣмъ чувствительнѣе упасть.
161. Красный мальчикъ (богачъ).
162. Богачъ роскошенъ и гордъ.
163. Бѣдному ровняться съ богатымъ какъ мякинѣ съ зерномъ.
164. Откормленная лошадь скорѣе испугается.
165. Малое, можно показывать,— а большое не прилично.
166. У большого все большое.
167. Чѣмъ богачѣ, тѣмъ скупѣе.
168. Чѣмъ болѣе кто имѣетъ, тѣмъ болѣе желаетъ.
169. То только спрятано предъ господиномъ, что положено въ брюхо.
170. Баринъ шутитъ надъ мужикомъ.
171. Чья сила того и правда.
172. Я баринъ, ты баринъ,-- а кто будетъ свиней пасти?
173. Трудился какъ невольникъ.
174. Кто родился подъ гуней, (бѣдная эпанча) тотъ часто подъ ней и умираетъ.
175. Съ малымъ не далеко уйдешъ.
176. (Бѣденъ и ободранъ) Какъ Плунгянскій жидъ 1).
177. Ворона не перестанетъ скакать 2).
178. Прежде нежели осудишъ другаго, осуди себя самаго.
179. Другимъ не поможемъ, а сами пропадемъ.

---

1) Плунгяны— мѣстечко.
2) Кто какимъ родился, такимъ и умретъ.

180. Не жалѣй!— Не отцовское. Не станетъ здѣсь, найдешь въ другомъ мѣстѣ.
181. Хорошо драть чужую кожу.
182. Черезъ низкій заборъ, каждая коза перескочитъ.
183. Дальніе родственники, большіе друзья; близкіе родственники, большая потѣха.
184. Девятая вода на киселѣ 1).
185. Всему свѣту тетка.
186. Какова крыша, таковы на ней сосульки.
187. Яблоко идетъ за яблоней.
188. Птица кормитъ птенцевъ.
189. Дѣти ростутъ какъ деревья.
190. Не для того ростете (дѣти), чтобъ васъ только одѣвать.
191. Дѣтей какъ бобовъ, а хлѣба ни корочки.
192. Розгой дитя не загонишь въ могилу (а отъ могилы).
193. Не спосешь и пирогомъ.
194. Малыя дѣти, малыя хлопоты; большія дѣти, большія хлопоты.
195. (Дѣти) Только о себѣ плачутъ.
196. Кто не блѣялъ какъ теленокъ, не будетъ ревѣть какъ волъ.
197. У женщины длинно платье, умъ коротокъ.
198. Хорошая жена мужу октрываетъ, худая заграждаетъ дорогу.
199. Женщина поетъ, какъ ей мужъ заиграетъ.
200. Самый дурной мужъ лучше вдовства.
201. Сладки материнскія руки
202. Чаще берутъ зятя съ горя нежели отъ радости.
203. Свадьба кукушки, на которой выбирали мужа съ завязанными глазами.
204. Никто нехочетъ есть того, что прежде другой отвѣдалъ.
205. Котъ со двора мыши изъ норы.
206. По глазамъ можно узнать здоровье.
207. Больной съ голода не умираетъ.
208. Болѣзнь пріѣзжаетъ верхомъ, уходитъ пѣшкомъ.
209. Съ чужого коня надобно слѣзть и въ лужу.
210. Довѣренность надежнѣе замковъ и запоровъ.
211. Козелъ отъ проклятій тучнѣетъ.
212. У вора много рукъ и много дорогъ, а у преслѣдующаго его одна.
213. Занимающій смотритъ какъ соколъ, а отдающій какъ собака.
214. Заплотитъ лопатой.
215. (Отдастъ) Когда цѣпь позеленѣетъ.
216. Достанешь какъ змѣю изъ подъ подошвы.
217. Неужели и собакѣ (должно) стыдится?
218. Замѣненное годилось воронамъ, а добавка дѣтямъ.

---

1) Подобная встрѣчается между Славянскими пословицами.

219. У мѣняющаго въ конюшнѣ вороны кракаютъ.
220. Торговаться по жидовски, а платить по христіански.
221. Съ Шотландцемъ и Настоятелемъ не начинай тяжбы 1).
222. Вода и подарки красятъ людей.
223. Подарокъ надобно верхомъ возить.
224. Изъ лужи на сухо не выйдешь.
225. Кто ходитъ около муки долженъ замучиться.
226. У мѣльничихи всегда руки липки.
227. Кто дотрогивается до смолы, долженъ замаряться.
228. Иди съ чертомъ за яблоками, воротишься безъ нихъ и безъ сумы.
229. Худо, если свинья подружится съ жерновами.
230. Хитрый и злой всегда голову (изъ бѣды) вынесетъ.
231. Гдѣ много собакъ, тамъ много собачьяго лая.
232. Попала овца на волка.
233. Каждый имѣетъ свой волчій зубъ; каждый бородатый имѣетъ свою палку.
234. Каждому милъ свой обычай и свой недостатокъ.
235. Собственный домъ, хоть убогій.
236. Собственный домъ хоть тѣсный.
237. Дома лучше всего.
238. Сошлись какъ камень съ топоромъ 2).
239. Ворона воронѣ глазъ невыколитъ.
240. Одно сосали, одно ѣдятъ 3).
241. Однаго копыта, одной мѣры люди (тоже значеніе).
242. Проклятіе выходитъ устами, а возвращается носомъ.
243. Ступай, дитя мое! я буду ждать тебя на твою свадьбу и принесу тебѣ воды веревкою 4).
244. Чтобы ты исчезъ! пропалъ! обратился въ ничто!
245. Чтобы ты свернулся!
246. Чтобы тебя взялъ слѣпецъ!
247. Чтобы тебя схватила Гильтине (смертъ)!
248. Чтобы его взялъ Магилосъ (нужда, бѣдность, смерть)!
249. Чтобы тебя чертъ схватилъ!
250. Чтобы его взяли духи (злые)!
251. Чтобы ты съ мѣста не всталъ 5)!
252. Чтобы васъ вороны клевали!

---

1) Извѣстно что множество Шотландскихъ мѣлочныхъ продавцевъ ходило по Литвѣ. Въ послѣдствіи мѣсто ихъ заняли жиды.

2) Славянск.: попала коса на камень.

3) Одной матери дѣти. У Жмудиновъ подобная пословица выражается двумя словами, которыхъ буквально перенести нельзя,— *абу табу*.

4) Родъ проклятія.

5) Такъ обыкновенно проклинали лѣнивыхъ.

253. Чтобъ тебя тяжкая болѣзнь! чтобъ тебя нещастье (постигли)!
254. Чтобъ ты сгорѣлъ!

Пословицы утѣшительныя.

255. Пусть желаніе твое дойдетъ до Божіихъ ушей.
256. Да пошлетъ Богъ лучше зависть, чѣмъ состраданіе.
257. Да пошлетъ Богъ счастливый вѣкъ!
258. Не допусти Господи!
259. Пусть небо утѣшитъ.
260. Да будетъ съ нами Богъ.
261. Да благословитъ Богъ!
262. Дай Богъ здоровье!
263. Дай Боже умереть, а не пропасть!
264. Не обманывай себя!
265. Иди совсѣмъ добрымъ 1)!
266. Ящеричья голова!

Пословицы инаго рода:

267. Хотя бы на вѣтку достаться.
268. Хмѣль побѣдилъ солодъ.
269. Я тебѣ помогалъ идти на гору, а ты меня толкаешъ въ ровъ.
270. Надутая сова (гордецъ).
271. Сходящій съ горы журавль (тоже).
272. Выгонишь гусь черезъ одну диру, такъ она влезетъ другою.
273. Держись однаго! нельзя быть вмѣстѣ съ переди и съ зади.
274. Стой при своемъ (держись своего мнѣнія)!
275. Непопалъ въ конецъ, не достигъ цѣли.
276. (Какъ) Ленъ вышедши изъ малаго, не доросъ до большого 2).
277. Изъ соломы вышло, а до сѣна не дошло.
278. Ни собака ни суковатый стулъ 3).
279. (Надобно) Вертель примѣнить къ жаркому.
280. (Не дѣлай) Изъ иглы возъ (изъ малой вещи большую).
281. Когда даютъ пѣтуха, онъ хочетъ овцы.
282. А самъ съ быкомъ не сладитъ.
283. Чѣмъ болѣе имѣетъ, тѣмъ болѣе желаетъ.
284. Лежитъ какъ собака на сѣнѣ; самъ не ѣстъ и коровѣ не даетъ
285. Какъ ткачъ мѣтающій челнокъ (укоръ лжецу).

---

1) Проклятія по большой части языческія; пословицы же изъявляющія желаніе добра, христіанскія. Впрочемъ въ самихъ проклятіяхъ и брани нѣтъ выраженій оскорбляющихъ цѣломудріе.

2) Буквальный переводъ.

3) Неимѣющій никакого характера.

286. Посредствомъ лжи не далеко заѣдѣшъ.
287. Не можетъ ни правды сказать, ни солгать 1).
288. Сытый голоднаго не разумѣетъ.
289. Подъ губами (смѣющимися) находятся зубы 2).
290. Большая часть людей понимаютъ другъ друга, какъ гусь свинью.
291. Спрашиваютъ про гуся, отвѣчаетъ про утку.
292. Пиво не вода, Кунигасъ не пастухъ.
293. Кто смотрѣлъ сквозь щель, увидѣлъ черта.
294. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.
295. Не предупреждай времени! не лети предъ временемъ!
296. Не торгуйся о медвѣжьей кожѣ, когда медвѣдь еще въ лѣсу.
297. Бѣлки на вѣтви, а вертель уже готовъ.
298. Не льется за кожу (будетъ еще время).
299. (Лѣзетъ) Какъ шило въ мѣшокъ!
300. Всунь и ты свой колосокъ!
301. Не лѣзь куда не требуютъ!
302. Собачьи голоса недоходятъ до небесъ.
303. Дурное слово лучше бросить подъ подошву.
304. Шутка головы не ломаетъ.
305. Веселость смертью можетъ заключиться.
306. Ему и дочь солнца неугодитъ.
307. Ни се, ни то, самъ не знаетъ чего хочетъ.
308. Любитъ ѣсть мягкій хлѣбъ.
309. Надобно обходить его, какъ солнце радугу.
310. Даже изъ мѣшка выцарапается.
311. Я платилъ за тебя, заплати теперь за меня.
312. Черезъ брюхо ни пройдешъ, ни проглядишъ.
313. За чѣмъ ты ввелъ козла въ огородъ.
314. Не дѣлай его огородникомъ при капустѣ.
315. Чья дыра, того и убытокъ.
316. Что другой спряталъ, я того не могу найти.
317. Съ меня не сдерешь, какъ кору съ березы.
318. Голодный пройдетъ три, четыре поля, а нагому и черезъ порогъ не переступить.
319. Изъ этой муки не будетъ хлѣба.
320. На крѣпкую вѣтвь нужно крѣпкое кольцо.
321. Въ сердцѣ человѣческое не влѣзешъ.
322. На измученномъ конѣ не далеко уѣдешъ.
323. Лошадь двухъ господъ всегда тоща.
324. (Эта лошадь) Не будетъ уже ѣсть травы (издыхающая).
325. Дайже и ножъ для снятія кожи 3).

---

1) Изображеніе не ловкаго лжеца, который принужденъ молчать.
2) За смѣхомъ слѣдуетъ плачь.
3) Такъ говорили тому, кто продалъ дурную лошадь.

326. Какъ этотъ изъѣздится будетъ другой [1].
327. Нищіе набѣгаютъ какъ волки.
328. Нищаго мѣшокъ безъ дна.
329. Мѣшокъ нищаго (не насытное корыстолюбіе).
330. Развращенъ, распутенъ, какъ нищенскій бичь.
331. Солдатская розга (судьба) тяжела и солдатство не господство.
332. Зима сушитъ мокрую работу осени.
333. Еслибъ солнце скатилось на землю не выжало бы изъ нея капли воды (во время засухи).
334. (Лѣнивый) Моется какъ солнце (т. е. долго).
335. Солнечные столбы (лучи) вытягиваютъ воду изъ тучь.
336. Паръ костей не ломитъ.
337. Не хвали дня передъ вечеромъ.
338. Не жди хорошей погоды съ косою, но съ граблями.
339. Гдѣ навозъ тамъ зерно.
340. Дай господи хоть плевелы (во время неурожая)!
341. Что тебѣ пріятно, то дѣлай другому.
342. Живи какъ можешь, ѣшь что позволитъ состояніе.
343. Отецъ мысли лежитъ въ лужѣ.
344. (Дверь) Запираетъ женатаго и неженатаго.
345. Стоитъ *дайка* въ концѣ поля, кто къ ней прійдетъ тому дастъ [2].
346. Замужняя дочь воротится, забавляясь съ тѣмъ, что теперь ничто (дитя).

---

1) Пословица относящаяся къ литовскимъ возамъ, въ которыхъ не было желѣза.
2) Загадка означающая гумно.

СОДЕРЖАНІЕ.

Продается въ Вил. Губ. Стат. Комитетѣ по 2 р. 50 коп. сер. съ пересылкою.

Антикварная
книжная
торговля
В.И. КЛОЧКОВА.
С.П.Б.
Литейный пр. 55.